

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ЛИНГВИСТИКА

2012, № 1

Серия издается с 1997 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Боброва Е.Д. Роль теории речевых актов в становлении и развитии лингвистической прагматики	5
Радзиховская В.К. Антропометрия взаимности в языке и речи	12
Чернышов М.Ю. Смысловая интегративность мышления и речи и мысли-скрепы как ее медиаторы. Часть II	25

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Алонцева Н.В., Томашевич С.Б. Текстовые и языковые нормы официально-деловых документов	33
Гарсия-Каселес К.К. Корреляция английских и русских пословиц. Некоторые особенности билингвального перевода	39
Дмитриева Е.Г., Усманова З.А., Мигولاتьева И.В. Английский национальный характер сквозь призму коммуникативных ценностей	46
Несова Н.М. Стилистическая квалификация слов в английском языке	50

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Каскова М.Е. Традиция интертекстуальности в авторской сказке (на материале итальянского языка)	55
---	----

Кононова П.Н. Корреляция концептуальных структур французских фразеологических единиц, номинирующих любовь и ненависть	60
Кургузенкова Ж.В., Нелюбова Н.Ю. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в объективации процесса приема пищи во французской культуре	66
Чеснокова О.С., Шкарбань Е.А. Фразеологические единицы с антропонимами в современном испанском языке	70
Яненко Д.А. Оказиональная актуализация фразеологических единиц как способ создания комического эффекта (на материале французского языка)	78
Jianu M.M. Observations regarding the values of the imperative identified in Romanian language	83
РУССКИЙ ЯЗЫК	
Бубнова Н.А. Анализ механизмов речевой манипуляции сознанием с помощью ключевых слов социального словаря (на примере публицистической статьи)	86
ЯЗЫКИ ЕВРАЗИИ	
Ефремов Н.Н. Сложное предложение в якутском языке (структурно-семантические особенности)	98
Крылов А.Ю. Отражение категории эмотивности в арабских фразеологизмах и способы их перевода	105
АНАЛИЗ ДИСКУРСА	
Грибанов И.С., Мамонтов А.С. Испаноязычный медиадискурс: конвергентные и дивергентные процессы	113
Багана Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации	121
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Киынова Ж.К. Исторические словари и картотечные собрания как источники семантизации славянизмов	126
ПОЭТИКА ТЕКСТА	
Якушевич И.Я. Логический и синтаксический аспекты разграничения символа и метафры в поэтическом тексте	132
НАШИ АВТОРЫ	140

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

LINGUISTICS

2012, N 1

Series founded in 1997

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

GENERAL LINGUISTICS

Bobrova E.D. The Role of Speech Acts Theory in the Development of Linguistic Pragmatics	5
Radzikhovskaya V.K. Antropometry of mutuality's field in language and speech	12
Chernyshev M.Y. Sense integration of thinking and speech and linking thoughts as its mediators. Part II	25

GERMAN LANGUAGES

Alontseva N.V., Tomashevich S.B. Textual and linguistic norms of official documents	33
Garcia-Caselles C.C. Correlation of English and Russian proverbs. Some features of bilingual translation	39
Dmitrieva E.G., Usmanova Z.A., Migolatieva I.V. English national character through the communication values	46
Nesova N.M. Stylistic qualification of words in English	50

ROMAN LANGUAGES

Kaskova M.E. The tradition of intertextuality in the author's tale of the material of the Italian language	55
---	----

Kononova P.N. Correlation of the conceptual structures of phraseological units representing love and hate	60
Kurguzenkova Zh.V., Nelubova N.Y. Phraseological units with component-somatism in objectification of process of eating in the french culture	66
Chesnokova O.S., Shkarban E.A. Phraseological units with personal names in modern Spanish	70
Yanenko D.A. Occasional actualization of idioms as the way of creation of the comic effect (on the basis of the French language)	78
Jianu M.M. Observations regarding the values of the imperative identified in Romanian language	83
RUSSIAN LANGUAGE	
Bubnova N.A. Analysis of mechanics of verbal manipulation with key words of social vocabulary exemplified in journalistic article	86
LANGUAGES OF EUROASIA	
Yefremov N.N. Complex sentence in Yakut (its structural and semantic peculiarities)	98
Krylov A.Yu. The emotive category reflection in Arabic phraseological units and methods of their translation	105
ANALYSIS OF DISCOURSE	
Gribanov I.S., Mamontov A.S. Spanish media discourse: Convergent and divergent processes	113
Baghana J., Bocharova E.A. Election campaign discourse as a particular communication field	121
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Kiynova Zh.K. Historical Dictionaries and Card Assembly as the Sources of Semantics of Slavonicisms	126
POETICS OF TEXT	
Yakushevich I.V. Logic and syntactic aspects of differentiation of the symbol and metaphor in the poetic text	132
OUR AUTHORS	140

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РОЛЬ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Е.Д. Боброва

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной работе рассматриваются основные понятия теории речевых актов, этапы ее становления в рамках философских исследований языка и все более тесного взаимодействия с языкознанием. Понятие речевого акта считается одним из ключевых для развития лингвопрагматических исследований. Рассматриваются концепции британских, американских и немецких исследователей теории речевых актов и их последователей. Особое внимание уделяется концепции Э. Кошмидера.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевые акты, прагматика, говорящий субъект, философия, язык, речь, высказывание, коинциденция.

Анализ истории развития лингвистических концепций на протяжении XX в. приводит к выводу, что современные взгляды на язык и его важнейшие свойства, определившие новые направления в развитии языкознания, складывались не исключительно среди языковедов. Фундаментом для прагматических исследований в области языка послужила лингвистическая философия — английская аналитическая философия в русле методологии позитивизма и неопозитивизма. В связи с развитием естествознания философы все более критично относились к традиционно исследуемой философией «метафизическим проблемам», и в очередной раз предметом их изучения становится язык. Представители неопозитивизма решительно обращаются к анализу языка и речи. На первый план в их исследованиях выходит критический анализ использования языковых средств для выражения тех понятий, которые заключены в их семантике. Таким образом, уже на своем раннем этапе неопозитивизм затрагивал проблему функционирования языка, т.е. был готов на определенном этапе затронуть вопросы прагматики языка как системы знаков, которыми пользуются говорящие. Ученик Б. Рассела, австрийский философ Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1922 г.) изучал проблемы язы-

ка науки и соотношения познаваемого мира, мыслей о нем и синтаксических языковых единиц-предложений. Развитие лингвистической философии привело к созданию философских концепций, вносящих непосредственный вклад в собственно лингвистические исследования. Этому способствовала смена основного объекта исследований — переход от языка науки к языку обыденной речи, повседневного общения. Изменились и цели: от правки языка и устранения «метафизики» философы перешли к изучению смысла языковых единиц в речи.

Теорию речевых актов разработал английский ученый Дж. Остин. Именно он выделил понятия «речевой акт», «перформативность», «перформативные глаголы», «перформативные высказывания». Высказывания, реализующие данные категории, сами становились действиями в момент их произнесения, а не просто служили языковым описанием действия. Теория речевых актов (the Theory of Speech Acts) сыграла большую роль в лингвистической философии и в современной прагматической лингвистике, как и в целом в языкознании XX в.

Лингвистическая прагматика как научная дисциплина формировалась на основе семиотики и философского прагматизма американских ученых Ч.С. Пирса, Ч. Морриса и их последователей — У. Джеймса, К.И. Льюиса и др. Необходимо выделить имя Ч.С. Пирса (1839—1914), который предложил термин «семиотика». Ч. Моррис характеризовал прагматику как раздел семиотики, противопоставленный синтаксису и семантике и исследующий отношения между знаками и их интерпретаторами.

Рассмотрим понимание знака в лингвистической традиции.

Начиная с Ф. де Соссюра знак понимается как двусторонняя сущность, а не только как материальный носитель информации. Знаком является как сам материальный носитель, так и его содержание. В современной науке о знаках вслед за Ч. Пирсом принято различать три аспекта знака, три ступени семиозиса: это семантика, синтактика и прагматика. Семантика изучает связи между означающим и означаемым, т.е. понятиями или предметами, референтами; синтактика рассматривает связи между знаками в процессе их употребления в рамках связного высказывания. Прагматика объективирует связи между пользователями и знаками в конкретных ситуациях. Если семантика изучает значение как бинарное отношение (означающее — означаемое), то прагматика — как тренарное — «означающее — означаемое — говорящий субъект». В связи с тем что речь входит в состав человеческой деятельности и что язык по своей природе антропоцентричен, в 1970-е гг. на первый план вышли работы по прагматике. Именно переход от анализа словарного, нормативного значения слова к изменчивому смыслу и в целом содержанию высказывания привел к пониманию того, что организующим центром смыслового пространства высказывания является говорящий субъект и его психологические состояния, его интенции в рамках конкретной ситуации употребления знаков. Поэтому прагматика началась с изучения семантики предложений и прояснения сущности понятий предложения и высказывания. Так, Л. Витгенштейн пришел к выводу о том, что знать значение слова — значит уметь правильно употреблять его (1).

Таким образом, он привлек внимание к тонкостям употребления слов в конкретных контекстах, т.е. ситуациях употребления.

Язык как деятельность анализировался многими зарубежными и отечественными лингвистами, в частности В. Фон Гумбольдтом, Ш. Балли, К. Бюллером, Э. Бенвенистом, Л.В. Щербой, Н.И. Жинкиным и др. К середине XX в. в лингвистической философии уже сложились основы теории речевых актов, более детальной разработкой которых занялся Дж. Остин. Основные идеи о теории речевых актов он изложил в книге “How to do things with words” (2). В речевом акте он выделил локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты. Он построил классификацию речевых актов на основе их целевой направленности, которую назвал иллокутивной силой.

Речевой акт Дж. Остина — это высказывание в современном понимании данного термина.

Речевой акт — это «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе»; это производство конкретного, актуализированного предложения в условиях реальной речевой коммуникации. Речевой акт предполагает наличие говорящего и слушающего, обладающих некоторым общим фондом знаний о мире и общими языковыми навыками. В акте высказывания функционируют языковые единицы, которые отсылают к конкретным индивидуальным явлениям, будь то лицо, момент времени или место, в отличие от чисто языковых единиц, отсылающих к понятиям, лишь потенциально направленным на мир. В речевом акте устанавливается референция к конкретному отрезку мира на основе общих знаний участников речевого акта. Локутивный акт направлен на выбор языковой формы речевого акта на основе языковой техники, с помощью которой передается внеязыковое содержание. Иллокутивный акт направлен на передачу коммуникативной цели говорящего. Перлокутивный акт связан с представлением говорящего о возможных результатах его речевого акта. Создание соответствующих классификаций иллокутивных актов стало одной из основных задач теории речевых актов.

Дж. Остин решил выделить все перформативные глаголы языка, а затем разбить их на классы, представляющие одновременно классификацию перформативных глаголов и классификацию иллокутивных актов.

В результате он сформировал пять классов перформативов: *вердиктивы* (акты выражения оценочного суждения), *экзерситивы* (глаголы принятия решения или пропаганды за что-либо либо против чего-либо; это проявления влияния или осуществление власти), *комиссивы* (глаголы обещаний и обязательств), *бегахитивы* (глаголы, выражающие отношение и связанные с общественным поведением, например, извинение, оскорбление и т.д.) и *экспозитивы* (используются при объяснении, ведении дискуссии и развитии точки зрения; разъяснения, объяснения аргументов). Основная синтаксическая формула перформатива — *Я х, что*, где *х* — перформативный глагол [6].

Позднее другой исследователь, Дж. Серль, предложил отделить классификацию перформативных глаголов от классификации иллокутивных актов. В основу

его классификации легли иллюкутивная цель, направление приспособления (слова к миру или мира к слову) и выраженное психологическое состояние. Дж. Серль выделяет пять основных типов иллюкутивных актов: *репрезентативы* (ассертивы), *директивы*, *комиссивы*, *экспрессивы* и *декларативы*. В отечественной науке теория речевых актов развивается в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, В.В. Богданова, В.Г. Гака, И.П. Сусова, А.В. Бондарко и др.

Развитие теории речевых актов прочно связывается с именами британских и американских ученых. Принято считать, что понятие перформативности было открыто Дж. Остином, который подробно описал данное явление и проанализировал типы речевых актов. Однако фактически одновременно с британскими учеными лингвистической прагматикой занимались и немецкие ученые. Речевые действия изучал Э. Кошмидер (E. Koschmider), эту работу продолжили Д. Вундерлих, Г. Харрас, М. Шекер и др. Более того, некоторые ученые придерживаются мнения, что именно Э. Кошмидер первым открыл явление перформативности, назвав его «коинциденцией» [4].

Материалом для исследования послужили различные славянские языки, которые Э. Кошмидер сопоставлял с немецким языком. Его интересовала проблема взаимодействия значений вида и времени глаголов в высказываниях типа «*Прошу/попрошу за стол*». Как показывает ученый, не только глаголы несовершенного вида, но и глаголы совершенного вида могут иметь значение настоящего времени акта речи. В качестве одного из методов исследования коинциденции Э. Кошмидер предложил выявлять аспектологические (видовые) смыслы с помощью вопроса «Что это ты делаешь?». Посредством этой процедуры проверки он установил возможность совмещения одного из значений настоящего времени и одного из значений совершенного вида глагола — внутренней завершенности действия, своеобразной «перфективности». Например, в польском языке высказывания «*попрошу к столу*», «*признаюсь*» являются не ответом на поставленный выше вопрос, а передачей значения того самого настоящего, когда произнесение высказывания и является действием. В данных высказываниях имеет место коинциденция слова и действия.

Э. Кошмидер приводит следующие характеристики коинциденции:

- 1) совпадение действия и произнесения высказывания;
- 2) употребление высказываний только с глаголами первого лица;
- 3) внимание к тонким оттенкам значения совершенного и несовершенного вида глагола в высказывании;

4) истолкование коинциденции в связи с соотносением понятий «содержащегося в мысли» и «обозначаемого» на материале немецкого, древнееврейского и славянских языков [4].

Э. Кошмидер строит концептуальную систему, которая состоит из «содержащегося в мысли» (I — *intantum*), «обозначаемого» (D — *designatum*, *Bezeichnetes*) и «обозначающего» (S — *signum*, *Bezeichnendes*). «Содержащееся в мысли» и «обозначаемое» относятся к плану содержания. «Обозначаемое» (*Designatum*) — это содержание языкового знака в грамматической системе отдельного языка. *Inten-*

tum трактуется Кошмидером как межъязыковой семантический инвариант понятий «настоящее», «множественность», «одушевленность» и др.

Intentum исходит от говорящего как его намерение сообщить определенную мысль и совершить речевое действие. Существенной является локализованность Intentum во времени и пространстве, наподобие координат «я — здесь — сейчас».

Intentum может быть и нелокализованным во времени и пространстве. Вообще область «содержащегося в мысли» имеет огромное количество возможных интерпретаций и обладает тремя свойствами: 1) называние; 2) «включение во время» и направлятельная отнесенность к настоящему, прошлому или будущему; 3) «достижение цели» L (Leistung) в выражении сообщения, вопроса, приказа, запрета и т.д.

Называние и достижение цели при выражении вопроса, сообщения, приказа, запрета и т.п. имеют непосредственное отношение к перформативности и речевому акту, в которых они соответствуют локуции и иллокуции, прежде всего иллокутивной цели высказывания.

Таким образом, Э. Кошмидер не только выделил особое перформативное употребление глаголов, но и описал аспектологические и временные контексты данного употребления, поэтому можно смело сказать, что его концепция создала предпосылки возникновения теории речевых актов.

Из современных представителей немецкого языкознания Гизела Харрас (Gisela Harras) придерживается традиционных взглядов на проблемы речевых актов. В своей книге о перформативности, речевых актах и глаголах речевых действий (3) она исследует историю развития теории речевых актов и подчеркивает особую роль в ее создании Дж. Остина, взгляды которого она подробно излагает. Она также отмечает, что Дж. Остин ввел термин «перформативность», чтобы особо выделить определенную группу глаголов.

Перформативные глаголы — это глаголы, с помощью которых совершается декларируемое этими глаголами действие. Важнейшим показателем является их грамматическая форма — настоящее время, индикативное наклонение и активный залог. Г. Харрас также подчеркивает, что, по мнению Дж. Остина, перформативность глаголов обусловлена своеобразными общественными договоренностями, она конвенциональна.

Затем автор переходит к рассмотрению концепции перформативности и перформативных глаголов немецкого языка Дж. МакКоули (J. McCawley) (4). В этой концепции различаются семь групп перформативных глаголов немецкого языка:

- вердиктивы (*обвинять; beurteilen*);
- оперативы (глаголы, которые обозначают декларативные речевые акты, например *называть, proklamieren*);
- императивы (*приказывать, taufen*);
- *adhortative* (адхортативы) (глаголы советов, например, *предупреждать; raten*);
- комиссивы (*обязываться; sich verpflichten*);
- бехабитивы (*извиняться; tadeln*);
- экспозитивы (*отвечать; fragen*).

Далее Г. Харрас кратко освещает взгляды Дж. Серля и Д. Вандервекена на иллокутивные силы (illocutionary forces) речевых актов. В структуре речевого акта они выделяли следующие компоненты:

- 1) иллокутивная точка, цель (illocutionary point);
- 2) способ (mode) ее достижения;
- 3) пропозициональное содержание;
- 4) предварительные условия (preparatory conditions);
- 5) условия искренности;
- 6) степень силы иллокутивной цели (illocutionary point).

Подводя итог обзору, Гизела Харрас подчеркивает приоритет концепций классиков прагматических исследований языка, таких как Остин, Серль, Вандервекен.

В целом, количество различных речевых действий, выделенных и анализируемых с помощью понятий теории речевых актов, не слишком велико. Иногда с помощью одного и того же высказывания возможно совершение нескольких действий. Дальнейшее развитие теории речевых актов привело к ее включению в более общие концепции, такие как лингвистическая прагматика и когнитивная лингвистика. Понятие иллокутивной силы высказывания стало особым предметом интереса исследований функций и роли слушателя, а понятия намерения и интенциональности — в исследовании функций и роли говорящего, проводимых в семантике. Интенциональность противопоставляется конвенциональности и означает все те субъективные моменты, которые говорящий включает в высказывание. Дальнейшее развитие понятий, открытых в рамках теории речевых актов, позволяет углубить анализ тончайших оттенков речевых смыслов. Их значение в последнее время возрастает в связи с возрастанием роли языка как орудия массовой коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Зотов А.Ф.* Современная западная философия. — М., 2001.
- (2) *Austin J.R.* How to do things with words. — Oxford, 1962. В русском переводе: *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. — М., 1986.
- (3) *Harras G.* Kommunikationsverben. — Tuebingen: Narr, 2001
- (4) Цит. по: *Harras G.* Kommunikationsverben. — Tuebingen: Narr, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Денисенко В.Н., Рыбаков М.А.* Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология. — М., 2006.
- [2] *Зотов А.Ф.* Современная западная философия. — М., 2001.
- [3] *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. — М., 2000.
- [4] *Красина Е.А.* Русские перформативы: Монография. — М., 1999.
- [5] *Кронгауз М.А.* Семантика. — М., 2001.
- [6] *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. — М., 1986.
- [7] *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 2002.
- [8] *Austin J.R.* How to do things with words. — Oxford, 1962.
- [9] *Harras G.* Kommunikationsverben. — Tuebingen: Narr, 2001.

THE ROLE OF SPEECH ACTS THEORY IN THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC PRAGMATICS

E.D. Bobrova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this article we consider the main concepts of speech acts theory, the stages of its development within philosophical language studies and its interaction with linguistics. The notion of a speech act has become one of the key priorities for the development of research in linguistic pragmatics. We analyse the conceptions of British, American and German scientists, who studied and developed the theory of speech acts, and those of their followers. A special focus is laid on E. Koschmieder's conception of coincidence.

Key words: speech acts theory, speech acts, pragmatics, the speaker, philosophy, language, speech utterance, coincidence.

АНТРОПОМЕТРИЯ ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

В.К. Радзиховская

Кафедра русского языка
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

Статья представляет функционально-семантическую категорию взаимности в аспекте антропометрии как системы измерений (оценок) в пространстве взаимных отношений.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, оценка, поле взаимности.

Измерение как деятельность представлено тремя основными типами: научным измерением (в эксперименте), контрольным измерением (в технике) и оценкой (в жизненной практике взаимодействия человека с миром) [1]. Оценка — реализация человеком в процессе восприятия окружающего мира (квантования — выделения частей, сохраняющих свойства целого [2]) способности оценивать, заданной генным кодом как условие сохранения и развития вида — служит эффективным механизмом саморегуляции мысле-рече-языковой деятельности и ее результата — феномена мысле-рече-языкового образования [3]. Модель порождения речевого действия по Ч. Осгуду [4], различающая позиции интеграции слова-стимула, репрезентации его на основе опыта и актуализации в речи слова-реакции [5. С. 36], как мы понимаем, отражает ведущую роль оценки в механизме мысле-рече-языковой деятельности — инструмента актуализации отношений в языковой системе (составляющей триединство мысли-речи-языка) и самоорганизации мысле-рече-языкового акта. Так оценка необходимо определяет эффективность мысле-рече-языкового действия как кванта социальных отношений.

Оценка есть сознательная деятельность, ориентированная на некую цель и состоящая в **сравнении** оцениваемого с выбранным эталоном [1]. Оценка как сравнение с эталоном и есть измерение. Термин «измерение», на наш взгляд, правомерен по отношению к реалиям языка; его в работе со словом употреблял М.В. Ломоносов: «сам измерил глубину русского слова и многократно ее проверил» [6].

Сравнение лежит в основе языковой деятельности и присутствует в каждом элементе мысле-рече-языкового действия, касающегося выбора звука, слова, его формы, направляемого мыслительным движением по цели действия. Как следствие оценка есть в каждом языковом элементе любого уровня, выполняющем смысло-различительную функцию [2].

Измерение (оценка) всегда делается с **погрешностью**. Мы называем явления реальности относительно точно, руководствуясь критерием понятности [7].

Живая речь понимается нами как эксперимент в естественных условиях, естественно допускающий погрешность. Погрешность, достаточная для достижения цели действия, есть **нормативная** погрешность, обеспечивающая узуальность (относительную/условную устойчивость) языковой системы (в отличие от **минималь-**

ной погрешности в научном эксперименте и **допустимой** — при техническом измерении).

При общении исходят из критерия достаточности по функциональной целесообразности действий. Мысле-рече-языковая деятельность выполняется с необходимой и достаточной по ситуации смыслоразличительной точностью, а значит, с допустимой неточностью для данной актуализации действия.

Таким образом, в языке и речи представлена «оценка как целенаправленная деятельность, состоящая в измерении, осуществляемом с нормативной погрешностью при выраженном отношении к оцениваемому как результату сравнения» [1]. Номинация, выполняемая словом, так или иначе **необходимо** включает операцию оценки — момент сравнения с чем-то **уже известным**, лежащим в основе названия, проведение оценки есть поиск внутренней формы слова. Собственно, и словообразовательное значение лексических дериватов, то есть значение отношения мотивирующего компонента к мотивированному образованию, суть причина формирования слова, включает оценку.

Слово, и специально оценочное, и любое предметно-номинативное, всегда в той или иной мере оценивает обозначаемое. «Само предметное значение [слова — *В.Р.*] до некоторой степени формируется... оценкой, и этой оценке принадлежит творческая роль в изменении значений» [8. С. 4]. Назвать что-либо значит оценить это, поместить это в свой опыт. Писатель со словом получает «...заклученный в слове опыт поколений, умение находить самый краткий и верный путь изображения действительности» (С.Я. Маршак), словообразовательная модель представляет собой порождающую модель слова [2], и «...мы в праве считать язык особым знанием... рядом с двумя другими — со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [9. Т. 2. С. 79], поэтому «исследование языка может стать источником знания как о системных связях его элементов, так и о том запасе представлений о мире, который накоплен каждым языком» [Там же].

Если проследить, как ребенок овладевает словом, то особенно отчетливо можно увидеть, как является оценочная компонента мысле-рече-языкового действия, когда заметно расхождение ее с языком взрослого окружения. С другой стороны, язык взрослого по оценке же нередко в силу сложности соотношения внутри- и внеязыковых связей выполняет для детей и ложно-ориентирующую функцию [10]. Она касается не только детской речи, дело в том, что «...в словах не только заключается знание, накопленное в опыте многих поколений, — в них есть и опасность фетишизма, парализующего мысль, деформирующего картину мира в глазах людей, пользующихся словами и склонных гипостазировать их содержание» [10. С. 117].

По сути своей оценка есть предиктирование [2]: в процессе сравнения (измерения) происходит реализация формулы отождествления 'это есть это' ('S есть P'). Оценочная компонента присутствует в каждой стороне языка, явления био-психосоциального [10], триединства мысли, речи и языка. И сама номинация суть предикация. («Собственно говоря, в языке нет элементов, никак не связанных с понятием предикации; это понятие сводится к рассмотрению одних элементов в их

отношениях к другим: каждая мысль о каком-то элементе является формой его локализации в пространстве и времени, его соотносением с некоторой ситуационной структурой, а это соотношение и есть предикация» [10. С. 145]). Лексические, словообразовательные значения и даже фонетические образования, выполняя смысловоразличительную функцию, как и все предикативные значения, живут по формуле логико-синтаксической [10] структуры ‘это есть это’ — как оценка, формирующаяся по функциональной целесообразности.

Оценка подвижна: на практике она отклоняется от жесткой формулы предикцирования, реализуясь по формуле предикцирования/аберрирования в согласии с принципом *дополнительности* [11]. Оценка допускает возможные отклонения от основной формулы отождествления ‘это есть это’ к формуле расхождения ‘это есть не совсем это (вплоть до ‘совсем не это’)’ в зависимости от принятой и действующей системы социально значимых ценностей. Ее социальную значимость и подвижность (в терминологическом пространстве нашего времени — квантовую природу) показал М.В. Ломоносов устами Разума в пьесе, отражающей роль грамматики в механизме порождения речи: «Что худо, то долго устоять не может. И старое скоро возвратится, ежели оно нового лучше» [5. С. 382].

Социальная значимость определяет широту феномена оценки, осуществляемой при реализации цели языкового действия.

Оценка лежит в основании процесса порождения/восприятия речи и формировании самого языка. В речемыслительном образовании — мысли, речи, языке — всегда и необходимо присутствует оценка, причем в языке она наиболее устойчива, а в речи является не всегда адекватно, нуждаясь в подстройке по ситуации. Языковой код по своей оценочной значимости не может строго соответствовать речевой стороне формирующегося мысле-рече-языкового образования, и говорящие в этом смысле стараются как-то функционально согласовать все элементы мысле-рече-языкового действия, выверяя его по результату. Функциональное согласование единиц языка идет гибко, по ситуации с усилением/ослаблением признаков, заданных языковым кодом. Таков квантовый (устойчиво-подвижный) характер оценки как инструмента функционального согласования элементов мысле-рече-языкового действия.

Инструментом измерения воспринимаемого мира изначально является сам человек, его ощущение и понимание ситуации. К специальным средствам измерений или, собственно, к измерительным приборам при проведении измерений приводит его неудовлетворенность использованием для измерения самого себя, частей своего тела (рук, ног — шагов, движений — при выяснении линейных размеров; органов слуха и зрения — для оценки высоты тона, скорости перемещения, оценки психических состояний). Весь этот опыт, фиксирующий речь, закрепляется и хранится в языке.

По сути дела лингвистика изучает, как человек измерил мир словом. В словах, и не только в словах, специально обозначающих меру (*локоть, аршин, метр*), но и в самых разных словах и выражениях закрепляется оценка как действенный результат взаимодействия человека с миром.

Лингводидактика, в частности, использует языковой опыт человека в области измерения мира словом для организации процесса обучения языку. В работе по изучению фразеологии польского языка А. Pięcińskiej [12] один раздел так и назван: «Ciało człowieka “składa się” z frazeologizmów», а внутри него выделены главы рассматривания пословиц, фактически «иллюстрирующих» измерительные возможности языковых форм, что, естественно, способствует и их запоминанию: «Buzia, gęba — inny wymiar ust», «Nos — barometr nastrojów (что подтверждает фразеология польского языка: *zadziierać nosa*, *zwiesić/spuścić nos na kwintę*, — а также и русского языка: *задирать нос*, *опустить нос*, но в польском языке есть и выражение *podpierać się nosem* — ‘выбиваться из сил’, а в русском используется фразеологизм *держатъ нос по ветру* — ‘patrzeć skąd wiatr wieje’ или ‘kręcić się jak chorągiewka na dachu’))» и т.д.

Носом человек буквально измеряет поле взаимных отношений: он может *встретиться с кем-либо носом к носу*, *получить по носу*, советуют *не совать нос не в свои дела*, *перед самым носом* могут захлопнуть дверь или закончить продажу, а то и бесплатную выдачу чего-либо, того, что при рассмотрении взаимных отношений в языке, речи, мысли и внеязыковой действительности мы называем предметом взаимного интереса. Поле взаимных отношений людей мы рассматриваем как естественную и единственно возможную — динамическую и эффективную — область становления, развития и совершенствования языка, нормирования его в речи [13] и формирования в языке **поля взаимности** — функционально-семантической категории (ФСК) взаимности как *системы разноуровневых средств, взаимодействующих при выражении отношений объектной зависимости субъектов друг от друга* [14].

Язык своим соотношением и системной организацией лексики и грамматики формирует и удерживает собой функционально-семантическое поле взаимных отношений, имеющее, однако, в каждом языке и в каждой речевой ситуации, мыслительных представлениях и реальной действительности разные пространственные организующие его ориентиры и параметры. Периферию ФСК взаимности в русском языке представляют наименования **лиц**, вступающих во взаимные отношения (*друг, враг, конкурент* и др.), **их** специфических **действий** и **характеристик**.

Отличительная особенность слов, обозначающих лиц поля взаимности, состоит в том, что, даже обозначая одно лицо и будучи в форме единственного числа, они обозначают как минимум двоих, то есть предполагают наличие и другого лица, вступающего в поле взаимных отношений. Это могут быть и слова, составляющие конверсивную пару: *жених — невеста*, *истец — ответчик* и др.

К этой лексической группе прилагают также наименования лиц, не участвующих непосредственно во взаимных отношениях, но как-то влияющих на них, стимулирующих и организующих поле взаимных отношений (*сваха, судья*).

Взаимные глаголы также обозначают действие, которое выполняется по крайней мере двумя субъектами, связанными объектной зависимостью. Они могут быть возвратными и невозвратными. Эти, последние, — глаголы мысли и речи [15]. Причину их невозвратной формы мы видим в том, что, обозначая сложное действие, сформированное путем удвоения говорения (автоматизации процесса порождения

дения речи — интериоризации высших психических функций, так как человек, порождая речь, размышляет и «договаривается» прежде всего с самим собой), они содержат взаимное значение в лексической части и поэтому не требуют специального морфологического оформления. Специфика пространственной ориентации значения взаимного действия проявляется в том, что, в отличие от взаимно-возвратных глаголов, взаимное значение невозвратных глаголов не препятствует использованию их в конструкциях страдательного залога:

В маленьком белом домике собирался теперь по вечерам небольшой елагинский кружок, здесь **обсуждались** новые **вопросы...** **читались** новые **газеты**. (В. Короленко); Я слишком рано стала наблюдать **все, что** вокруг меня **делалось** и **говорилось** **взрослыми**. (Е. Панаева).

Конструкция страдательного залога в поле взаимных отношений в центр предложения выносит объект/предмет взаимных действий. Так, в систему средств ФСК взаимности попадает объект, который, рассматривая семантику взаимных отношений в феномене речемыслительного образования, мы назвали предметом **взаимного интереса** [16], и он существенно определяет антропометрию поля взаимных отношений. Лексическое наполнение позиции объекта в поле взаимных отношений образует одну из лексико-семантических групп ФСК взаимности, тем более важную, что именно он, обозначая предмет, определяет и организует взаимное действие. В сфере имущественных отношений самые общие по значению слова, фиксирующие предметы имущественной ценности [17], это *товар* ‘то, что является предметом торговли’, *деньги* — ‘металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже’. В словообразовательную же парадигматику ФСК взаимности входят и фрагменты словообразовательных гнезд, включающих в себя наименования предмета взаимного интереса, как ядерный конструкт периферии поля взаимности [18].

Так, относящееся к периферии поля взаимности слово *товарищ* — ‘субъект равноправного действия’, исторически связанное со словом *товарка*, притягивает в поле взаимных отношений и слово *товар* [19]. Более того, предмет взаимного интереса организует **целостность** доминантного в системе полей взаимности [14] — мысле-рече-языкового действия (наряду с взаимным действием с предметом имущественной ценности, владения, а также взаимным движением).

И неслучайно, как верно уловил эту особенность человеческой психики доктор и писатель А.П. Чехов. Создав образ Душечки, он вскрыл этот предмет как механизм мысле-рече-языковой деятельности:

«А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких **мнений**. Она видела кругом себя предметы и понимала все, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или едет мужик на телеге, какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей не сказал бы. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее такая же пустота, как и на дворе. И так жутко и так горько, как будто обьялась полыни».

Думается, знаменательно, что на юбилейном вечере, посвященном столетию со дня рождения А.П. Чехова, созданный писателем образ человека, которому не с кем разговаривать, был художественно отыгран на театральной сцене А.Б. Фрейндлих. **Мнение** — феномен взаимодействия, взаимности как явления психики, мыслительной деятельности — диагностировал доктор Чехов. *Значение, мнение* организует деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление.

Социальная значимость мыслительного взаимодействия актуализируется писателями:

«И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!» (А. Пушкин).

Ценностное значение для личности общественного мнения подчеркивает и ироническое высказывание В. Маяковского: «*Мнение — не умение. / Потерять его не страшно*» — замечательно то, что здесь сливаются объекты имущественной и интеллектуальной ценности, вполне выявляя феномен объекта взаимного интереса в поле взаимных отношений. Оценку соотношения духовного и материального достатка дал герой М. Горького:

«Деньги ничто... когда они есть..., а боязнь чужого мнения — нечто... если человек трезв...» («На дне»).

Предмет взаимного интереса всегда присутствует в поле взаимных отношений как мотив взаимного действия. При реализации взаимных отношений он может быть сознательно скрыт, выступать явно или неявно. Но если нет предмета взаимного интереса, то и нет взаимности отношений. Язык и речь реагируют на эту сложную ситуацию взаимных отношений оформлением взаимного значения в глаголе, в наименованиях лиц, участников взаимного действия и объектов взаимного интереса, их характеристик, самим наличием/отсутствием и даже ложным представлением объекта взаимного интереса в речи. Герой А.П. Чехова, старый человек, профессор, медик, осмысливая свою ситуацию, рассуждает:

Я напряженно всматриваюсь в лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу в ней свою Варю, но от прошлого у нее уцелел только страх **за мое здоровье** да еще манера **мое жалованье** называть **нашим жалованьем**, мою шапку — **нашей шапкой**. («Скучная история»).

Предмет взаимного интереса как будто выходит за пределы собственно антропометрии поля взаимности, но он-то как точка отсчета фиксирует пространство взаимных отношений и, главное, характеризует его. Отношением к предмету взаимного интереса качественно выстраивается семантическое поле взаимных отношений и выявляется человек как участник этих отношений, получая специфическую характеристику, благоприятную или препятствующую действиям его в поле взаимности (*жадный/щедрый, общительный/нелюдимый*): *Ипполит Ипполитыч был человек **неразговорчивый**; он или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно*, — так писатель обрезает границы его поля взаимных отношений. — ...*Никитин посидел около стола не большие минуты и соскучился*. —

Образ учителя истории и географии в «Учителе словесности» вырисовывается как неконтактный и через отношение к воспринимаемым событиям, предмету мысли и речи — предмету взаимного интереса. Этот **повтор** писателя (*он говорил только о том, что всем давно уже известно*), знаменующий речь Ипполита Ипполитыча, снимает саму возможность получить от него информацию, снимает саму возможность появления объекта взаимного интереса. Речь Ипполита Ипполитыча — это контрапункт текста всего рассказа, каждый раз если не разрушающий поле взаимных отношений, то останавливающий его движение, заканчивающееся его кончиной:

...все женщины, бывшие на похоронах, искренно плакали, быть может оттого, что знали, что этого неинтересного, забитого человека не любила ни одна женщина. Я хотел сказать на могиле товарища теплое слово, но меня предупредили, что это может не понравиться директору, так как он не любил покойного.

Наиболее конденсированно представлена антропометрия поля взаимности во фразеологии, фиксирующей ситуацию взаимных отношений. Структура фразеологизмов поля взаимности отличается, как правило, повтором составляющих их элементов, отражающим наличие множества субъектов взаимного действия. Напряженность числа «два» в языковом мышлении, — о которой писал И.А. Бодуэн де Куртене — «поддерживаемая постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире» [9], представлена в поле взаимности лексическим повтором его составляющих: *с глазу на глаз, один на один* (сравним франц. *en tête à tête* — ‘голова к голове’), *лицом к лицу, бок о бок; плечом к плечу, рука об руку, душа в душу, от сердца к сердцу* и пр.

Тесное пространство взаимных отношений очерчивается в социуме по полу: *между нами девочками, как мужчина с мужчиной* — стилистически оправдан вариант этого фразеологизма в «Учителе словесности»:

«Очень вам благодарен за честь, которую вы оказали мне и дочери, — говорит старик Шелестов, — но позвольте мне поговорить с вами **по-дружески**. Буду говорить с вами не как отец. А **как джентльмен с джентльменом**. Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? Это только мужики женятся рано, но там, известно, хамство, а вы-то с чего? Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?»

Эту форму **повтора**, модель которого как специфично формирующаяся в поле взаимных отношений на примере фразеологизма *Рыбак рыбака видит издалека* — описана в [15], и получает грамматический центр ФСК взаимности — местоимение *друг друга*. В качестве взаимного местоимения выражение *друг друга* получило доказательную квалификацию в работе Н.А. Янко-Триницкой [15], взаимное значение этого местоимения отмечено А.М. Пешковским [20].

Идея же о том, что «сочетания *один другого, один другому, один с другим* и т.п. синонимичны сочетаниям *друг друга, друг другу, друг с другом*, на что указывает их употребление в одном и том же значении и функции» [21], не учитывает их различие по функциональной значимости: местоимение *друг друга* обозначает

большую плотность субъектно-объектного взаимодействия. Неравноценность замены выражения *один другого* местоимением *друг друга* выявляет и данный для иллюстрации пример:

Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого (Д.Н. Мамин-Сибиряк).

Здесь *один другого* несет даже оттенок разъединения, и было бы странным употребление в этом контексте взаимного местоимения *друг друга*.

С точки зрения антропометрии местоименные выражения *друг друга* и *один другого* не только не синонимичны, но указывают на разную меру и разную пространственную ориентацию взаимных отношений. Возможны, конечно, позиции нейтрализации этих местоимений, но нам интереснее позиции различения, в которых просматривается нюансировка представления пространства, плотности взаимных отношений, более точное их измерение. Русский язык располагает дополнительным средством для выражения значения взаимности, а благодаря сформированному в нем взаимному местоимению получает функционально плотную системность организации семантического пространства взаимных отношений и тем самым утверждает существование в русском языке функционально-семантической категории взаимности.

Речевая стихия повтора, на фоне которого нарабатывается повтор как форма фразеологизма в поле взаимности по действующему в языке принципу экономии, устанавливает лексическую парадигматику ФСК взаимности. Лексическая парадигматика поля взаимности устанавливается многотрудным осознанием системности оформления семантики взаимных отношений в сложной системе в процессе употребления лексики, создающей поле взаимности в речи. Парность ядерной лексики взаимного значения — необходимая для образования поля взаимности, минимальное множество как квант ФСК взаимности — накапливается и систематизируется в противоположениях (*муж/жена*, *врач/больной*, *пациент*, *учитель/ученик* [22] и т.п.), находя свой грамматический центр в форме взаимного местоимения *друг друга*:

«Если я литератор, то мне нужно жить среди народа. Нужен хоть кусочек общественной жизни... Если я **врач**, то мне нужны больница и **больные**...» (А.П. Чехов).

Лексическая парадигма взаимного значения скрепляется наименованием предмета взаимного интереса: *муж\жена* — *ребенок (сын\дочь)*; *врач\пациент* — *здоровье*; *учитель\ученик* — *знание* [23]. Языковой материал наблюдаемого нами поля взаимности выявляет системность организации поля взаимности в языке в соответствии с закономерностями использования средств, создающих **поле взаимности в речи** — представление ситуации взаимных отношений в речи.

Мягкое движение форм, их функциональные соотношения устанавливаются при изображении ирреальности взаимных отношений. Антропометрия поля взаимности строится тогда умозрительно, моделируется, но функциональное сближение в речи языковых форм, несущих информацию о взаимных отношениях, задает ту же обнаруживаемую нами систематизацию лексики, организующуюся в реаль-

ном общении формирующимся в языке полем взаимности, в пределе стремящемся к созданию ФСК взаимности с ее грамматическим центром (*друг друга*). Ложность ситуации взаимности все-таки выдает себя — односторонностью, то есть нерепрезентативностью изображения:

«И досадуя, что он не объяснился еще с Манюсей и что ему не с кем теперь поговорить о своей любви, он пошел к себе в кабинет и лег на диван. В кабинете было темно и тихо. Лежа и глядя в потемки, Никитин стал почему-то думать о том, как через два или три года он поедет зачем-нибудь в Петербург, как Манюся будет провожать его на вокзал и плакать; в Петербурге он получит от нее длинное письмо, в котором она будет умолять его скорее вернуться домой. И он напишет ей... Свое письмо начнет так: «Милая моя крыса...» — Именно, милая моя крыса, — сказал он и засмеялся» (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

При этом глагол *влюбиться* — в виртуальном поле взаимности уже глагол взаимного действия, ибо *влюбиться* — значит уже вступить в поле взаимных отношений, пусть виртуальное, и оценка, на основе которой в этом состоянии строится взаимодействие с миром и мысле-рече-языковая деятельность меняется в пользу новой ситуации:

Никитину, с тех пор, как он влюбился в Манюсю, все нравилось у Шелестовых: и дом, и сад при доме, и вечерний чай, и плетеные стулья, и старая нянька, и даже слово «хамство», которое любил часто произносить старик. Не нравилось ему только изобилие собак и кошек да египетские голуби, которые уныло стонали в большой клетке на террасе (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

Нюансировка меры поля взаимных отношений в речи обусловлена наличием в языке переходных зон между совместным и взаимным действием, полувзаимным и взаимным действием, а также собственно взаимным и антивзаимным действием, что мы, как и само различие семантики взаимного и совместного, взаимного и полувзаимного, взаимного и антивзаимного действия, относим также к явлению антропометрии поля взаимности. По широкому пониманию оценки как измерению с допустимой погрешностью любая номинация в поле взаимности являет собой и инструмент его измерения.

Писатели, как, впрочем, и любой носитель языка, избегают теоретически неизбежного повтора слов, изображая поле взаимных отношений, и тем самым уточняется мера поля взаимности. Мастер делает это органично своему творчеству — выполняемой им эстетической задаче. Так, герой В.М. Шукшина *На девок, однако, смотрел, и снился им по ночам*; в «Учителе словесности» А.П. Чехов реализует свою программную идею, как он полагал, достойную романа: *Двое полюбили друг друга, поженились и были несчастливы* — Никитин и Маша Шелестова как раз герои такого романа. Повтор, однако, может даже подчеркнуть глубину взаимных отношений:

Ему хотелось заговорить о том, как страстно он ее любит, но он боялся, что его услышат офицеры и Варя, и молчал. Манюся тоже молчала, и он чувствовал, отчего она молчит и почему едет рядом с ним, и был так счастлив, что земля, небо, городские огни... — все сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое, и ему казалось, что его Граф Нулин едет по воздуху и хочет вскарабкаться на багровое небо (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

Различение оттенков взаимного значения (взаимности и совместности, взаимного и полувзаимного действия, взаимного и антивзаимного действия) оказывается весьма значимым для идейно-эстетического содержания художественного произведения:

У кого на руках эта карта, — начал торжественно старик Шелестов, поднимая верхнюю карту второй колоды, — тому судьба пойти сейчас в детскую и поцеловаться там с няней (А.П. Чехов. «Учитель словесности») —

очевидно, что *поцеловать няню* или *поцеловаться с няней* — не одно и то же. Лексико-грамматическое оформление поля взаимных отношений в этой нюансировке иногда страдает при переводе:

В девять часов Рябовский на прощанье поцеловал ее для того, как она думала, чтобы **не целовать** на пароходе при художниках, и проводил на пристань (А.П. Чехов. «Стрекоза»). — O dziesiątej godzinie Riabowski na pożegnanie pocałował ją, dlatego jak myślała, żeby **nie całować się** na statku, przy malarzach, i odprowadził ją do przystani (М. Dąbrowska).

Естественно, есть разница в значении состояния *ей было обидно* и *она чувствовала себя обиженной*:

Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и **было обидно**. Она вспомнила, как три года назад ее ни за что ни про что побил один купец, и еще громче заплакала (А.П. Чехов. «Хористка»). — Pasza położyła się i zaczęła głośno płakać. Żał już jej było rzeczy, które oddała była na gorąco, i **czuła się skrzywdzona**. Przypomniała sobie, jak trzy lata temu pewien kupiec zbił ją nie wiadomo za co i po co, i jeszcze głośniej zapłakała. (М. Dąbrowska) —

здесь дается не прямая оценка события, а упоминание аналогичного случая.

Более всего при передаче взаимного значения чувствительна сопровождающая его оценочная компонента. Оценка в поле взаимности обнаруживает сугубо **творческий** характер. Признаковая характеристика участников взаимных отношений особенно ценна: *Только честные и мошенники могут найти выход из всякого положения, а тот, кто хочет в одно и то же время быть честным и мошенником, не имеет выхода*. (А.П. Чехов. «Дуэль») — видимо, поэтому не приняла лермонтовского героя среда «честных контрабандистов». Сложность коллизии сказалась на неточности перевода текста: на кара-калпакском языке сказано: «*грязных контрабандистов*», а оценочная компонента определяет смысл произведения.

По оценке строится и развивается поле взаимных отношений: в «Учителе словесности» А.П. Чехов характерным для него способом «уравновешивания плюсов и минусов» (К.И. Чуковский «Юность», 1967, № 4) вскрывает причину невозможности/трудности личного счастья. При влюбленности поле взаимности героев держится на смещении оценки: *То, что в ее словах было справедливо, казалось ему необыкновенным, изумительным; то же, что расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, наивно и умирительно*. Поженившись, он не переставая наблюдал, как его разумная и положительная Маша устроивала гнездо, и сам тоже,

желая показать, что он не лишний в доме, делал что-нибудь бесполезное... — поле взаимности выравнивается сознательными действиями. Пока наконец ему не захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны.

Антивзаимные отношения рушат перспективу развития поля взаимности:

Споры всякий раз за чаем и за обедом начинала Варя. — Когда Никитину (учителю словесности — В.Р.) приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узо-стью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол. (А.П. Чехов. «Учитель словесности»)

Наиболее типичная причина отсутствия взаимных отношений — отсутствие предмета взаимного интереса:

Я имел удовольствие присутствовать за чаем во время спора. Вполне разделяю ваше мнение. Мы с вами единомышленники, и мне было бы очень приятно поговорить с вами. Вы изволили читать «Гамбургскую драматургию» Лессинга? — «Нет, не читал». — Шебалдин ужаснулся и замахал руками так, как будто ожег себе пальцы, и, ничего не говоря, попятился от Никитина. — «В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. Надо будет прочесть» (Там же).

Знание, информация — предмет взаимного интереса, организующий поле взаимных отношений познавательного процесса. Счастье же в личной жизни имеет другой фокус взаимного интереса:

Он [Никитин — В.Р.] разделся и быстро лег, чтобы поскорее начать думать о своем счастье, о Манюсе, о будущем и вдруг вспомнил, что он не читал еще Лессинга. «Надо будет прочесть... — подумал он. Впрочем, зачем мне его читать? Ну его к черту!» И, утомленный своим счастьем, он тотчас же уснул и улыбался до самого утра (Там же).

Найденная формула личного счастья — «Счастье — это когда тебя понимают» — высказана А.П. Чеховым слезами Вари:

Никто, никто! Боже мой, никто не может понять!

Окружающие раскрывают стороннее содержание этой ситуации:

Но все отлично понимали, что она старше своей сестры Мани на четыре года и все еще не замужем и что плакала она не из зависти, а из грустного сознания, что время ее уходит и, быть может, даже ушло (Там же).

Доктор А.П. Чехов говорил, что эпидемия холеры неизбежна, пока есть тараканы, грязь. Писатель А.П. Чехов, как доктор, исследует проблему личного счастья. Выстраивая в своих произведениях систему полей взаимных отношений, он нащупывает болевые точки — нарушения полей взаимных отношений: кончина Ипполита Ипполитыча, неустроенность Вари в «Учителе словесности» — это те же неожиданные выстрелы посреди кажущейся спокойной жизни, наконец, движение в поле взаимных отношений Никитина *до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны*. Неразрешимость проблемы счастья

фиксируется в творчестве А.П. Чехова невозможностью реализации взаимных отношений:

Когда княгиню беспокоили, не понимали, обижали и когда она не знала, что ей говорить и делать, то обыкновенно она начинала плакать... Кушая грибки и запивая их малагой, княгиня мечтала о том, как ...все люди, сколько их есть на земле, будут нападать на нее, злословить, смеяться; она откажется от своего княжеского титула, от роскоши и общества, уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будет молиться за врагов своих, и тогда все вдруг поймут ее, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно... (А.П. Чехов. «Княгиня»).

Исследование формирования взаимных отношений в языке и речи способствует формированию осознанного движения в социуме. В иерархически организованных сложных системах, имеющих различные способы выражения значения, действует фактор непредсказуемости. Язык, органично включенный в систему мысле-рече-языкового действия, создает ФСК взаимности как строгий и, может быть, наиболее точный инструмент измерения взаимных отношений для осознания и установления (реализации) их во внеязыковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кириянов А.П.* Научно-технические проблемы естествознания. — М., 2003.
- [2] *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. — М., 1989. — С. 5—92.
- [3] *Радзиховская В.К., Кириянов А.П.* Категория оценки как основа формирования и функционирования языковой системы // Функциональная лингвистика: проблемы и перспективы: Мат-лы конференции, Ялта. 24—28.04.1995 г. — Симферополь: CLC, 1995. — С. 9—10.
- [4] *Osgood C.E.* Lectures on Language Performance (Springer Series in Language and Communication. — Vol. 7). — New York etc., 1980.
- [5] *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. — М., 1997.
- [6] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. — М.; Л., 1952. — Т. 7.
- [7] *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избран. труды. — М., 1959.
- [8] *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1972.
- [9] *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. — М., 1963. — Т. 1, 2.
- [10] *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. — М., 1973.
- [11] *Кириянов А.П., Радзиховская В.К.* Квантовая модель предикативности/абerratивности в языке как проявление когерентности/некогерентности в сложной макросистеме // Межв. сб.: Оптические поля и оптические методы обработки информации. — М.: Изд-во МФТИ, 1991. — С. 94—100.
- [12] *Pikciska A.* Co raz wejdzie do giowy — już z niej nie wyleci. — Kraków. — wyd. I.
- [13] *Радзиховская В.К.* Красота как категория в поле взаимности // Филологические традиции в литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. — Вып. 7. — Т. 1. — М.: МГПИ, 2008. — С. 195.
- [14] *Радзиховская В.К.* Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: квантово-синергетический аспект. — М.: Прометей; МПГУ, 2005.
- [15] *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в русском языке. — М., 1968.

- [16] *Радзиховская В.К.* Предмет взаимного интереса в поле взаимности // *Язык и мышление: Психолингвистический и лингвистический аспекты*. Мат-лы 5-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 11—14 мая 2005 г.). — Москва—Пенза, 2005. — С. 94—97.
- [17] *Смолина К.П.* Лексика имущественной сферы в русском языке XI—XVII вв. — М.: Наука, 1990.
- [18] *Радзиховская В.К.* Система словообразовательных гнезд как ядерный конструкт периферии ФСК взаимности // *Культура народов Причерноморья*. — 2006. — № 82. — Т. 2. — С. 115—117.
- [19] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Совмещенная редакция В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. — М., 2001.
- [20] *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938.
- [21] *Рословец Я.И.* Значение и синтаксические функции сочетаний *друг друга, друг с другом* и т.п. // *Современный русский язык: Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина*, 1964. — С. 179—189.
- [22] *Радзиховская В.К.* Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности // *Языки профессиональной коммуникации: Сб. статей участников 3-ей Международной научной конф. (Челябинск, 23—25 октября 2007 г.): В 2 т.* — Челябинск: Энциклопедия, 2007. — С. 221—224.
- [23] *Радзиховская В.К.* Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности: *учитель — ученик* // *Преподаватель XXI век*. — 2010. — № 3. — Ч. 2. — С. 271—278.

ANTROPOMETRY OF MUTUALITY'S FIELD IN LANGUAGE AND SPEECH

V.K. Radzikhovskaya

Russian Language Department
Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119991

This report represents the functional semantic mutuality's category within framework of the antropometry as the system of measurings (assesses) into the space of mutuality's relations.

Key words: functional semantic category, assess, mutuality's field.

СМЫСЛОВАЯ ИНТЕГРАТИВНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ И МЫСЛИ-СКРЕПЫ КАК ЕЕ МЕДИАТОРЫ

Часть II

М.Ю. Чернышов

Президиум Иркутского научного центра СО РАН
ул. Лермонтова, 134, Иркутск, Россия, 664033

В статье обсуждается постулированный автором медиатор, обеспечивающий смысловую интегративность мысли, получивший название *вербально выраженная мысль-скреп* (ВВМС). Предлагается подход к идентификации ВВМС и рассмотрены примеры идентификации в текстовых сегментах и больших текстах. Предложена классификация ВВМС.

Ключевые слова: медиатор, мышление и речь, мысли-скрепы, смысловая интегративность, ВВМС.

1. Введение

В части 1 нашего исследования был выполнен анализ известных представлений о смысловой интегративности текста, опровергнута мысль о том, что любые вербальные единицы выражают смысл (тот факт, что «средство смысловой связности» вербально выражено, вовсе не предполагает, что оно может передавать или связывать смысл) и постулирован медиатор смысловой интегративности мысли, обеспечивающий скрепление смысла текста на сублингвистическом уровне (мысль о необходимости такого подхода высказывал Ю.С. Степанов) и получивший название *вербально выраженная мысль-скреп* (ВВМС). В данной статье, отражающей содержание второй части исследования, множество ВВМС представляется наглядно, излагается подход к их идентификации в текстах и текстовых сегментах. Показано, сколь принципиально ВВМС отличаются от «средств связности текста».

2. Примеры идентификации мыслей-скрепов в текстовых сегментах

Утверждение 1: Концепции связности, согласно которым приходится искать повторы ЛЕ или индексалов и на их основе выявлять отношения тематического (когезия) или коденотативного (когеренция) согласования, представляются бесперспективными даже для текстовых сегментов. Для доказательства этого утверждения, рассмотрим сегмент текста из романа Э. Хемингуэя “Islands in the Stream».

СЕГМЕНТ 1: ‘*He knew almost all there is to know about living alone, and he had known what it is to live with someone that you loved and that loved you. He had always loved his children but he had never before realized how much he loved them and how bad it was that he didn’t live with them. He wished that he had them always and that he was married to Tom’s mother.*’

Сегмент 1 характеризуется наличием множества повторов местоимения *he*. Они свидетельствуют о тематическом единстве сегмента (повествование о Томасе Хадсоне). Результат условной модельной интерпретации такой связности представлен на рис. 1.

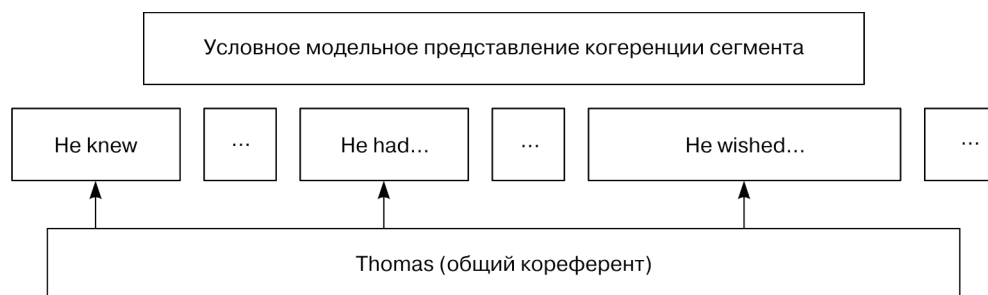


Рис. 1. Пример условно-тематической кореференциальной связности сегмента текста из романа Э. Хемингуэя "Islands in the Stream"

Но эта связность не является организующей смысл. Есть другой явный повтор — *loved*. В принципе, подобный повтор мог бы косвенно указывать на наличие связи, организующей смысл. Но даже здесь нет оснований говорить даже о коденотативном соотображении: между повторяющимися глаголами *loved* сегмента соотображения не может быть, т.к. они (а) не обуславливают однонаправленность отношений любви (в цепочке высказываний *loved* относятся к различным парам любящих и любимых) и (б) относятся к различным точкам пространства-времени (*had always loved* ('прежде всегда любил') — *loved*). Совершенно очевидно, что вербальный повтор сам по себе не обеспечивает даже когерентность сегмента. И все же можно найти основу интегративности этого сегмента. Еще в 1940-е годы А.Н. Соколов, ставя сверхзадачу анализа мышления и выявления смысла текста [3—4], предлагал анализировать первые абзацы текстов, которые он считал «ключевыми», и идентифицировать 'смысловые вехи', т.е. «смысловые сегменты, являющиеся носителями обобщенного смысла» [3. С. 165]. По мнению А.Н. Соколова, такую 'смысловую веху', как 'маяк связности', следует искать в начале первого абзаца текста, который он считал «ключевым». Этот интуитивный вывод содержал рациональное зерно, но до сих пор в известных исследованиях никому не удавалось практически отождествить множество действительно смысловых скрепов повествования с множеством первых высказываний сегментов-абзацев. Основа интегративности сегмента в нашем случае — логико-смысловые отношения, но не между индексалами или глаголами, а между множеством элементарных смыслов (ЭС) высказываний сегмента, связанных между собой с помощью общей для них МС. Здесь это — МС I = 'He had known what it is to live with someone that you loved and that loved you', не имеющая отношения ни к вербальным повторам, ни к кореференции. Остальные высказывания сегмента являются либо конкретизацией этой МС (*He had always loved his children but he had never before realized how much he loved them...*), либо относятся к пожеланиям на будущее (*He wished that he had them always and that he was married to Tom's mother*).

Утверждение 2: последовательность высказываний сегмента может вообще не иметь ни явных убедительных вербальных повторов (кроме повтора индексалов или имен собственных), ни очевидных признаков содержательных отношений кореференции, но, тем не менее, может быть связанной по смыслу. Для доказательства рассмотрим еще один сегмент.

СЕГМЕНТ 2 (“Islands in the Stream”): ‘Go ahead and drink the rest of your drink and think about something good. Tom’s dead and it’s all right to think about him. You’ll never get over it. But you are solid on it now. Remember some good happy times. You had plenty’.

В сегменте нет очевидных признаков когезии и когеренции. Налицо — единственный повтор (*you*), но его нужно восстанавливать из подтекста: ‘(You) go ahead and drink the rest of your drink and think about something good. Tom’s dead and it’s all right (for you) to think about him. You’ll never get over it. But you are solid on it now. (You) remember some good happy times. You had plenty.’ Такое восстановление — отдельная непростая задача, легко выполняемая лишь средствами интуиции человека. Очевидно, что в анализе смысловой интегративности концепции когезии и когеренции не работают.

3. Подход к идентификации ВВМС в текстах

Прежде лингвисты пытались в этом случае применять *приемы выявления связности путем интуитивного анализа случайных смысловых ассоциаций*: 1) прием выявления контрапункта, т.е. наличия в описании двух или нескольких параллельно развивающихся смысловых потоков (напр. две непохожие судьбы или два односторонних или разнонаправленных процесса, описываемых в сопоставлении) [1, 1974. С. 38; 6. С. 11]; 2) прием выявления ретардации [5. С. 162]; 3) прием исследования, основанный на анализе прогрессии описываемых ситуаций (т.е. ситуативного контекста) произведения, при котором «связь элементов композиции осуществляется логико-семантическим способом» [2. С. 64]. Но и эти приемы не являются строгими и не помогают решать задачу исследования коммуникативной интегративности текста.

Наш подход предполагает: 1) анализ смысловой структуры текста по содержанию сегментов его естественной декомпозиции: а) по смыслу заглавия текста и/или посвящения-эпиграфа (если есть); б) по оглавлению (если есть); в) по названиям глав, разделов и подразделов; г) по зачинам; 2) анализ элементов ассоциативной смысловой связности текста; 3) анализ, предполагающий идентификацию ВВМС как коммуникативно-, когнитивно- и эмотивно-значимых составляющих смысла и исследование смысловой организации текста с их помощью. Он включает: а) выявление, отслеживание в тексте и анализ коммуникативных функций выделенностей, рассчитанных на привлечение внимания адресата; б) проведение когнитивного анализа для выявления экстратекстуальной ассоциативной привязанности текста; в) обобщение результатов и идентификация выделенностей как мыслей-скрепов.

Признаки, идентифицирующие наличие ВВМС в тексте — 1) наличие в тексте (/сегменте) таких коммуникативно-, эмотивно или когнитивно-значимых и акцентно выраженных особенностей, как: а) структурные особенности (напр. разрыв в последовательности текста); б) структурная выделенность (наличие сегментов важных в коммуникативном, эмотивном или когнитивном аспектах и выделенных подчеркиванием, курсивом, жирным шрифтом, абзацным отступом, центрированием); 2) нюансы (географические названия/имена личностей; эмотивно-значимые высказывания). Указанные признаки должны удовлетворять *принципам*: а) *рекур-*

рентности (быть повторяющимися элементами семантики текста); б) *непротиворечивости* (введение новых мыслей-скрепов не должно вступать в противоречие с функционированием предыдущих); в) *связанности* (итерации мыслей-скрепов одного типа должны быть связаны между собой). Эти принципы совпадают с правилами когеренции М. Шароля (1978), что подтверждает логичность нашего подхода к идентификации. Итак, очевидно, какой аспект связности позволяют учесть ВВМС.

Этот подход полезен, когда смысл не поддается анализу с помощью известных приемов, например, если текст не имеет четкого разбиения на главы (роман “Fanny Hill” (by John Cleland), стихотворения, сонеты и т.п.) или параграфы, если это — текст с метафорой, абсурдистский текст и т.п.

4. Пример идентификации мыслей-скрепов в большом тексте

Чтобы доказать, что ВВМС являются полноправным средством смысловой интегративности, необходимо было показать, существует практический опыт смыслового связывания текстов с помощью ВВМС. Объектом нашего исследования стало множество ВВМС, возможное на множестве англоязычных текстов, относящихся к различным функциональным стилям. Его предмет — статус, особенности, и функции *мыслей-скрепов* как одного из средств многоаспектной смысловой связности текста. Мы исходили из следующих гипотез: 1) ВВМС являются одним из основных средств многоаспектной смысловой связности разнотипных текстов; 2) ВВМС бывают разноуровневыми (относящимися к тексту или сегменту); 3) ВВМС могут быть выражены вербально или невербально и идентифицированы вербальным и невербальным особенностям; 4) смысловую интеграцию текста могут обеспечить одна ВВМС или множество ВВМС; 5) обращение к ВВМС полезно в случаях, когда семантика текста столь сложна (текст с метафорой; абсурдистский и т.п.), что его интуитивный смысловой анализ другими приемами не возможен.

Исследование показало, что 1) ВВМС функционируют в художественной прозе, поэтических, драматургических, научных, деловых, политических и иных текстах, в речах ораторов; 2) Исследование интегративности на большом массиве текстов показало, что ВВМС — единственное средство, достоверно связывающее по смыслу сегменты в целостный текст в прагматико-коммуникативном, когнитивном и эмотивном аспектах. ВВМС могут не иметь отношения к фабуле, к событиям, развертывающимся в тексте, и к логике таких событий, но они обязательно имеют отношение к эмоциональной логике, которая часто важнее для привлечения внимания адресата; 3) опыт практического связывания текста с помощью того, что назвали ВВМС, есть, как выяснилось, у литераторов.

Среди художественных произведений встречаются такие, связь частей или глав которых является заведомо искусственной. К их числу относится роман Элизабет Гаскелл “North and South”. Общеизвестно, что Ч. Диккенс выбрал Э. Гаскелл как одного из авторов для своего литературного журнала Household Words, в котором в 1854 г. начал публиковать отдельные, относительно независимые ее рассказы на интересовавшую его тему — социальные конфликты «рабочие—работодатели» в промышленно развивающейся Северной Англии. Когда в начале 1855 г.

Э. Гаскелл попыталась представить совокупность уже опубликованных ею рассказов в форме цельного романа, то, соглашаясь с доводами Ч. Диккенса, вынуждена была признать, что «дело построения романа из рассказов, даже если они на одну тему и с общей сюжетной линией, оказалось непростым, а опыт — в целом неудачным». Роман читался как совокупность несвязанных частей.

Связать главы в роман не помогли ни натянутая общность тем глав, ни единство прозрачного сюжета, в котором главная героиня Маргарет Хейл, происходящая из сельской семьи юга Англии и переехавшая на север, в промышленный Ланкашир, оказывается вовлеченной в конфликты между рабочими и работодателями. Судьба сводит Маргарет с миссис Торнтон и ее сыном Джоном. Между Маргарет и Джоном, тянущимися друг к другу, идут споры, складывается взаимное непонимание. Между тем происходят события, которые приводят к смертям рабочих и иным несчастьям. Лишь со временем, на фоне несчастий, происходит примирение между Маргарет и Джоном. Оно связано с осознанием Джоном человеческих ценностей, признанием законных прав его наемных рабочих, новым пониманием значения слова *торговля*, а также с осознанием разительной разницы между промышленным севером и сельскохозяйственным югом Англии. Все это формировало ядерный смысл произведения, но не обеспечивало его связность с точки зрения читателя.

К выраженным факторам, которые работали на цельность романа, можно отнести наличие вербально выраженных образов субъектов и объектов, прослеживающихся от первой страницы произведения до последней. К ним относятся задняя гостиная (*back drawing room*) на Harley Street (С. 5—424), где начинается и заканчивается действие романа, где стоит софа (*a crimson damask sofa*), на которой можно прикорнуть после обеда (*go off into a peaceful little after-dinner nap*), где можно поиграть голубыми муслиновыми лентами (*muslin and blue ribbons*) от подвенечного платья, полистать книгу, в которой лежат лепестки роз, засушенные в память о любимом человеке... и где собираются, как встарь, Эдит, Генри, мистер Торнтон и, конечно же, Маргарет. Наконец, в конце романа становится очевидной *ретардация*. Автор возвращается мыслью назад и возвращает своих персонажей на прежние места, чем проясняет ядерный смысл первой главы и всего произведения. Но Э. Гаскелл и Ч. Диккенсу было очевидно, что единства сюжета, образов и связи между темами, факторов и сегодня признаваемых основными в связности текста (В.А. Кухаренко, И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев, Н.Ф. Крюкова, Н.Ф. Нефедова и др.), недостаточно для обеспечения смысловой интегративности романа с точки зрения адресата.

Анализ показал, что последовательность глав неполна в структурно-смысловом отношении, т.к. не образует смысловое целое, которое было бы достаточно коммуникативно, когнитивно и эмоционально связным для читателя и показывало бы органичное развитие сюжета (судеб персонажей, событий и т.д.). Этот факт очевиден уже из анализа смысловых отношений между названиями последовательности глав (см. табл. 1, где выделены добавленные главы). Лишь в варианте, появившемся в конце 1855 г., интегративность была достигнута как результат творческих поисков и авторской интуиции Э. Гаскелл, которая ввела в текст *архи-*

тектонический фактор связности: дополнительные главы (как мысли, работавшие на скрепление содержания рассказов-глав в единое целое). Введение в роман дополнительных (наиболее душевных) глав как дополнительных связующих смыслов сделало общее его содержание связным для читателя, решив не только коммуникативную, но и эмотивную задачи: привлечь внимание читателя, чтобы он мог прочесть главы, выражающие ядерный смысл. Названия вставленных глав носят характер мыслей, близких читательницам Англии: мыслей повседневных (*once and now* — «раз и навсегда»; *home sickness* — чувство, знакомое многим женщинам), мыслей, выражающих мечты (*pack clouds away*; *angel visits*), добрые пожелания (*breathing tranquility*; *a ray of sunshine*), мудрых мыслей (*ease not piece*; *out of tune*).

Итак, найден наглядный пример опыта смыслового связывания романа, подтверждающий достоверность использования ВВМС, *выраженных целыми главами*. Такой принцип связывания текста не является случайным: большинство научных и технических текстов построены именно так.

Таблица 1

Использование ВВМС в научных и технических текстах

I. Haste to the Wedding	XXVII. Fruit-Piece
II. Roses and Thorns	XXVIII. Comfort and Sorrow
III. 'The More Haste the Worse Speed'	XXIX. A Ray of Sunshine
IV. Doubts and Difficulties	XXX. Home at Last
V. Decision	XXXI. 'Should Auld Acquaintance Be Forgot?'
VI. Farewell	XXXII. Mischances
VII. New Scenes and Faces	XXXIII. Peace
VIII. Home-Sickness	XXXIV. False and True
IX. Dressing for Tea	XXXV. Expiation
X. Wrought Iron and Gold	XXXVI. Union Not Always Strength
XI. First Impressions	XXXVII. Looking South
XII. Morning Calls	XXXVIII. Promises Fulfilled
XIII. A Soft Breeze in a Sultry Place	XXXIX. Making Friends
XIV. Mutiny	XL. Out of Tune
XV. Masters and Men	XLI. The Journey's End
XVI. The Shadow of Death	XLII. Alone! Alone!
XVII. What is a Strike?	XLIII. Margaret's Flittin'
XVIII. Likes and Dislikes	XLIV. Ease Not Piece
XIX. Angel Visits	XLV. Not All a Dream
XX. Men and Gentlemen	XLVI. Once and Now
XXI. The Dark Night	XLVII. Something Wanting
XXII. A Blow and its Consequences	XLVIII. 'Ne'er to be Found Again'
XXIII. Mistakes	XLIX. Breathing Tranquillity
XXIV. Mistakes Cleared Up	L. Changes at Milton
XXV. Frederick	LI. Meeting Again
XXVI. Mother and Son	LII. 'Pack Clouds Away'

В итоге анализа 40 произведений прозы (романы и новеллы), 173 поэтических текстов, 17 пьес, 28 речей ораторов и 599 текстовых сегментов было установлено [7], что ВВМС могут быть подразделены *по уровню функционирования* (для текста/сегмента) и классифицированы по: а) *функции в связности*, б) *размеру выражающей единицы* (фраза/глава), в) *сложности* (простая или сложная, т.е. складывающаяся из нескольких различных, но взаимосвязанных и чередующихся ВВМС), г) *отнесенности* (мысль автора («А»), персонажа («П»), сочетание мыслей («А + П»)).

Была построена классификация из 16 классов ВВМС, общая для художественной прозы, драматургии, речей ораторов и поэзии:

— класс 1 — а) ВВМС, обеспечивающие эффективное выражение эмоционально-экспрессивного отношения автора к адресату и/или к предмету повествования; б) до высказывания; в) простые; г) типа «А»;

— класс 2 — а) напоминающие ВВМС-рефрены; б) до высказывания; в) простые; г) типа «А»;

— класс 3 — а) ВВМС, поясняющие и образующие «затравку», объясняющую повествование; б) до высказывания; в) простые/сложные (из двух или нескольких переплетающихся мыслей-скрепов); г) типов «А»/«П»/«А + П»;

— класс 4 — а) ВВМС, создающие у адресата ассоциацию, связывающие текст общим ассоциативным смыслом; б) фраза или элемент оглавления; в) простые; г) типов «А»/«П»;

— класс 5 — а) ВВМС, связывающие и доносящие до адресата коммуникативно-значимую динамику развития событий; б) от высказывания до главы; в) сложные (складываются из множества смысловых вертикалей); г) типа «А»;

— класс 6 — а) архитектурные МС, помогающие в связывании текста введением глав/частей; б) от одной главы или части; в) сложные (складываются из множества смысловых вертикалей); г) типа «А»;

— класс 7 — а) ВВМС, вида подсказывающего оглавления (в драматургии — перечня действующих лиц); б) элемент оглавления; в) простые; г) типа «А»;

— класс 8 — а) ВВМС, эксплицирующие обстоятельства, в которых протекает развитие кульминации содержания (конфликта и т.п.), и помогающие прочесть ядерную мысль текста; б) до высказывания; в) простые; г) типа «А»/«П»;

— класс 9 — а) ВВМС, вида расшифровывающего оглавления; б) до нескольких высказываний; в) простые; г) типа «А»;

— класс 10 — а) ВВМС, предполагающие хронологизацию изложения; б) от высказывания; в) простые; г) типа «А»;

— класс 11 — а) ВВМС, приглашающие адресата должным образом воспринять повествование и вовлекающие его в сопереживание описываемому; б) от высказывания; в) простые; г) типа «А»/«П»;

— класс 12 — а) ВВМС, призывающие адресата следовать истинам; б) от высказывания; в) простая; г) типа «А»/«П»;

— класс 13 — а) ВВМС, сливающиеся воедино с ядерным смыслом текста или его составляющей;

— класс 14 — а) ВВМС, выражающие способ донесения ядерного смысла; б) до высказывания; в) простые/сложные; г) типа «А»/«П»;

— класс 15 — а) ВВМС, кроющиеся за именами собственными и нарицательными, несущие дополнительный смысл, подсказывающие адресату точку зрения автора на описываемое; из задача — создавать у адресата смысловые ассоциации, объясняющие характер, поведение и действия персонажей, и тем связывать повествование для адресата; б) лексические единицы; в) простые; г) типа «А»;

— класс 16 — а) ВВМС, сегментов текстов; б) от фразы до высказывания; в) простые; г) типов «А»/«П».

5. Заключение

Итак, в данной статье, представляющей содержание части II исследования, наглядно представлены ВВМС сегментов и текстов, дан подход к идентификации ВВМС в текстах, приведен убедительный пример идентификации в большом тексте ВВМС, имеющих беспрецедентный размер. Все это показывает, сколь принципиально ВВМС отличаются от вербальных элементов, которые именуют «средствами связности текста».

В результате исследований были выявлены 16 классов ВВМС, возможных в романических, драматургических, поэтических произведениях и в речах ораторов. Дальнейшее исследование проблемы многоаспектной смысловой интегративности с помощью мыслей-скрепов может быть направлено на углубленное изучение эмоционально-экспрессивного и других ее аспектов на расширенном множестве текстов, относящихся к различным функциональным стилям речи, а также в аспекте имплицитной смысловой интегративности мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гальперин И.Р.* О понятии «текст» // *Лингвистика текста. Материалы науч. конференц.* — Ч. 1. — М.: МГПИИЯ, 1974. — С. 67—72.
- [2] *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1988.
- [3] *Соколов А.Н.* Психологический анализ понимания иностранного текста // *Известия АПН РСФСР.* — 1947. — Вып. 7. — С. 163—190.
- [4] *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. — М.: Наука, 1968.
- [5] *Терновская Н.Г.* Композиционная модель ретардации и языковые средства ее наполнения // *Текст в функционально-стилевом аспекте: Сб. научн. трудов МГПИИЯ.* — Вып. 309. — М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1988. — С. 161—168.
- [6] *Тимошук Л.Н.* Повтор как лингво-стилистический и композиционный элемент прозы В. Бохерта (на материале немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Львов, 1975.
- [7] *Чернышов М.Ю.* Проблема идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текстов. — М.: Наука и право, 2010.

SENSE INTEGRATION OF THINKING AND SPEECH AND LINKING THOUGHTS AS ITS MEDIATORS

Part II

M.Yu. Chernyshov

Presidium of Irkutsk Scientific Center, SB of RAS
Lermontov str., 134, Irkutsk, Russia, 664033

The paper discusses the mediator, which is postulated by the author, known as the verbally expressed linking thought (VELT) and provides for sense integration of thought. An approach to identification of VELTs is proposed, and examples of their identification in text segments and large texts are considered. A classification of VELTs is proposed.

Key words: mediator, thinking and speech, linking thoughts, sense integration, VELT.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ТЕКСТОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Н.В. Алонцева, С.Б. Томашевич

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются лексические, грамматические и стилистические особенности официально-деловых текстов; определяются основные стилистические черты данных текстов.

Ключевые слова: официально-деловые документы, лингвистические особенности, унификация, точность, логичность, лаконичность.

Официально-деловая речь обслуживает сферу сугубо официальных отношений, и тексты, функционирующие в официальном формате, отражают положение дел в правовой и административной сферах. Официально-деловой способ изложения находит применение в административно-канцелярской документации, законодательных актах, дипломатических документах.

В своей совокупности документы выступают в качестве средства управления поведением человека, коллектива, организации и регламентирования общественных, государственных актов и действий. Особая прагматика официально-деловых текстов проявляется в обязательном взаимодействии прямой и обратной связи по схеме: директива — исполнение, устав — выполнение, резолюция — последующая реализация, деловое письмо — ответ, заявление — реакция.

Тексты официально-деловых документов отличаются унификацией, стандартизацией, точностью, логичностью, лаконичностью. Как известно, унификация — это приведение чего-либо к единообразию, единой системе, форме. «Унификация документов заключается в установлении единообразия состава и форм документов, фиксирующих осуществление однотипных функций. Стандартизация документов — это форма юридического закрепления проведенной унификации и уровня ее обязательности. Смысловая точность и стандартизация официально-деловых текстов достигается посредством корректного использования слов, форм и конст-

рукций, которые наиболее адекватно выражают нужное значение и которые невозможно заменить другими лексическими единицами, грамматическими формами, конструкциями. «Точность изложения присуща практически любому формату общения» [4. С. 89]. Однако для официально-деловых документов соблюдение точности является особенно важным. Точность официально-деловой документации — это точность словоупотребления, конкретность содержания при абстрактности, типизированности, «штампованности» средств выражения.

Стандартизация проявляется в официально-логическом способе изложения, точнее, в строгой формально-языковой организации текстовой структуры документов, именуемой в стилистике «узуально-стилевым комплексом» [3. С. 21]. Вся структура официально-делового текста, или композиция — это последовательность расположения его составных частей — аспектов, различия между которыми сводятся к следующему: для текстовых норм важны требования к построению определенных типов и частей текста, для языковых норм характерно ограничение возможности употребления языковых единиц (далее — ЯЕ) в контексте документа. При этом значимость имеют и способы связей предложений и частей в тексте (лексические, морфологические, синтаксические), т.к. только во взаимодействии средства языка и способы связей составляют узуально-стилевой комплекс, или план выражения рассматриваемых текстов. Кроме того, стандартизация предполагает соблюдение дистанции между партнерами по коммуникации — отправителем и адресатом деловой информации — в императивно-волевой тональности, чем определяются социально-ролевые отношения партнеров. Иерархия этих отношений такова, что содержательная информация текстов, отмеченная у отправителя волевым началом, предписывает адресату необходимость соответствующего действия или поведения. Стандартизация и обязательность придают тексту характер официально-делового документа и переводят с его помощью человеческие отношения в деловое общение.

Исследуемая в статье официально-деловая документация соотносится с определенной сферой общественной деятельности, «ведающей внутри государства межгосударственными отношениями» [6. С. 54], обладает своими текстовыми нормами в соответствии с видом документа данной сферы. Цель, тематика и направленность информационного содержания текста документа приобретают свое адекватное оформление в зависимости от типа. Поэтому, как отмечают лингвисты, интерпретация содержания невозможна без изучения внутренней и внешней формы текста в плане характерных для него языковых средств использования, т.е. типов языковых единиц, отражающих специфические субъектно-объектные отношения, пространственные и временные признаки. Формально-логический способ выстраивания информации, характерный для официально-деловых документов, базируется на отборе языковых средств, способных обеспечивать содержательную сторону того или иного вида документа. Экстралингвистические факторы (цель, тематика документа, его направленность и т.д.) требуют отбора таких языковых средств, которые обеспечили бы полноту содержания того или иного вида документа.

Международная документация разграничивается по функциям: 1) информативные документы: меморандумы, записки, отчеты, сообщения, заявления, доклады, обзоры, рабочие документы сессий; 2) регламентирующие документы: уставы, конституции, правила процедур, конвенции, договоры (письма-договоры, ноты-договоры), акты, пакты, соглашения, кодексы; 3) итоговые документы: резолюции, декларации; 4) резюмирующие документы: протоколы заседаний, резюме прений [5. С. 5].

Нереально полагать, что текст каждого документа должен иметь только свои, т.е. специфические для него языковые средства. В действительности могут прослеживаться лишь отдельные закономерности в употреблении той или иной лексики, предпочтении каких-то грамматических форм, оборотов, конструкций, в количественных пропорциях и т.д. [6. С. 42].

С целью выявления языковых средств, используемых в официально-деловых текстах для фиксации соглашений сторон об установлении каких-либо отношений и регулирования этих отношений, нами были проанализированы 1000 текстов международных договоров (резолюций — 700, конвенций — 300). Общий объем проанализированного фактического материала составил свыше 6000 страниц.

Проведенный нами языковой анализ текстов на английском и русском языках позволяет сделать следующий вывод: в официально-деловых текстах используется **общеупотребительная, специальная** (под специальной лексикой в данной статье понимается лексика, имеющая закрепленный вариант в официально-деловых текстах на английском и русском языках), а также собственно **терминологическая** лексика. Общеупотребительная лексика (*to take into account* — *принять во внимание*, *with a view to* — *с целью*, *in accordance with* — *в соответствии с*, *a great deal of* — *много*) преобладает над специальной (*undersigned plenipotentiaries* — *полномочные представители*, *equally authentic* — *равно аутентичный*, *denounce* — *денонсировать*) и собственно терминологической (*offer* — *оферта*, *financial contribution* — *финансовый вклад*, *immovable and movable property* — *недвижимое и движимое имущество*, *trust territory* — *территория, находящаяся под опекой*). Эмоционально окрашенная книжная лексика используется для придания тексту характера директивности и официальной патетичности и торжественности. Например: *Aware that the task of the United Nations to save **future generations from the scourge of war** requires transformations towards a culture of peace...* *Сознавая, что задача Организации Объединенных Наций избавить **грядущие поколения от бедствий войны** требует перехода к культуре мира...* «Разговорная же лексика в целом для данных текстов неприемлема» [2. С. 77]. Эмоционально окрашенная лексика в целом не характерна для международных договоров, хотя этот лексический слой (придающий документам торжественность и значимость) используется в некоторых типах документов. Например, в преамбулах уставов (устав ООН, др.): *We, the peoples of the United Nations, determined to save succeeding generations from the **scourge of war**, which twice in our lifetime has brought **untold sorrow** to mankind, and to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large*

and small... Мы, народы Объединенных Наций, преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...

Специальная лексика придает международным документам официальность, строгость, однозначность и стереотипность. В документах специальная лексика может быть представлена следующими тематическими группами: полное и точное название документа (*resolution* — резолюция, *declaration* — декларация); название органов, принимающих международный договор (*General Assembly* — Генеральная Ассамблея, *Security Council* — Совет Безопасности); лексика, связанная с заключением договора, его подписанием, ратификацией, парафированием, вступлением в силу (*equally authentic* — равно аутентичные, *enter into force* — вступать в силу, *instrument of ratification or accession* — ратификационная грамота или документ о присоединении); начальные слова, вводящие логический контекст (*acknowledging* — отмечая, *bearing in mind* — принимая во внимание, *convinced* — будучи убежден(а), *deeply regretting* — выражая глубокое сожаление, **calls upon** — призывает, **reiterates** — вновь подтверждает, **stresses** — подчеркивает). Следует отметить, что специальная лексика оформляет фон международных документов и всегда употребляется в номинативном значении.

Терминологическая лексика в различных типах документов представлена неодинаково. Более широкое применение она получает в информативных текстах (доклад, отчет) и в регламентирующих текстах (конвенции). Наименьшее применение — в уставах, правилах процедуры, резолюциях и декларациях. Следует отметить, что частотность потребления терминологической лексики в самих регламентирующих документах также зависит от типа документа: в конвенциях терминология представлена наибольшим числом, а в уставах ее использование ограничено.

Одна из главных особенностей употребления терминологической лексики в регламентирующих документах — разнообразие научно-технических терминов в договорных текстах. Причина этого явления кроется в увеличении количества международных договоров по вопросам, касающимся ядерной физики, квантовой механики, онкологии, кибернетики; охраны окружающей среды. Например: *legal proceedings*, *судебное разбирательство*; *trust territory*, *подопечная территория*; *financial resources*, *денежные ресурсы* и т.д.

Широко используются в текстах международных документов латинские (*contra pacem*, *inter alia*, *ipso jure*, *par passu*, *pro rata*) и французские (*compromis d'arbitrage*, *charge d'affaires*, *voir dire*) заимствования. Сохранение и употребление их в текстах связано с традициями, сложившимися в ходе развития истории заключения международных договоров. Латинский язык широко использовался в средние века, французский язык — с конца XV в. Употребление латинских и французских выражений в большей степени зависит от тематики рассматриваемого вопроса, чем от типа документа. В юридических и торгово-экономических документах по-

добные заимствования употребляются чаще, чем в документах, посвященных научно-техническим либо политическим вопросам. Например: *The model legislation could contain provisions to provide for jurisdiction, **inter alia**...* *Типовое законодательство могло бы содержать положения, предусматривающие наличие юрисдикции, позволяющей, **inter alia**...* Использование заимствований придает документам особую официальность. Они употребляются в документах «как клише, как единое целое, иногда инородное по природе» [5. С. 93]. При сравнении аутентичных текстов на английском и русском языках обнаруживаются разные способы передачи данных заимствований: 1) полное сохранение в русском языке: *ad hoc committee* — *ад-хок комитет*, *ex-gratia payment* — *выплата ex-gratia*; 2) транслитерация: *ad valorem duties* — *адвалерные пошлины*; 3) перевод: — *right in persona* — *относительное право*, *right in rem* — *абсолютное право*.

Следует отметить, что в текстах международных договоров широко используются сокращения, которые упрощают репрезентацию материала и помогают читателю лучше воспринимать и осмысливать главную мысль в документе. В случае заимствования из иностранного языка русское сокращение представляет собой транслитерацию иностранной аббревиатуры. Например: *ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация)* — *FAO (Food and Agricultural Organization)*. Сокращение также может быть образовано от русского эквивалентного названия, например: *ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности)* — *WIPO (World Intellectual Property Organization)*, *МОТ (Международная организация труда)* — *ILO (International Labour Organization)*.

Качественное изменение общественной жизни и процесса управления ведет к увеличению объема и количества официально-деловой документации. Вследствие этого использование в документах лексико-грамматических единиц с «учетом особенностей официально-деловой речи ведет к уменьшению количества неясностей и разночтений в текстах этих документов» [1. С. 14].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алонцева Н.В. Лексико-грамматические особенности дипломатических текстов официально-делового стиля // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. — 2003. — № 11. — С. 7—15.
- [2] Алонцева Н.В. Формирование у студентов-юристов учебно-профессиональной компетенции на английском языке // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: Язык и специальность». — 2008. — № 2. — С. 76—82.
- [3] Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный. аспект стилистики текста / В.Н. Виноградова, Т.Г. Винокур, Л.И. Еремина и др.; Отв. ред. А.Н. Кожин. — М.: Наука, 1987. — С. 18—27.
- [4] Ермошин Ю.А. Обучение специалистов в области международных отношений профессиональному дискурсу (жанр официальных публичных выступлений): дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2010.
- [5] Калужная В.В. Стилль англоязычных документов международных организаций. — Киев: Наук. думка, 1982.
- [6] Петрищева Е.Ф. Функциональная и стилистическая дифференциация речи. Стилистика рус. яз., 1987.

TEXTUAL AND LINGUISTIC NORMS OF OFFICIAL DOCUMENTS

N.V. Alontseva, S.B. Tomashevich

Chair of Foreign Languages

Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the lexical, grammatical and stylistic features of the official texts. The main stylistic features of the official texts are determined.

Key words: official documents, linguistic peculiarities, unification, accuracy, consistency, laconism.

КОРРЕЛЯЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

К.К. Гарсия-Каселес

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье кратко рассматривается национально-культурная специфика английских и русских пословиц в контексте двух пословичных вариантов видения мира. Основной задачей автора является показать некоторые особенности их переводимости как субстратов межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, межкультурная коммуникация, пословица, поговорка, непереводаемость, параметрическое описание, функционально-морфологическое описание, собирательный субстрат языка, специфические механизмы взаимосвязи, фразеологические единицы, семантическое совпадение.

Актуальность вопросов, связанных с национально-культурной спецификой языка в контексте межкультурной коммуникации, приобрела в наши дни небывалую остроту. В этой связи несомненный интерес представляет анализ национально-культурной специфики английских и русских пословиц, которые обладают определенной коммуникативной ценностью. Пословицы и поговорки как в английском, так и русском языках «отражают национально-культурные особенности мировидения, образное представление действительности, своеобразие жизни, культуры, истории...» [14] англоязычных и русского народов. Полноценное изучение пословиц и поговорок в национально-культурном аспекте становится возможным только во взаимодействии с другими науками. Прежде всего, речь идет о страноведении, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Следует также отметить, что в последние годы сформировалось отдельное направление — *лингвофольклористика*, обращенная к вербальной составляющей фольклора, где понятие паремиологического пространства сближается с понятием фольклорной традиции [9].

Сопоставительное исследование пословичных единиц двух типологически несхожих языков дает возможность глубже понять специфические особенности универсального и культурно-национального в пословицах русской и английской языковой ментальности.

Несмотря на большое количество лингвистических исследований в этой области (В.П. Аникин, В.С. Виноградов, С. Влахов, С. Флорин, В.Н. Телия, Н.М. Фирсова, А.В. Федоров, Н.Ф. Михеева, В.Г. Костомаров, А.В. Вернер, А.В. Жуков, Е.И. Селиверстова, В.С. Модестов, Т.С. Демина, И.Е. Митина, Е.М. Мелетинский, Е.М. Верещагин и др.), научное определение понятий «пословица и поговорка» до сих пор является предметом теоретических дискуссий ученых-лингвистов. Нет ни одного словаря русских и английских паремий, где бы ни предпринималась попытка дать более ни менее четкую и то же время краткую трактовку данного языкового явления.

Так, согласно **Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона**, «**пословица** — сжатое, общеупотребительное изречение, живущее в народной речи... это общее суждение или наставление, относящееся к какой-нибудь стороне жизни» [15]. В свою очередь, **Большая Советская энциклопедия** определяет **пословицу** как краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа... Представляется интересной схожесть позиций в определении пословицы, данное **Библейским энциклопедическим словарем** [1], — «**пословица** собственно обозначает притчу...» — и определением **В.И. Даля** «**пословица** — коротенькая притча... обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми...» [4]. Поскольку многие пословицы имеют библейское происхождение, рассмотрим также определение этого термина в **Библейской энциклопедии Брокгауза** — **1.** слову «**Пословица**» так же как и слову «изречение» соответствует *еврейское* «машал» — «уподобление», то есть краткие изречения, содержащие мудрость поколений, жизненный опыт, передающийся из уст в уста, легко превращающиеся в «пословицу». **2.** *Греческое* слово «пароймия» может означать либо пословицу в собственном смысле слова, либо образную речь, скрытый намек, в отличие от ясных, понятных слов [2].

На наш взгляд, интересно проследить понятийное содержание термина «пословица» и в английском языке. Так, в **Dictionary of Contemporary English, proverb** — is “a short well-known statement that gives advice or expresses something that is generally true”. Похожее определение дает и **English Dictionary for Advanced Learners, proverb is** “a short well-known statement that gives practical advice about life”. В **Dictionary of English Language and Culture, proverb is** “a short well known, supposed wise, saying in simple language”. Примечательно, что **The World Book Encyclopedia** [19] и словарь **Proverbs and Maxims** Дж. Рейнера [18] практически отождествляют понятие «П» и «Максима» (правило). Следует отметить, что в отечественном языкознании эти термины неэквивалентны. Можно предположить, что это — специфическая черта английского языка. Фрагментарный анализ понятий «П» в английском и русском языках показал *прагматичность* англичанина (П = М, то есть правило) и *эмоциональное восприятия вещей* русского человека («поговорка — цветочек, пословица-ягодка» [6].

Фразеология, в состав которой входят пословицы и поговорки, как справедливо отмечает в своей работе С. Влахов, в последние годы выросла из частного лингвистического вопроса в крупный раздел языкознания. «В шкале непереводаемости или „труднопереводимости“ фразеология, или ФЕ, занимают едва ли не первое место: «непереводимость» фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц; ... с трудностью перевода ФЕ на каждом шагу сталкивается переводчик-практик, на ней почтительно останавливается теоретик перевода» [3]. И не случайно к своей монографии С. Влахов и С. Флорин выбрали эпиграф «При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему понять *чужой народ, чужой язык*. Гете» [3].

Лингвистический анализ английских и русских пословиц в контексте их национально-культурной специфики и, соответственно, исходный уровень их иссле-

дования основывается прежде всего на эмпирических наблюдениях, описаниях их свойств, признаков и особенностей, то есть представляет собой **параметрическое описание**. Параметрическое описание пословиц выявляет прежде всего их поэлементный состав. Основная задача состоит здесь в том, чтобы определить внутреннюю взаимосвязь этих элементов для обеспечения их адекватного перевода. Такой анализ можно назвать **морфологическим описанием объекта** исследования. Дальнейший анализ английских пословиц можно усложнить путем перехода к их **функциональному описанию т.е.** исследовать при переводе функциональную зависимость между отдельными элементами английских пословиц и их эквивалентами в русских пословицах, в сущности это и будет представлять собой **функционально-морфологическое описание**. Специфика данного подхода состоит в том, морфологическая функция различных элементов пословиц выводится из более широкого целого, по сути, из общего контекста самой пословицы. Наиболее сложной формой **исследования национально-культурной специфики** английских и русских пословиц является выявление их целостной семантической картины. Такой системный анализ постепенно усложняет исследование, поскольку включает в себя все предыдущие **описания** и одновременно решает новые задачи. В данном случае при изучении английских и русских пословиц описание их элементов не носит самодовлеющего характера, поскольку элемент описывается не как „таковой“, а с учетом его места в «целом». Пословица как собирательный субстрат любого языка обладает одновременно разными характеристиками, и задача лингвиста состоит в том, чтобы найти специфические механизмы их взаимосвязи.

Обращаясь непосредственно к анализу национально-культурной специфики английских и русских пословиц и поговорок, уместно воспользоваться советом, который дают С. Влахов и С. Флорин в своей монографии [3]: «пословица, как лаконичное выражение суждения, мысли, назидания, является миниатюрным художественным произведением, которое лучше всего передавать именно как произведение, а не как воспроизводимую единицу..., что и заставляет переводчика сохранять прежде всего некоторые формальности „особенности жанра“ — лаконичность, афористичность, рифму... т.е. подбирать такое соответствие, которое бы напоминало пословицу и в переводе».

При переводе английских пословиц на русский язык и, соответственно, с русского языка на английский главным критерием было и остается **совпадение одного из значений**. Однако следует заметить, что различные исторические и культурологические условия возникновения английских и русских пословиц привели к тому, что подчас одно и то же выражение или сходная мысль при образовании пословиц включали в себя различные образы, что, само собой разумеется, не делает их абсолютными эквивалентами. Например: **“Climb not top high lest the fall should be greater”**. Подстрочный перевод этой пословицы звучит следующим образом — *не поднимайся очень высоко, чтобы падение не было сильнее*. В русском языке прямой корреляции при переводе этой пословицы нет, но есть семантически похожая: **«чем выше, тем больнее падать»**. В принципе, эти две пословицы эквивалентны по смыслу. Но дословный перевод следующий: *The higher the more it hurts*. Таким

образом, при переводе были взяты за основу следующие элементы: “top high and fall” и сначала выявлена функциональная зависимость между ними, а затем при конечном переводе мы обратились к общему контексту самой пословицы.

Вопрос о передаче национального своеобразия английских и русских пословиц и поговорок, их особой окраски, связанной с национальной средой, где они созданы, «относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о их переводимости» [12].

Например: “A bird in the hand is worth two in the bush”. Дословный перевод этой фразы невозможен, так как это выражение не является осмысленной единицей для русского языка, как не является ею и *«одна птица в руках стоит двух в кустах»*. Следовательно, переводчик воспользоваться русской пословицей с аналогичным содержанием и близкой, но не идентичной образностью: *«лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе»*.

Такие фразеологизмы, легшие в основу пословиц, нередко представляют собой двойную ловушку для переводчиков, так как их существование, понятное и само собой разумеющееся для носителей языка, может сочетать в себе возможности двойственного употребления: как связанной, так и свободной единицы. Внешнее сходство пословиц порой подводит переводчика, поэтому нужно быть внимательным к поэлементному составу пословицы.

Например, в английском языке есть две довольно близких по смыслу пословицы: “every tree is known by its fruit” и “as the tree, so the fruit”. Как известно, их значения довольно далеко отстоят друг от друга. Первая *«узнается дерево по плодам своим»*, то есть *человека распознают по делам его* (библейский источник) и *«яблоко от яблони недалеко падает»*, то есть *дурное передается по наследству* (ассоциация с народной мудростью и здравым смыслом).

Или *“Put your trust in God, my boys, and keep your powder dry”*. Эта знаменитая фраза Оливера Кромвеля стала настолько популярной в английской культуре, что стала употребляться в совершенно бытовых и далеких от всяких исторических ассоциаций контекстах. Дословный перевод этой пословицы звучит: *Положитесь на бога и держите порох сухим*, на русский язык ее уместно переводить не вышеприведенной калькой, а метафорическим соответствием из числа русских народных пословиц *«на бога надейся, а сам не плошай»*.

Пословицы и поговорки образуют вербально-ассоциативный потенциал, то есть связи, которые исходят из реального смыслового результата, и в связи с этим английские пословицы по сложности перевода на русский язык и обратно можно разделить *на три основные категории*.

I. Передача самостоятельным эквивалентом (**аналогом**) [3]. Следует отметить, что число таких непосредственных соответствий между английскими пословицами и русскими весьма невелико.

Ex. “seize the bull by horns”, “don’t put all your eggs in one basket”, “custom is a second nature”, “tastes differ”...

II. Пословицы, которые **частично** переводятся. При этом следует помнить, что нередко сходные по значению пословицы имеют в английском и русском язы-

ках различную эмоционально-ассоциативную окраску и не всегда представляются эквивалентными.

“Every dog has his day” — «будет и на нашей улице праздник», “a man can die but once” — “двум смертям не бывать, а одной не миновать”, “murder will out” — «шила в мешке не утаишь»...

III. Пословицы, которые полностью отличаются переводом, и в таких случаях применяется прием «**обычное перевыражение**» [3]. Иногда таким образом удастся внедрить в переводящий язык новый фразеологизм.

“to make a silk purse out of the sow’s ear” — сделать человеком, “hunger is the best sauce” — голод не тетка, “after dearth the doctor” — врач пришел, когда больной уже умер, в определенном контексте возможно — «после драки кулаками не машут».

Что же касается фразеологизмов, послуживших **источниками** для возникновения той или иной пословицы, нам представляется, что их можно объединить в восемь групп соответствующих пословичных единиц.

1. Эквивалентность по внешнему сходству

“a close mouth catches no flies” — слово не воробей, вылетит — не поймаешь или молчание — золото, “a penny saved is a penny gained” — копейка рубль бережет, “every barber knows that” — секрет — не секрет, а знает весь свет, “every bean has its black” — и на солнце есть пятна.

2. По сходству действия

“still waters run deep” — в тихом омуте черти водятся, “with time and patience the leaf of the mulberry bush becomes satin” — время и труд все перетрут, “care killed the cat” — от добра добра не ищут, “if you agree to carry the calf, they will make you carry the cow” — покажи палец — откусят руку.

3. По сходству с поведением животного:

“give never the wolf the wether to keep” — пусти козла в огород, “to play possum” — извиваться ужом, “nightingales will not sing in a cage” — соловьи в клетке не поют, “the dogs bark, but the caravan goes on” — собака лает, да не кусает, “when pigs fly” — когда рак свистнет, а рыба запоем.

4. По сходству с конкретным физиологическим ощущением:

“every one’s faults are not written in their foreheads” — у него на лбу не написано, “far from eye, far from heart” — с глаз долой, из сердца вон, “greedy folk have long arms” — глаза завидующие, руки загибающие, “one’s heart sank into one’s boots” — душа в пятки упала.

5. По сходству признака:

“you can not judge a tree by” — внешность обманчива / бело, да не серебро, “you can not wash charcoal white” — черного кобеля не отмоешь добела / дурака учить — в решете воду носить / горбатого могила исправит.

6. По сходству с физическим состоянием, пребывание в каком-либо месте:

an Englishman’s house is his castle — мой дом — моя крепость, “be on the nettles” — быть не своей тарелке, “the road to hell is paved with good intentions” — благими

намерениями вымощена дорога в ад, “a sound mind in a sound body” — в здоровом теле — здоровый дух.

7. По сходству от внешнего воздействия:

“Time and tide wait for no man” — время не птица, упустишь — не поймаешь, “that’s where the shoe pinches” — вот где собака порылась, “the early bird catches the worm” — кто рано встает, тому бог дает, “the last straw breaks the camel’s back” — последняя капля переполнила чашу терпения.

8. По сходству местоположения:

“sit on a barrel of gun-powder” — смотреть со своей колокольни, “little by little and bit by bit” — тише едешь, дальше будешь, “let sleeping dogs lie” — не будите спящую собаку, “seldom seen, soon forgotten” — с глаз долой, из сердца вон.

Изучение когнитивной функции пословиц в контексте их национально-культурной специфики подключают нас к познавательной модели мира, к свойственному ей обиходному сознанию и естественной логике языка. В данном случае речь идет о двух пословичных видениях картин мира, связанных с культурой обоих народов и образом их мышления. Н.В. Телия в своем фундаментальном труде подчеркивает, что «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную картину мира в национально-культурные цвета... что придает языковой интерпретации антропометричность, то есть соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов» [10].

Итак, краткий анализ некоторых особенностей билингвального перевода ПЕ английского и русского языков, имманентных межкультурной коммуникации, показывает, что трудности переводимости данных замкнутых микроконтекстов связаны прежде всего с различной степенью их взаимокорреляции, которую достаточно условно можно представить как $АП = РП$, то есть переводится *эквивалентом* (совпадение смыслового значения + коннотации); $АП \approx РП$, то есть предполагает некоторые отступления от полноценного перевода и переводится *аналогом*; $АП \neq РП$, при котором переводчик прибегает к принципу контекстуального перевода уже существующей ПЕ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библейский энциклопедический словарь. — М., 1868 (interpretive.ru). — С. 165.
- [2] Библейская энциклопедия Брокгауза. — М.: Логос, Copyright, 2009. — С. 178.
- [3] Влахов С., Флорин С. Непере译ваемое в переводе. — М., 1980. — С. 198; С. IV; С. 200.
- [4] Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. — М., 1957. — С. 10—12.
- [5] Демина Т.С. Фразеология английских пословиц и поговорок. — М., 2004. — С. 45.
- [6] Дубровская О.Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц. — Екатеринбург, 2000. — С. 18.
- [7] Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов. — М., 1982. — С. 56.
- [8] Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии. — М., 1991.

- [9] *Селиверстова Е.И.* Русские пословицы в паремиологическом пространстве. — М., 2010.
- [10] *Телия В.Н.* Русская фразеология. — М., 1996. — С. 211.
- [11] *Телия В.Н.* Фразеология в контексте культуры. — М., 1999. — С. 92.
- [12] *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. — М., 1968. — С. 231.
- [13] *Фирсова Н.М.* Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики. — М., 2003.
- [14] *Фирсова Н.М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. — М., 2007. — С. 255.
- [15] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1907. — С. 189.
- [16] *Collins V.H.* A Book of English Proverbs. — Lnd., 1974. — С. 1156.
- [17] *Parker C.A.* Aspects of a theory of proverbs. — Oxford, 1970. — С. 57.
- [18] *Rayner J.L.* Proverbs and Maxims. — Lnd., 1933. — С. 251.
- [19] The World Book Encyclopedia. — Chicago, Lnd., Toronto, 1985. — С. 263.

CORRELATION OF ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS. SOME FEATURES OF BILINGUALTRANSLATION

C. Garcia-Caselles

The department of foreign languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article provides a brief analysis of the national and cultural identity of English and Russian proverbs and sayings in the context of two variants of the world conceptual vision. The main task is to show some features of their translatability and transferability as the substrates of intercultural communication.

Key words: national and cultural identity, intercultural communication, proverb, saying, translatability, untranslatability, parametric description, functional and morphological description, collective substrate of language, specific mechanisms of semantic interaction, phraseological unit, semantic matching.

АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

Е.Г. Дмитриева, З.А. Усманова,
И.В. Мигولاتева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматриваются особенности национального характера англичан, а также национальный стиль коммуникации данного народа.

Ключевые слова: национальный характер, менталитет, ментальность, коммуникативное поведение, межкультурная коммуникация.

Интерес к проблеме национального характера возник не вчера. Еще в 1748 г. выдающийся английский философ Дэвид Юм отмечал, что каждая нация имеет свой особый «строй манер», и что некоторые качества этого «строя» у одного народа встречаются чаще, чем у другого [1. С. 23].

Понятие «национальный характер» первоначально встречается в литературе, посвященной географическим открытиям и путешествиям, где повествовалось об образе жизни народов, впервые появившихся на исторической сцене.

В дальнейшем, говоря о национальном характере, одни авторы обращали внимание на личностные черты изучаемого этноса, других интересовали ценностные ориентации, присущие его членам: отношение к власти, религиозные верования, особенности трудовой этики и т.п.

Плюрализм в определении понятия «ментальность» или «национальный характер» сохраняется по сей день.

Но, даже если рассматривать это понятие как еще не устоявшееся, в которое аналитик в зависимости от своих методологических подходов и теоретических предпочтений вкладывает те или иные кажущиеся ему важными черты, необходимо руководствоваться некоторыми общими принципами. Во-первых, ментальность народа — это не усредненное значение частных характеров, а фиксация типичных черт, которые присутствуют с разной степенью интенсивности и в разных сочетаниях у значительного числа членов того или иного этносоциума. Во-вторых, эти черты можно идентифицировать лишь в соотнесении с общей системой ценностных координат, зависящей от социально-экономических, географических и климатических условий, от исторических и религиозных коллизий, которые выпали на долю народа.

Другими словами, национальный характер проявляет себя, дает о себе знать только при сопоставлении, сравнении с менталитетом другого этноса [2. С. 43]. «Национальный характер, — отмечает М. Любимов, — лишь бойкая увертюра

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.; Г/К № 16.740.11.0706 от 8 июня 2011 г.

к сложной симфонии, которой является личность, каждого из нас невозможно во-
звратить в научную матрицу, все мы неповторимы и сугубо индивидуальны» [3. С. 4].

Вопросы национальной идентичности, национального самоопределения рассматриваются с различных ракурсов. Существует множество работ историков, политологов, социологов, психологов, которые, пользуясь научным инструментарием и методологией своих наук, подробно анализируют различные аспекты этой проблемы. Лингвокультурные исследования с использованием методов компаративистики привлекают к себе внимание и филологов.

То, что культура выступает как стилеобразующий фактор, а коммуникативному поведению присущи национально-специфические черты, воспринимается сегодня как аксиома. Однако эти бесспорные особенности касаются не только конкретных форм коммуникации. Немаловажное значение принадлежит механизму их отбора и частотности употребления в тех или иных ситуациях общения [4. С. 20]. Кроме того, абсолютизация различий в коммуникативном поведении с научной точки зрения несостоятельна, так как существует большое сходство в восприятии, фиксации и оценке действительности среди образованных представителей разных лингвокультур. В то же время нельзя отрицать, что, контактируя с культурой другого этноса, обыватели исходят из своих, узких представлений о нравственной «чистоте» «чужих» базовых ценностей. Часто это приводит к неадекватно резким суждениям и оценкам, к формированию ложных этнических стереотипов. Поэтому знакомство с ценностными ориентирами иноязычной культуры играет незаменимую роль в деле гармонизации процессов межкультурной коммуникации. Это дает возможность спрогнозировать поведенческую модель иностранного собеседника и скорректировать свою собственную при общении с представителями других лингвокультур. С точки зрения поликультурной реальности воспитание толерантного отношения к обычаям и традициям своих соседей способствует взаимопроникновению и взаимообогащению культур различных этнических сообществ.

Принципиально значимым для каждого индивида является то, что играет существенную роль в его жизни и получает адекватное обозначение в языке, благодаря чему язык выступает в качестве *«исторического ретранслятора ценностей культуры»* [5. С. 335]. Не вызывает возражений и тезис о том, что *«национальный стиль коммуникации — это такая же объективная данность, как и национальный язык»* [4. С. 24]. К языковым знакам объективации коммуникативных ценностей относятся лексемы, фразеологизмы, поговорки, крылатые фразы, тексты и т.п. Чем выше в лингвистической «иерархии» стоит та или иная лексическая единица (имеется в виду последовательность знаков от семантических единиц до отдельных текстов), тем большей вариативности оно подвержено. В целом же наличие дополняющих друг друга знаков является еще одним подтверждением тезиса о взаимозависимости национального характера, языка и коммуникации.

Среди важнейших для жителей Великобритании черт коммуникативного поведения следует назвать дистантность (или автономию личности), эмоциональную сдержанность, вежливость и позитивность в общении (*positive thinking*). Особенно внимательно островитяне относятся к вопросам соблюдения прав на частную жизнь (*private space*).

Как известно, особенности национальной лексики выражаются не только в специфике ее применения, но и в отсутствии лексических значений или денотатов, которые свойственны другим языкам. То обстоятельство, что слово «*privacy*» не имеет точного эквивалента в других языках, включая русский, чрезвычайно показателен, так как языковые лакуны представляют собой «*сигналы специфики лингвокультурной общности*» [6. С. 95], а проблемы «лакунарности» оказываются на поверхности в процессе сопоставления языков. Выдающийся отечественный культуролог Юрий Лотман в этой связи отмечал, что «*перевод непереводимого*» часто становится носителем информации высокой ценности [7. С. 16].

Существует точка зрения, что культурам индивидуалистского типа (а английская лингвокультура — очевидный и типичный ее представитель) свойственна стратегия дистанцирования, тогда как культурам коллективистского типа — стратегия сближения, которая проявляется как целенаправленная демонстрация положительных эмоций. Между тем, как убедительно доказала Т.В. Ларина, для английской лингвокультуры характерны обе эти стратегии. Островитяне часто используют экспрессивные эмоционально-оценочные единицы типа *great, excellent, perfect* в строго позитивной коннотации, и это характерно не только для разговорной речи, но и для деловой коммуникации.

С точки зрения различных наук межкультурная коммуникация выполняет разнообразные функции: информационные, интерактивные, аксиологические, нормативные, социальные, и комплексное изучение лингвокультур (в первую очередь, английской — в силу ареала ее распространения) позволит полнее представить специфику коммуникативного поведения его носителей. В целом, лингвокультурную этностилистику можно определить как относительно новую отрасль антропологической лингвистики. Представляется, что одним из перспективных направлений ее развития могли бы стать сравнительные исследования коммуникативного сознания в тех социумах, которые в историческом плане сложились как производные от единого в прошлом этноса (Киевская Русь, Испания, Англия), а равно в тех государственных образованиях, где разные этносы, интегрировавшись в единые социумы, вместе с тем сохранили (де-юре и де-факто) равноправие своих исторических языков (Швейцарская Конфедерация, Бельгия, Канада).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Hume D.* A Treatise of Human Nature. — New York: Dover, 2003.
- [2] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2002.
- [3] *Любимов М.* Гуляния с чеширским котом. — СПб.: Амфора/Эврика, 2001.
- [4] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009.
- [5] *Синячкин В.П.* Изучение и отбор общечеловеческих ценностей в процессе преподавания русского языка // Русский язык в многополярном мире. Сб. статей Международной научно-практической конференции. — М.: РУДН, 2009. — С. 332—341.
- [6] *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингво-культурной общности // Аспекты изучения текста. — М., 1981. — С. 93—101.
- [7] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2004.

ENGLISH NATIONAL CHARACTER THROUGH THE COMMUNICATION VALUES

**E. Dmitrieva, Z. Usmanova,
I. Migolatieva**

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the characteristics of the English national character and communication style.

Key words: national character, mentality, communication style, cross-cultural communication.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.М. Несова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается стилистическая дифференциация лексики, представленная через систему стилистических помет в толковых словарях английского языка. С одной стороны, четко различаются книжный и разговорный стили, но не исключается и область перехода, их взаимопроницаемость. К стилистическим пометам также относят архаизмы и регионализмы.

Ключевые слова: словарные пометы, стилистические пометы, разговорный стиль, книжные стили, нейтральные слова, архаизмы, регионализмы, коннотации.

Всю лексику английского языка можно представить в виде синтеза трех ее основных компонентов: литературного стиля, нейтральных слов и разговорной лексики.

В состав категории **книжной (литературной) и разговорной лексики** «входят несколько лексических групп, характеризующиеся определенными стилистическими квалификациями.

Общее свойство, согласно которому все компоненты лексики сочетаются внутри данной категории, называется *видовой квалификацией*» [1]. Так, состав **книжной лексики** имеет литературную видовую характеристику. Именно благодаря этой особенности состав словарного фонда отличается относительным постоянством. Состав разговорной лексики отличается «живым», постоянно меняющимся характером. Категория **нейтральной лексики** обладает универсальными свойствами. Это объясняется неограниченностью в употреблении в различных областях лексики, а также во всех сферах человеческой деятельности. Данные особенности определяют эту категорию как самую постоянную из вышеупомянутых компонентов лексики.

Категория **книжной лексики** состоит из лексических компонентов, являющихся традиционными составляющими английского словаря и не обладающих местными, диалектными свойствами.

Лексическая группа **разговорного стиля**, квалифицированная большинством английских и американских словарей, не имеет строго-ограниченной принадлежности к определенной языковой группе и ее территориальной характеристике.

В состав **книжной лексики** входят следующие элементы: 1) *общие (традиционные) литературные слова*; 2) *термины*; 3) *поэтические слова*; 4) *архаизмы*; 5) *иностранные слова и заимствования*; 6) *неологизмы и окказиональные слова*.

Разговорная лексика разделена на соответствующие классы слов: 1) *общая разговорная лексика*; 2) *сленг*; 3) *жаргон*; 4) *профессиональные слова*; 5) *диалекты*; 6) *вульгаризмы*; 7) *разговорные неологизмы*.

Общая книжная лексика, нейтральные слова и общая разговорная лексика объединены в одно понятие — **основной словарный фонд**. Отдельные подгруппы слов в составе книжной лексики относятся к специальным литературным словам; также некоторые слова в составе разговорной лексики рассматриваются в качестве специальных (нелитературных) слов.

Нейтральные слова являются базовым компонентом основного словарного фонда английского языка и употребляются в книжной и разговорной лексике. Стилистические особенности нейтральных слов в английском языке объясняются самой структурой языковой системы. Так, «большинство нейтральных слов являются односложными конструкциями, что объясняется процессом развития английского языка (от прежнего до современного варианта), когда большинство частей речи утратило свои отличительные аффиксы. Это привело к развитию конверсии — самому продуктивному способу словообразования. В отличие от книжной и разговорной лексики, имеющей определенную стилистическую окраску, категория нейтральной лексики в целом лишена особой стилистической характеристики» [4].

Слова **книжной лексики** употребляются в письменной и устной форме речи. Однако можно всегда подобрать литературный вариант разговорного слова. Причиной данной связи является противопоставление аналогичных синонимичных групп в составе литературной и разговорной лексики, например:

Colloquial	Neutral	Literary
kid	child	infant
daddy	father	parent
chap	fellow	associate
get out	go away	retire
go on	continue	proceed
get going	start	commence

Очевидно, что данные синонимы имеют определенные семантические и стилистические отличительные признаки. Стилистические особенности выражаются эмоциональной окраской слова, сферой его употребления, а также имеющейся качественной характеристикой. В сравнении с книжной лексикой слова разговорного стиля имеют более выраженную эмоциональную окраску. Слова нейтральной лексики лишены всякой эмоциональной характеристики, так же как не существует различий и в сфере их употребления.

Книжная и разговорная лексика характеризуются наличием двух уровней: *верхнего и нижнего*. *Нижний уровень* книжной лексики приближен к нейтральному пласту слов и имеет тенденцию проникновения в него. То же самое можно сказать и о *верхнем уровне* разговорной лексики: он очень подвижен, и может также проникать в нейтральный слой.

Таким образом, границы между пластом общей разговорной лексики и пластом нейтральных слов, а также между книжной лексикой и основным словарным фондом оказываются размытыми. Становится очевидным процесс взаимопроникновения стилистических пластов лексики, который отражается в вариативных отношениях между категориями. Так, лексику нейтрального пласта можно рассмат-

ривать в качестве варианта нормативной английской лексики. Словарный состав нейтрального пласта является абстрактным, лишенным конкретных ассоциаций и связей.

Разговорная лексика проникает в состав **нормативной** лексики, считаясь его частью, и граничит со **специальной (нелитературной) разговорной** лексикой, выпадающей из категории нормативной лексики. Подобно словам общей книжной лексики, слова и выражения общей разговорной категории также лишены однородности значений. Некоторые лексемы данной категории близки со словами из так называемых ненормативных групп: *сленг, вульгаризмы*, находясь на границе между категорией общей разговорной лексики, сниженной и ненормативной разговорной лексики. Отдельные слова, проникая из пласта ненормативной лексики в группу нормативной лексики, нейтрализуются в значениях и относятся к общей разговорной лексике, например: *teenager, hippie (hippy); take (in 'as I take it' = as I understand); to go for (to be attracted by)*.

Одним из составных элементов **специальной книжной лексики** является **терминология**, или **слова-термины**.

Основной характеристикой термина является его непосредственная принадлежность к системе терминов, используемых в определенной сфере (наука, культура и т.п.). Обладая функциональной научно-стилевой характеристикой, термины не только выражают определенное отношение к данному понятию (что является наиболее распространенным), но также могут передавать и два значения — терминологическое и стилистическое, подчеркивая соответствующую направленность данного слова. Такие слова, как *sort, creative, species*; выражение *to pass an existence* в определенном псевдобинологическом и медицинском аспекте могут отражать как стилистические особенности соответствующих понятий, так и комбинацию стилистического и терминологического значений.

В любом языке «особое место занимают **термины родства**, характерной чертой которых является их „относительность“ или релятивность, которая опирается на ряд дифференцированных семантических элементов» [2].

В процессе развития языка, с появлением и повсеместным распространением информационных технологий, некоторые термины, утратив свои основные характеристики, вошли в состав **общей книжной и нейтральной лексики**, например понятия *«portfolio, diving, to credit»* [6] и др. более не обладают специальными терминологическими свойствами. Другими компонентами данной группы лексики являются **поэтические слова** и **слова с высокой оценкой**. Главным образом, это устаревшие слова, или **архаизмы** и **высокохудожественная лексика**, придающая речи оттенок возвышенности.

Отделяясь от категории общей книжной лексики, **поэтические слова** формируют незначительный пласт лексики, являясь, таким образом, своеобразными поэтическими терминами. Наибольшее распространение традиция использования архаичных поэтических слов и форм приобрела в эпоху классицизма и романтизма. Произведения Шекспира, Байрона являются яркими примерами поэтических традиций, в которых представлено множество данных форм, например: *«steed или charger вместо слова horse; welkin — sky; vale — valley; to proceed — to go; to clipian — to call, to name; to quoth — to speak»* [5].

Словарный состав любого языка подвержен постоянным изменениям под влиянием временного фактора. Отдельные слова, меняя свои значения, выпадают из общего словарного фонда; другие — заменяют его прежние варианты. Данный процесс находит свое отражение в следующем составляющем элементе **специальной книжной лексики**: *архаизмах, вышедших и выходящих из употребления слов*.

Данный пласт лексики пересекается со слоем поэтических слов; а вместе они выходят за пределы категории **специальной книжной лексики**. Это свидетельствует о том, что «некоторые слова, являясь *архаизмами*, не входят в состав современной английской лексики, например: *broth = bruth; losel = a lazy fellow; to emplume = to adorn with feathers*.

Не существует также четкой границы и между группами *вышедших и выходящих из употребления слов*, фактически они проникают друг в друга. Главное их отличие объясняется стилистической выраженностью слова.

Стилистические функции *архаичных слов* основаны на временном восприятии описанных событий. Употребляясь в каком-либо терминологическом аспекте, данная категория слов выражает отдаленную связь с указанными явлениями, тем самым возвращая читателя в прошлые эпохи.

Другой составляющей в категории **специальной книжной лексики** являются *заимствования и иностранные слова*. *Заимствования* представляют собой категорию слов, имеющих иностранное происхождение и заимствованные из других языков. За всю историю развития английского языка заимствования сформировали значительную группу слов в литературном варианте английского языка. Большинство заимствований, прочно войдя в основной состав лексики, более не рассматриваются в качестве иностранных слов, например: *hors d'oeuvres (noun), to outmanoeuvre (verb)*.

Главное отличие *заимствований* от *иностранных слов* заключается в том, что последние, сохраняя свои «соответствующие» признаки, не входят в словарный состав английского языка. Их употребление объясняется стилистической выраженностью речи, например: *au revoir — not good-bye; at infinitum — not to infinity*. *Иностранные слова*, подобно *архаизмам*, выходят за пределы **специальной книжной лексики**.

В английских толковых словарях «стилистические пометы называются *stylistic labels*. За словом *labels* стоит такое содержание, которое характеризует внешнюю сторону слова, его сущность. В словарях представлены следующие виды помет, которые отражают стилистическую дифференциацию лексики:

- 1) пометы, обозначающие регионы, т.н. региональные пометы;
- 2) пометы, объясняющие происхождение (этимологию) слов;
- 3) пометы, указывающие на определенную область употребления слов;
- 4) пометы, характеризующие ситуации или отдельные виды использования слов;
- 5) пометы, указывающие на хронологическое расслоение лексики;
- 6) пометы, передающие эмоционально-экспрессивную окраску;
- 7) пометы, указывающие на другие ограничения в употреблении» [3].

Стилистические пометы в толковых словарях английского языка распределяются между *литературной* и *разговорной нормой*. Собственно стилистическая атрибуция слова — лексемы построена с учетом исторического фактора, т.е. стилистически маркированными оказываются архаизмы, территориально-диалектные вхождения, и речевые, относящиеся к носителю языка, — окказионализмы.

Более детально стилистически охарактеризованными оказываются разговорные лексемы, определяемые узусом. Однако, в отличие от русского языка, корпус стилистических помет отличается по наполнению и практически исключает эмоционально-экспрессивный компонент, который представлен пометой *Connotative labels*.

Стилистика в английском языке не различает языкового и речевого аспекта, а опирается на различия нормы и узуса, при этом норма представлена литературным языком, а узус — разговорной практикой. Поэтому словарные стилистические пометы не образуют некоторого содержательного целостного комплекса, а предстают как симметричные отражения нормы и узуса, при приоритете нормы. Такой подход, естественно, выливается в исследование стилистической синонимии, изосемичных средств языка и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. — М., 1977. — С. 72.
- [2] Кривошлыкова Л.В. Лингвистические параметры двуязычного дискурса В. Набокова: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2008. — С. 93.
- [3] Несова Н.М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007. — С. 15.
- [4] Несова Н.М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — С. 94.
- [5] Crystal D. The Cambridge encyclopedia of Language. — 2-nd edition. — Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1997.
- [6] Macmillan English Dictionary for advanced learners, second edition 2007.

STYLISTIC QUALIFICATION OF WORDS IN ENGLISH

N.M. Nesova

Department of Foreign Languages

Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

Mikluho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to stylistic qualification of English lexis, represented through the system of stylistic labels in English explanatory dictionaries. Bookish and colloquial styles are well-defined, although sphere of passage as well as their interpenetrability is not excluded. Both archaisms and regionalisms are referred to stylistic labels.

Key words: dictionary codes, stylistic labels, colloquial style, bookish styles, neutral words, archaisms, regionalisms, connotation.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ТРАДИЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В АВТОРСКОЙ СКАЗКЕ (на материале итальянского языка)

М.Е. Каскова

Кафедра теории и практики иностранных языков
Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье говорится о проблеме заимствования и интерпретации фольклорных сюжетов итальянскими писателями. Традиция интертекстуальности в авторской сказке прослеживается с времен античности и рассматривается на примере произведений писателей Fedro, S. Benni, C. Collodi, G. Rodari.

Ключевые слова: итальянский язык, интертекстуальность, сказка, фольклорный сюжет.

Волшебные возможности сказки и магия жанра всегда привлекали писателей. Сказка литературная — жанр, ориентированный на вымысел, тесно связанный с народной сказкой, но, в отличие от нее, принадлежит конкретному автору, не бытовавший до публикации в устной форме и не имевший вариантов. Литературная сказка либо подражает фольклорной (литературная сказка, написанная в народнопоэтическом стиле), либо создает произведение на основе нефольклорных сюжетов. Фольклорная сказка исторически предшествует литературной.

Традиция заимствования и интерпретации писателями фольклорных сюжетов известна с античности. Культурное и общечеловеческое значение античности столь велико, что интерес к ней не мог не отразиться на изучении сказки, как в европейской, так и в русской науке. В своих работах авторы указывают на связь античных материалов с современным фольклором. Более того, античность рассматривается исследователями как источник для позднейших явлений культуры.

Во второй половине XX в. данная проблема по-прежнему привлекает внимание многих ученых, таких как Р. Барт, М. Грессе, Ж. Женетт, Ю. Кристева и др. Именно Ю. Кристева в 1967 г. ввела термин «интертекстуальность» (франц. *inter-textualite*, англ. *intertextuality*) как свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами. Со временем данный термин стал основным средством анализа литературного текста.

В ходе дальнейшего изучения проблемы ученые предложили рассматривать как текст все явления человеческой жизни, будь то литература, культура, общество, история, сам человек. Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста.

Концепция Ю. Кристевой получила широкое признание и распространение у литературоведов самой различных взглядов. Однако конкретное содержание термина существенно меняется в зависимости от теоретических и философских воззрений, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый. Общим для всех служит каноническая формулировка понятия «интертекстуальность» и «интертекст» Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек». Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации.

Первую классификацию разных типов взаимодействия текстов предложил французский исследователь Ж. Женетт в своей книге «Палимпсесты: Литература во второй степени?». Его классификация содержит пять типов взаимодействия текстов.

Эти основные виды интертекстуальности имеют многочисленные подвиды и типы: заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, парафраза, подражание, пародия, инсценировка, экранизация, использование эпиграфов и т.д.

Определенный вклад в исследование фольклорных заимствований в художественной литературе внесла О.Ю. Трыкова, которая выделяет следующие типы: 1) сюжетное заимствование (пересказ); 2) структурное заимствование; 3) функциональное заимствование; 4) мотивное заимствование; 5) образное заимствование; 6) цитирование фольклорного произведения; 7) переделку фольклорного текста, его осовременивание и пародирование; 8) использование тропов, художественных приемов и средств фольклора [5].

Несмотря на то что попытки создания общей классификации интертекстуальных элементов предпринимались неоднократно и другими исследователями, сейчас уже очевидно, что вследствие многогранности самого явления интертекстуальности невозможно создать общую классификацию интертекстуальных элементов, в которой нашли бы отражение все их аспекты.

Федро Fedro (20 г. до н.э. — 50 г. н.э.) принято считать первым латинским интерпретатором античных басен, которые наряду с мифом и дали рождение волшебной сказке [4]. Fedro были написаны пять томов сказок под общим названием «Phaedri Augusti liberti fabulae Aesopiae», но от этих книг осталось всего лишь 93 рассказа.

Из названия понятно, что автором были использованы для интерпретации некоторые сюжеты басен фригийца Эзопа. К тому же во введении сам автор указывает, что заимствовал стиль и композицию эзоповой басни для создания собственных произведений. Интертекстуальные связи прослеживаются и среди главных персонажей. Как и у Эзопа, в большинстве случаев — это животные, хотя встречаются сказки, где действуют люди, говорящие растения. Высокомерие, лукавство, лицемерие, жадность, алчность, тщеславие, угодничество, свирепость, жестокость, месть и тому подобные человеческие качества нашли свое аллегорическое выражение в образах животных: в образе льва, волка, лисы, собаки, орла, павлина, ворона, леопарда, крокодила, змеи.

Авторская оценка нашла свое отражение в морали, довольно часто горькой. Важно отметить, что сказки Федро в Средние века использовались в качестве текстов для чтения при изучении латинского языка. Таким образом, можно считать, что традиция чтения сказок при изучении иностранного языка насчитывает не одно столетие.

Повествовательный фольклор имел огромное значение и для развития светской литературы. В Западной Европе культура средневековья носила клерикальный характер. Мировоззрению была подчинена и средневековая литература [4].

Перелом наступил в XIV в. — в эпоху Возрождения. Новое искусство, воспевающее гуманистические идеалы и человека как хозяина природы, не могло уже опираться только на средневековую традицию. Вследствие этого оно обратилось к идеалам и формам искусства античности.

Центром нового искусства становится Италия, а именно Флоренция, которая получает название Новые Афины.

Если живописцы, скульпторы в поисках новых форм обратились к мифологическим сюжетам, например, Боттичелли — «Рождение Венеры», Микеланджело — «Давид», то светская литература создавалась на базе национального фольклора, главным образом фольклора повествовательного, и прежде всего сказки. Так объясняется появление одной из знаменательных фигур литературы Возрождения Воссассио Боккаччо (1313—1375) и его знаменитого произведения «Декамерон» (1350—1353), с которого в Европе начинается светская литература. По мнению исследователей устного народного творчества, «Декамерон» наполовину состоит из фольклорных сюжетов.

Традицию собирания и интерпретации фольклорных мотивов в XVII в. продолжил Д. Базиле, прозванный «Vossaccio Napoletano». В своей книге «Pentamerone o Lo cunto de li cunti» он представил 50 народных сказок в авторской редакции на неаполитанском диалекте. Автор использует сюжет классической сказки, но перемещает действие в знакомую местность, в данном случае в Неаполь. Почти все сказки начинаются словами: «C'era una volta nella mia città, Napoli mia...».

Отдельного упоминания заслуживают К. Коллоди, Д. Родари, С. Бенни, признанные мастера литературной сказки, чья оригинальная манера использования сказочных мотивов и приемов привлекает интерес к этому жанру и в наше время.

К. Коллоди, псевдоним Карло Лорензини (1826—1890), — журналист, издатель журналов «*La Scaramuccia*», «*Giornale per i bambini*» активный участник движения за объединение Италии, автор знаменитой сказки для детей «*Le avventure di Pinocchio*», переведенной на многие языки мира. С 1875 г. начал публиковать серию воспитательных рассказов для детей. А в 1881 г. увидела свет первая история из приключений *Pinocchio*.

Трудно представить мировую литературу без сказок Д. Родари. Как и «*Le avventure di Pinocchio*» С. Collodi, «*Le avventure di Cipollino*» известны всем детям. Д. Родари, как и К. Коллоди, начал писать работая журналистом в газете «*l'Ordine Nuovo*», а затем в «*l'Unità*», где возглавил рубрику «*La Domenica dei bambini*». В его стихах, сказках прослеживается интертекстуальная связь с Esopo, Fedro, Perrault, Grimme. Его произведения отличает тонкая ирония, новаторский подход к оценке ситуации, ее осовременивание, неожиданная мораль. В качестве примера можно привести четверостишие «*Alla Formica*». Автор просто высказывает свою точку зрения, довольно оригинальную, на общеизвестный фольклорный сюжет, не вдаваясь в подробности происходящего и не делая акцент на оценке поступков персонажей.

Chiedo scusa alla favola antica,
se non mi piace l'avara formica.
Io sto dalla parte della cicala
Che il più bel canto non vende, regala.
Прошу прощения у старинной басни,
Если не нравится мне скупой муравей.
Стрекоза мне все же таки милей.
Ведь лучшая песня не та, что товар, а та, что дар
(Пер. М.Е. Касковой).

Мастером переделки фольклорного текста, его осовременивания и пародирования, безусловно, является и С. Бенни. В своей знаменитой серии «*Bar sport*» и «*Bar sport duemila*» автор описывает не только любимое заведение итальянцев, но и персонажей, носителей типических черт национального характера. Так, в баре разворачивается история *Cenerutolo* (не путать с *Cenerentola* (Золушка)).

С. Бенни изменил место, время, пол персонажей, оставил только социальную разницу в статусе главных героев, пародируя известную сказку С. Perrault. На вечеринке встречаются не девушка и принц, а официант и дочь миллионера. Роль Феи исполняет простой радиоприемник.

По законам волшебной сказки создан еще один рассказ С. Бенни «*Il piccolo Franz (favola dolce)*», относящийся к разряду «чудесный помощник» по классификации В.Я. Проппа. Чудесным помощником главного героя оказался *Il piccolo Franz* — сладкий пончик, который помог герою стать известным поваром.

Вышеперечисленные примеры доказывают актуальность и востребованность волшебной сказки и в наше время. В конце XX в. — начале XXI в. литературоведы

отмечают тенденцию трансформации жанра литературной сказки (ее жанровой формы) благодаря широко используемой интертекстуальности. Эта специфическая особенность сказывается на роли текстов, переводя их из разряда детской литературы в разряд взрослой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Женетт Ж.* Фигуры: в 2-х тт. Т. 2 / Пер. с фр.; Общ. ред. С.Н. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- [2] *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. — М.: Лабиринт, 2000.
- [3] *Кристева Ю.* Текст романа // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с фр. Г.К. Косикова и Б.П. Нарумова. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [4] *Пропп В.Я.* Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа) / Научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. — М.: Лабиринт, 2000.
- [5] *Трыкова О.Ю.* Отечественная проза последней трети XX века: жанровое взаимодействие с фольклором: Автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. — М., 1999.
- [6] *Basile G.* Il cunto de li cunti, nella riscrittura di Roberto De Simone, note di Candida De Iudicibus, illustrazioni di Gennaro Vallifuoco, Einaudi, 2002. — P. 950.
- [7] *Benni S.* Bar Sport Duemila. — Collana I Narratori, Feltrinelli, 1997.
- [8] *Benni S.* Bar Sport, collana Universale Economica Feltrinelli, Feltrinelli, 2003.
- [9] *Calvino I.* Sulla fiaba. — Mondadori, 1995. — P. 175.
- [10] *Mari De S.* Il drago come realtà. I significati storici e metaforici della letteratura fantastica, 1^a edizione, copertina di Gianni De Conno. — Milano: Salani Editore, 2007. — P. 148.
- [11] *Rodari G.* Favole al telefono, Torino, Einaudi, 1962. — P. 156.

THE TRADITION OF INTERTEXTUALITY IN THE AUTHOR'S TALE OF THE MATERIAL OF THE ITALIAN LANGUAGE

M.E. Kaskova

Department of theory and practice of foreign languages
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article discussed the problem of drawing and interpretation of folklore stories by Italian authors. The tradition of intertextuality in the author's tale can be traced to ancient times and is regarded as an example of works by writers Fedro, S. Venni, C. Collodi, G. Rodari.

Key words: Italian language, intertextuality, tale, folklore story.

КОРРЕЛЯЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

П.Н. Кононова

Кафедра лексики и фонетики французского языка
Московский педагогический государственный университет
просп. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

Целью настоящей статьи является выявление общих и различительных признаков, присущих концептам «Любовь» и «Ненависть». Рассматриваемые концепты являются оппозиционными, однако при исследовании фразеологических единиц, репрезентирующих любовь и ненависть во французском языке, прослеживается экспликация взаимосвязи данных концептуальных сущностей.

Ключевые слова: концепт, любовь, ненависть, фразеологическая единица, фразеосемантическое поле.

С точки зрения представителей когнитивной лингвистики каждый язык эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой носители данного языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Е.С. Кубрякова трактует «концепт» следующим образом: «концепт — термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2. С. 90].

В своей совокупности концепты объединяются в единую систему, называемую «концептуальной системой» или «концептуальной моделью мира». Отмечается смысловая близость единиц концептуальной системы, которая является решающим фактором возможности использования определенных концептов для построения других концептов в рассматриваемой системе, возможность перехода от одних концептов к другим [5. С. 106].

Структурирование концептуальной информации путем сопоставления концептов той же культуры, по нашему мнению, представляет собой наиболее эффективный способ выявления культурно-значимой информации, сопряженной с тем или иным концептом в сознании носителей языка. Для иллюстрации вышеизложенного положения рассмотрим концепты «Любовь» и «Ненависть», представляющие собой бинарную оппозицию и являющиеся культурно-значимыми для представителей различных лингвокультур.

Отметим, что описываемые нами концептуальные сущности «Любовь» и «Ненависть» обладают универсальным характером, присущи всем индивидам, независимо от национально-культурной принадлежности, но следует отметить, что их вербализация осуществляется различным образом в определенных культурно-языковых социумах. Концепты «Любовь» и «Ненависть» имеют «некоторое этнокультурно обусловленное идеальное содержание и значимы в своей ценности» [3. С. 39].

Любовь и ненависть традиционно противопоставляют, вполне справедливо рассматривая их как чувства, обладающие полярным характером. Данные отношения являются продолжительными, направленными на объект — таковы их общие черты. Коренным же отличием между любовью и ненавистью является то, что, хотя у них общая устремленность, они проникнуты противоположным смыслом, преследуют различные цели. В ненависти стремятся к объекту, но стремятся ему во зло. В любви также стремятся к объекту, но ему во благо.

Представление о том, что амбивалентные отношения «любовь» и «ненависть» соположены, находит свое эксплицитное подтверждение в языке.

Так как результаты познавательной деятельности человека отражены в первую очередь в словаре, мы использовали словарное толкование для выявления когнитивной семантики анализируемых концептов. Принимая во внимание особенности аспектов значения лексем *amour* «*disposition à vouloir du bien*» (состояние желания добра) и *haine* «*sentiment violent qui pousse à vouloir du mal*» [10] (сильное чувство, заставляющее желать зла), мы остановились на понимании данных отношений как глубоких и продолжительных по времени, отличающихся положительной или отрицательной направленностью действий. Сущности приведенных словарных дефиниций находят свое подтверждение в их реализации в единицах вторичной номинации, относимых к сфере фразеологии.

Концепты «Любовь» и «Ненависть» представлены во французском языке обширными фразеосемантическими полями (430 и 345 ФЕ, выбранные методом сплошной выборки из словарей [4; 9; 10]). Фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие данные отношения, являясь антонимичными по своей сути, обладают схожими семантическими признаками. По нашему мнению, такое проявление языковых единиц, номинирующих «Любовь» и «Ненависть», объясняется их соотношением в концептуальном плане.

При составлении реестра ФЕ, номинирующих рассматриваемые отношения, с целью последующего изучения их семантики и структурирования фразеосемантических полей (ФСП), выявлены фразеологизмы, обладающие сразу двумя полярными значениями. Таким образом, допускается «соположение» оппозиционных концептов в пределах одной языковой единицы. Относим такие фразеологические единицы сразу к двум ФСП «Любовь» и «Ненависть»: *faire loucher qn* разг. «нравиться кому-либо», «раздражать, раздосадовать»; *avoir une histoire avec qn* «поругаться, поссориться с кем-либо разг.», «быть в мимолетной любовной связи, завести интрижку (чаще о женщине) прост.». Возникновение двух противоположных значений ФЕ *soigner qn aux petits oignons* «нежно заботиться о ком-либо», «третировать; грубо, жестоко обращаться с кем-либо ирон.» объясняется неоднозначной интерпретацией данной ФЕ. С одной стороны, в кулинарии *aux petits oignons* означает «*préparé et exécuté avec un soin particulier, parfaitement bien, avec raffinement*». Словарь Littré дает следующее объяснение возникновению нового значения «*sévèrement, rudement*» этой ФЕ, приобретающей ироничный оттенок: *des oignons sont très serrés, durs et aigres* [9].

Сопоставив результаты анализа ФЕ, репрезентирующих любовь и ненависть, образующих одноименные фразеосемантические поля, нами были выделены об-

щие концептуальные признаки, присущие рассматриваемым отношениям и являющиеся областями пересечения данных концептов. Перечислим эти признаки: 1) *признак продолжительности*, 2) *признак фазовости*, 3) *признак пассивности*, 4) *признак интенсивности*.

Продолжительность, то есть протяженность отношений во времени, отражается и в единицах вторичной номинации. Так, ФЕ, номинирующая отношение любви, *porter qn dans son cœur* «носить в своем сердце, питать нежные чувства», благодаря глаголу *porter*, который способствует временной локализованности значения этого фразеологизма, содержит сему «находиться в этом состоянии в течение некоторого времени».

Чувства любви и ненависти могут переходить из одной стадии в другую, им присущ признак *фазовости*. Варианты ФЕ могут демонстрировать различные фазовые стадии данных отношений. ФЕ *atouireux comme un toineau* «непостоянный, ветреный как воробей» обладает семой «непостоянство, ветреность». Рассматриваемый признак в данном случае указывает на то, что проявления чувства любви могут быть неоднократными, повторяющимися в течение определенного отрезка времени.

Признак *пассивности*, присущий категориям состояния, заключается в том, что субъект состояния или отношения любви и ненависти, в отличие от субъекта действия, пассивен. Так, в ФЕ *avoir un faible pour qn* «питать слабость, чувствовать пристрастие к кому-либо, благоволить кому-либо, отдавать предпочтение кому-либо» отношение любви представлено как существующее само по себе и не требует усилий от субъекта для его поддержания. Это отношение пассивно и неконтролируемо.

Любовь и ненависть, испытываемые субъектом к объекту, характеризуются сильным эмоциональным напряжением. *Интенсивность* — признак, присущий языковым единицам, репрезентирующим данные отношения. Немаловажно отметить, что фразеологические единицы, репрезентирующие любовь и ненависть, обладают семантикой-интенсификаторами, которые в свою очередь способствуют выражению степени этих отношений. Интенсификатор выполняют особую функцию — используется для указания на силу проявления чувства. Ср. корреляции: *avoir la haine* — *avoir qn dans le blair nproc.*; *être en amour* — *aimer comme un fou* — правые члены которых маркированы по признаку «высокая степень проявления чувства». Сравним ФЕ *vouloir du mal à qn* «желать зла кому-либо», «сердиться на кого-либо» и *vouloir mal de mort à qn* «смертельно ненавидеть кого-либо». Данные фразеологизмы являются синонимами, обладающими общей архисемой «отношение» и интегральной семой «ненависть», но ФЕ *vouloir mal de mort à qn* репрезентирует очень высокую степень выражения ненависти благодаря присутствию семы-интенсификатора (компонента *mort* «смерть»). Чувства любви и ненависти характеризуются сильным эмоциональным напряжением. В ФЕ *cracher son venin* (*cracher [или jeter] (tout) son venin*) «излить всю свою желчь», «высказать все, что накипело», благодаря наличию таких компонентов, как *cracher* «плевать, харкать», *venin* «яд (змеи, насекомого)», злоба, желчь», *tout* «всю», актуализируются

семьи-интенсификаторы, способствующие выражению степени интенсивности ненависти, которая сопровождается нелицеприятным высказыванием по отношению к объекту неприязни. Тавтология также является средством выражения интенсивности, ср.: *aimer* и *aimer d'amour* (ФЕ с акцентом на характере и интенсивности чувства).

Анализ структурно-семантических моделей ФЕ, репрезентирующих любовь и ненависть, показал, что, несмотря на полярность, данные отношения обладают тождественными способами интерпретации. Большинство рассматриваемых ФЕ (82%) является объектными фразеологическими единицами (т.е. обозначающими действие субъекта, направленное на объект). Для репрезентации чувств любви и ненависти во французской фразеологии характерно образование фразеологизмов по структурно-семантическим моделям «переход субъекта из одного состояния в другое» (например: *tomber amoureux* «влюбиться»; *prendre en haine* «возненавидеть») и «субъект воздействует на объект» (например: *donner le mal de mer à qn* «опротивить, надоесть до тошноты», «осточертеть кому-либо *prosm.*»; *tourner la tête à qn* «вскружить голову кому-либо, влюбить в себя»).

В результате семантического анализа материала выявлено, что образ фразеологизмов, репрезентирующих отношения любви и ненависти, формируется в результате метафорического переосмысления или метонимического переноса. Наибольшая продуктивность в формировании фразеологических единиц сферы рассматриваемых отношений свойственна именно метафорическим моделям. При фразеологической метафоризации происходит «не простое уподобление, а своего рода «перетасовка» признаков... актуализирующихся в «буквальном значении», и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения» [7. С. 46], при этом перенос значения происходит по сходству целых ситуаций [8. С. 80].

Метафорическое переосмысление, характерное для фразеологизмов, объективирующих концепты «Любовь» и «Ненависть» во французском языке, связано с переносом значения по сходству: а) состояния: ФЕ *être bique pazg.* «раздражать, действовать на нервы», *amoureux comme un moineau* «непостоянный, ветреный как воробей»; б) поведения: ФЕ *s'accorder comme chien et chat* «жить как кошка с собакой», *recevoir qn comme un chien dans un jeu de quilles pazg.* «плохо принять кого-либо», «встретить кого-либо в штыки».

Представление рассматриваемых отношений через образы (болезнь, огонь, холод, живое существо и т.д.) объясняет феномен данных чувств лучше, чем любое научное толкование. Анализ фактического материала дает основание определить, что для выражения оппозиционных отношений любви и ненависти для французского языкового сознания характерно использование одних и тех же образов. Например, с образом горения, огня ассоциируется сила, изменчивость и пылкость переживаемого отношения. Образ огня присутствует в ФЕ, репрезентирующих любовь и ненависть (*chaud comme braise pazg.* «пылкий, страстно влюбленный»; *recevoir un coup de soleil pazg.* «влюбиться»; *tout feu tout flamme* «огонь страсти, пламя любви»; *avouer (déclarer) sa flamme* «объясниться в любви»; *être en feu* «пы-

лать огнем»; *avoir le feu dans la peau* «гореть любовным огнем, желанием»; *descendre en flammes* разг. «разнести, раскритиковать, расправиться»; *se faire la guerre à feu et à sang* уст. «вредить друг другу всеми возможными средствами»).

Болезнь, плохое физическое и/или психическое состояние часто предстают в виде образных оснований во фразеологических единицах, относящихся к сфере отношений любви и ненависти: *avoir en grippe* «невзлюбить»; *faire une grippe* «сердиться на кого-либо, иметь зуб на кого-либо разг.»; *faire mal au ventre à qn* «вызывать отвращение у кого-либо»; *répandre du venin contre qn* «поносить кого-либо»; *ficher des varices à qn* прост. «надоест кому-либо, достать кого-либо прост.»; *donner [filer] de l'eczéma à qn* разг. «вызывать отвращение у кого-либо»; *donner la colique à qn* груб. «въесться кому-либо в печенки», «вызывать страх у кого-либо, нагонять ужас на кого-либо»; *avoir les foies chauds pour qn* прост. «сильно влюбиться в кого-либо, вторгнуться в кого-либо прост.»; *prendre en affection* «привязаться к кому-либо, полюбить кого-либо»; *donner le tournis à qn* разг. «вызывать головокружение у кого-либо», «вскружить голову кому-либо»; *aimer jusqu'à la fièvre cérébrale* «любить без памяти, любить безумно»; *avoir un faible pour* «питать слабость, чувствовать пристрастие к кому-либо, благоволить к кому-либо лит., отдавать предпочтение кому-либо или чему-либо»; *être la coqueluche de qn* разг. «быть чьим-либо любимчиком»; *avoir une toquade pour qn* разг. «питать слабость к кому-либо, влюбиться в кого-либо». В сознании носителей французского языка любовь и ненависть — отношения, лишённые рационализма, рассудительности, и ассоциируются с нездоровым, болезненным состоянием.

Таким образом, нами обнаружены участки корреляции концептуальных структур фразеологических единиц, репрезентирующих концепты «Любовь» и «Ненависть» во французском языковом сознании, по следующим параметрам: тождественность концептуальных признаков, общность структурно-семантических и метафорических моделей, наличие ФЕ, относящихся и к ФСП «Любовь», и к ФСП «Ненависть», что свидетельствует о пересечении данных полей. Концепты «Любовь» и «Ненависть», имеющие характер амбивалентности, имеют схожие языковые реализации и демонстрируют взаимопересечение своих функциональных сфер, обусловленное принадлежностью языковых единиц, репрезентирующих данные отношения, к одному семантическому блоку, который условно может быть назван «чувства». Учитывая все вышесказанное, находим подтверждение тому, что ассоциативная и смысловая взаимосвязь отношений любви и ненависти прослеживается в языковом сознании носителей французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
- [2] Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
- [3] Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. — 2000. — № 4. — С. 39—45.
- [4] Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe / Под ред. В.Г. Гака, Л.А. Мурадовой. — М.: Русский язык — Медиа, 2006.

- [5] *Павиёнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983.
- [6] *Сёмнина Н.А.* Концепты и их связи в тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко. — Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002.
- [7] *Телия В.Н.* Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. — М.: Наука, 1990. — С. 32—47.
- [8] *Черданцева Т.З.* Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 78—92.
- [9] Littré. Dictionnaire de la langue française. URL: <http://littré.reverso.net/dictionnaire-francais> (дата обращения: 22.05. 2011).
- [10] Le Petit Robert 1. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — P., Version électronique du Nouveau Petit Robert, 2009.

CORRELATION OF THE CONCEPTUAL STRUCTURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING LOVE AND HATE

P.N. Kononova

Department of French lexicology and phonetics
Moscow State Pedagogical University
pr. Vernadskogo, 88, Moscow, Russia, 119571

The aim of the present article is to demonstrate the common and different characteristics proper to the Concepts «Love» and «Hate». These concepts are opposite but while analyzing french phraseological units representing love and hate the correlation of their structures is revealed.

Key words: concept, love, hate, phraseological unit, phraseosemantic field.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ В ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОЦЕССА ПРИЕМА ПИЩИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ж.В. Кургузенкова¹, Н.Ю. Нелюбова²

¹Кафедра романо-германских языков и культур
Факультет «Лингвистика и межкультурная коммуникация»
Московский государственный открытый университет
ул. Павла Корчагина, 22, Москва, Россия, 107996

²Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В работе путем анализа французских фразеологических единиц с компонентами-соматизмами выявляются сведения о национально-культурных особенностях объективации некоторых органов человеческого организма, задействованных в процессе приема пищи, во французской культуре.

Ключевые слова: французский национальный характер, фразеология, соматизм, французская кухня, прием пищи.

Как известно, именно фразеология наиболее ярко и образно отражает языковую картину мира носителей языка, и именно фразеологические единицы (далее — ФЕ) чаще всего содержат компоненты значения, транслирующие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности, так как оценочно-эмоциональное мировосприятие является неотъемлемой составляющей любого национального характера.

Под национальным характером, вслед за Н.М. Фирсовой, мы понимаем «своеобразие национальных психологических черт, менталитета (концептуального видения картины мира, ценностных ориентаций, в частности), национальных традиций и обычаев, сформировавшихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа» [8].

Национальный характер и его проявления стали ключевой темой в исследованиях многих ученых. Традиционно центральной она является в работах таких ученых, как Н.Ф. Михеева, Т.В. Ларина, А.С. Борисова [1; 6—7]. Большинство исследователей французского национального характера сходятся во мнении, что для истинного француза пуританизм и сдержанность несовместимы с подлинной гастрономией, которая подразумевает не стыдящуюся себя чувственность, тонкий анализ человеческого аппетита и наслаждение, получаемое от его утоления. Таким образом, проводя аспектный анализ семантического поля «есть», нельзя не затронуть аксиологические моменты столь важной части жизни любого народа.

Следует сразу оговориться, что собранный фактический материал по гастрономической тематике весьма обширен и затрагивает, во-первых, три фазы: посыл (чувство голода), процесс приема пищи [3; 4] и его завершение (насыщение), а,

во-вторых, различную манеру есть, связанную, прежде всего, с культурой застолья конкретного народа (что освещалось нами ранее [2; 5]).

В рамках данной работы предлагаем рассмотреть некоторые примеры из группы, номинирующей финальный этап процесса приема пищи, а именно: ФЕ, знаменующие его завершение, со значением «наесться».

Эквивалентом нижеследующего французского синонимического ряда ФЕ со значением «наесться» в русском языке можно считать ФЕ «*набить живот*». Эта градация обусловлена не только причинно-следственными отношениями внутри всего макрополя «есть» (чувство голода — процесс его утоления — чувство насыщения). Лексический состав нижеследующих ФЕ также представляет интерес для семантического и лингвокультурологического анализа, т.к. он позволяет проследить, каким образом ФЕ с компонентами-соматизмами служат для объективации картины мира представителей французской культуры.

Субстантивные компоненты первых четырех примеров данного ряда напрямую обозначают «живот/желудок»: «*remplir son ventre*» (букв. — наполнить живот); «*se garnir bien le ventre*» (букв. — наполнить хорошенько живот); «*avoir loué son ventre*» (букв. — воздать должное своему животу); «*se lester l'estomac*» (букв. — нагрузить желудок). Интерес представляет не субстантивная, а глагольная часть вышеприведенных ФЕ, т.к. именно она доказывает, что этот народ придает немалое значение процессу приема пищи. В то же время примеры, в которых денотат (желудок) выражается лексической единицей, непосредственно его обозначающей, составляют незначительную часть фразеологического фонда французского языка.

Богатство и разнообразие ФЕ данной тематики составляют нижеследующие ФЕ:

(se) remplir (se caler) **le bocal**; se taper (se farcir) **le chou**; se taper **la cloche**; régaler son **cochon**; en avoir plein **le coco**; se taper **la hotte**; se remplir **le jabot**; s'en mettre (s'en foutre) plein **la lampe**; s'emplir / se remplir **la panse**; bourrer **la paillasse**; remplir / emplir / s'en mettre plein son *sac*.

Семантический анализ субстантивных компонентов этого ряда показал, что последние являются результатом вторичной номинации (ассоциация по сходству) и воплощают в виде различных лексем один и тот же образ, а именно: некий круглый предмет вначале стал метафорически обозначать впоследствии «желудок»:

- | | |
|--------------|---|
| 1) le bocal | (букв. — банка); |
| 2) le chou | (букв. — капуста); |
| 3) la cloche | (букв. — колокол); |
| 4) le cochon | (букв. — свинья); |
| 5) le coco | (букв. — кокос); |
| 6) la hotte | (букв. — ковш); |
| 7) le jabot | (букв. — зоб); |
| 8) la lampe | (букв. — лампа — в данной лексеме воплощаются два образа: форма + аллюзия на керосиновую лампу, которую надо постоянно «заправлять» (“ <i>lamper</i> ”), другими словами «питать». И как следствие, перенос этой ассоциации на организм человека (желудок), также нуждающийся в постоянной «подпитке»); |

- 9) la panse (букв. — округлая часть);
- 10) la paillasse (букв. — соломенный тюфяк);
- 11) le sac (букв. — мешок).

Лексико-семантический анализ вышеприведенных ФЕ со значением «набить живот» показал множественность и разнообразие способов номинации «желудка» во французском языке.

Но на этом данный синонимический ряд не исчерпывает себя, к вышеперечисленным ассоциациям по сходству примыкают ассоциации по смежности, а именно: предмет, носимый на животе, стал путем метонимии номинировать желудок:

«déchirer **la cartouche**»; «garnir (remplir) **sa gibecière**»; «s'emplir **le gilet**»; «s'en donner (mettre) plein **la ceinture**».

- 1) la cartouche (букв. — патронташ);
- 2) sa gibecière (букв. — ягдташ);
- 3) la ceinture (букв. — пояс);
- 4) le gilet (букв. — жилет).

Следует отметить, что первые две ФЕ считаются устаревшими, т.к. в их состав входят исторические реалии, ставшие архаизмами в силу утраты современным обществом традиций проведения охоты.

Синонимический ряд ФЕ со значением «набить живот» завершает ФЕ, субстантивный компонент которой является примером синекдохи:

«se refaire **le cadavre**» (arch.) (le cadavre — букв. — тело).

Стоит также отдельно подчеркнуть стилистическую нагрузку глагольной части ФЕ данной фразео-семантической группы, а именно: louer — литературный; se garnir, (se) remplir, (s') emplir, se mettre, s'enfoncer — нейтральный стиль; se lester, se taper, s'enfiler, se fourrer, se bourrer — разговорный.

Как видно из примеров этой группы, французский язык предлагает широкий спектр способов метафоризации одного и того понятия (желудок), что значительно расширяет фразеологический фонд и является иллюстрацией того, что французская нация любит не только сам процесс еды, но еще (если не больше) им нравится об этом говорить, что, безусловно, требует языкового разнообразия, позволяющего бесконечно варьировать разговоры о застолье.

Заканчивая описание лексико-семантического поля «есть», хотелось бы отметить, что гастрономическая тематика является неисчерпаемым источником для исследований национально-культурной специфики речевого поведения французского народа. В данной работе мы затронули лишь наиболее яркие моменты завершающего этапа застолья, но количественный и качественный состав этого идеографического поля подтверждает тот факт, что прием пищи для французов — это некий сакральный акт, любимое действие, которому придается большое значение среди ценностных ориентаций, т.к. это одна из основных радостей жизни. «Есть досыта» по-французски — это не просто наполнить желудок, а устроить праздник для себя («faire une petite débauche de table») и своей души («manger à cœur-joie»), нежный поцелуй французы сравнивают с мягким хлебом («s'embrasser comme du pain tendre»).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Борисова А.С. Французский национальный характер сквозь призму современных французских печатных рекламных текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2010. — С. 6.
- [2] Кургузенкова Ж.В. Метафорическая концептуализация количественного параметра потребляемой пищи во французской фразеологии // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». — 2011. — № 1. — С. 62—67.
- [3] Кургузенкова Ж.В. Музыкальная метафора как средство пополнения фразеологического фонда французского языка гастрономической тематики // Международная научная конференция: VIII Степановские чтения: Межкультурная коммуникация, современные методы преподавания иностранных языков, перевод. — М.: Изд-во РУДН, 2011. — С. 94—96.
- [4] Кургузенкова Ж.В. Трудности трансляции на русский язык национально-культурной специфики фразеологических единиц французского языка гастрономической тематики // Вестник МГОУ. Сер. Общественно-политические и гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — М.: МГОУ, 2011. — С. 96—100.
- [5] Кургузенкова Ж.В. Компаративный анализ способов номинации концептов “gourmet” и “gourmand” во французском языке // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2009. — № 4. — С. 80—86.
- [6] Ларина Т.В., Стернин И.А., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. — Воронеж, 2003. — С. 10.
- [7] Михеева Н.Ф. Языковая личность в глобальном мире // VIII Степановские чтения: материалы докладов и сообщений международной конференции (Москва, 26—27 апреля 2011 г.). — М.: Изд-во РУДН, 2011. — С. 16.
- [8] Фирсова Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологические науки. — 2004. — № 2. — С. 51.
- [9] Chatelain-Courtois M. Les Mots du Vin et de l'Ivresse. — P.: Belin, 2001.
- [10] Guillemard C. Les Mots de la Cuisine et de la Table. — P., 1990.

PHRASEOLOGICAL INITS WITH COMPONENT-SOMATISM IN OBJECTIFICATION OF PROCESS OF EATING IN THE FRENCH CULTURE

ZH.V. Kurguzenkova¹, N.Y. Nelubova²

¹Department of Romance / Germanic languages and culture
The Faculty of Linguistics and Intercultural Communication
Moscow State Open University
Pavla Korchagina str., 22, Moscow, Russia, 107996

²The department of foreign languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this paper, by analyzing the French phraseological units with components-somatism revealed information about national and cultural peculiarities of objectification of certain organs of the human body involved in the process of eating in the French culture.

Key words: French national character, phraseology, somatism, French cuisine, eating.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С АНТРОПОНИМАМИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

О.С. Чеснокова, Е.А. Шкарбань

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются структура, семантика и прагматика фразеологических единиц с антропонимами в современном испанском языке и рассматривается их роль в испанской фразеологической модели мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, антропоним, семантика, прагматика, лингвокультурологический анализ.

Фразеологические единицы (далее — ФЕ) современного испанского языка обладают такими универсальными имманентными свойствами, как устойчивость компонентного состава, лексикализованность, воспроизводимость, интенсивность субъективно-модального компонента семантики [1]. Фразеология представляет неотъемлемую составляющую языковой системы, пронизывая все ее значимые уровни. Через призму национально-специфического способа познания мира и с учетом культурно-исторической традиции фразеология задает в афористической форме особый ракурс, взгляд на действительность, что образует национальную фразеологическую модель мира. Важную роль фразеологического состава языка в формировании и отражении культурного самосознания нации показали исследования, выполненные на материале различных языков, такими отечественными и зарубежными учеными, как: Н.М. Фирсова, В.Н. Телия, Т.З. Черданцева, Е.В. Иванова, В.С. Виноградов, В.В. Яковлева, М.Л. Ковшова, О.С. Чеснокова, Санчес Пуиг, Ruiz Gurillo, N. Ilina, G. Sokolova и др.

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов предполагает реконструкцию их способности «отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как „остов“ его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах разных типов» [2. С. 15].

Для получения полноценной картины фразеологической модели мира носителей различных вариантов испанского языка целесообразно рассматривать фразеологические единицы в широком смысле, когда в объект изучения попадают не только словосочетания, но и многочисленные фразы различных структурных типов, например, единицы фольклора, а также целесообразно изучать фразеологические единицы по признаку опорного компонента (фразеологизмы с флористическим, гастрономическим, зоонимическим, нумерологическим и др. компонентами).

Цель данной статьи — анализ структуры, семантики и прагматики испанских фразеологизмов с антропонимами, их лингвокультурологический анализ и осмысление их роли в испанской фразеологической модели мира.

Фразеологизмы с именами людей — антропонимами, универсально представлены в фразеологических ресурсах любого языка. В подобных ФЕ образно отра-

жены известные в данной лингвистической общности исторические ситуации, запечатлены черты характера или внешности хорошо известного в данной лингвокультуре персонажа, реального или вымышленного, что образует фрагмент национальной фразеологической модели мира.

В испанской фразеологической модели мира символом высокой интеллектуальной оценки стали имена испанских философов и ученых.

Saber más que Lepe (вариант: **Saber más que Lepe, Lepijo y su hijo**) — «*быть очень умным, хитрым, проницательным*». Протагонист данной ФЕ — дон Педро де Лепе и Дорантес (1641—1700), бывший епископом епархии Калаорра. Педро де Лепе и Дорантес был известен среди современников как высокообразованный человек. Католический катехизис, написанный де Лепе и Дорантесом, стал таким же известным, как и катехизис отца Астете, опубликованный в 1608 г. [3. С. 593].

Приведем пример актуализации данного фразеологизма в художественном тексте:

“Esta es una señora que **sabe más que Lepe**, y cuando la veo reconosco que soy un bruto, y me queo con la boca cerrá, y no hablo que no meta la pata” [4]. — «Эта сеньора такая **умная**, а я при ней дурак дураком, вот и молчу, чтоб не ляпнуть чего» (здесь и далее — перевод Е.А. Шкарбань).

Ser un Séneca — «*быть мудрецом*». Римский философ родом из Кордовы Луций Анней Сенека (4—65 н.э.) был воспитателем императора Нерона и одним из крупнейших представителей стоицизма.

“Ella lo [Juan de la Cruz] **consideró un Séneca**, — “mi Senequita” decía, — por su modo conciso de hablar, en sentencias breves y sustanciales [5]. — «Она называла его философом, „**мой Сенека**“, — говорила она, за его манеру говорить кратко, лаконично и по существу».

Saber más que el maestro Ciruelo — «*быть очень образованным*» [3. С. 593]. В фразеологизме запечатлена фамилия известного ученого, теолога и математика XVI в. Педро Сируэло (1470—1548), автора трудов по математике, теологии, анатомии, астрологии, музыке. В современном испанском языке произошло игровое переосмысление данной ФЕ и приобретение противоположного значения «быть человеком недалеким», с продолжением “*Saber más que el maestro Ciruela, que no sabía leer y puso escuela*”. Реальная фамилия известного испанского ученого изменена в вариант *Ciruela*, а продолжение, вероятно, добавлено для рифмы и иронического оттенка.

“No tiene estudios, pero **sabe más que el maestro Ciruelo**. Puede hablarte de arte, de literatura, de historia... Es increíble” (пример цит. по: [3. С. 593]) — «У него нет образования, но есть **глубокие знания**. Удивительно, как он может рассуждать об искусстве, литературе, истории...».

“Me recuerda aquello que cantaban los niños sobre **el maestro Ciruela, que no sabía leer y puso una escuela**. Imagino la cara que pondrán sus interlocutores cuando usted intente convencerlos de que hagan en su país lo que usted no ha sido capaz de hacer en España” [6] — «Это напоминает мне дразнилку об **учителе, который не умел читать и создал школу**. Представляю, как удивятся слушатели, когда Вы попытаетесь их убедить делать в их стране то же, что Вы не смогли сделать в Испании».

Más tonto que Abundio — «глупец, дурень, Иван-дурак». Существуют различные версии происхождения данного фразеологизма. По одной из них, святой Абундио жил в мусульманской Кордове ~ в 854 г. Мусульмане лояльно относились к разным религиям, не допуская оскорбления имени Пророка Магомета. Но даже если кто-то произносил оскорбление, он мог извиниться, взять свои слова обратно, и об этом забывали. Абундио, последователь епископа Самуэля Кордовского и святого Евлохия, более 11 раз неодобрительно отзывался о Пророке, в результате чего был осужден и казнен [7].

По другой версии, Абундио был крестьянином из Наварры, жившим в XVII—XVIII вв. и ставшим известным благодаря многим чудачествам и глупостям: соревновался сам с собой в беге и пришел вторым, продал машину, чтобы купить бензин и т.п. [3. С. 443].

И, наконец, данная ФЕ может быть связана с эпизодом из жизни капитана фрегата Абундия Мартинеса де Сории (1848—1898). В испано-американской войне при сражении у Филиппинских островов у капитана была возможность отступить, когда он оказался один перед флотом США. Но капитан был настроен решительно, корабль не развернул и тут же был потоплен. В Испании его «геройство» было расценено как глупость [7].

“Y lo cierto es que se casó con un millonario. **Más tonto que Abundio**, eso sí” (пример цит. по: [8. С. 109]) — «И она, действительно, вышла за миллионера. **Редкого глупца**, однако».

Comer como un Heliogábalo — «есть много и с жадностью, быть обжорой, есть за четверых». Гелиогабал — прозвище, под которым вошел в историю римский император сирийского происхождения Марк Аврелий Антоний (200?—222). В городе Эмеса находился храм сирийского бога солнца Эль-Гебаля, от которого будущий император и взял себе прозвище, взяв также часть имени от Гелиоса, греческого божества солнца и света. Он известен своей эксцентричностью, жестокостью, чудачествами и абсолютной неспособностью управлять государством. Несмотря на то, что он взойшел на престол в возрасте 14 лет и удержался у власти всего 4 года, он оставил свой след в истории, с первого дня своего правления он не переставал удивлять подчиненных [3. С. 107]. ФЕ характеризует любителя хорошо поесть.

“Es Eduardo desde siempre un apasionado bibliógrafo y coleccionista de libros y utensilios de la época, así como de cartas de viejos restaurantes; parte de sus objetos personales orna en vitrinas y muros de los comedores interiores, amplios y luminosos, en los que el **heliogábalo** de turno podrá sentarse cómodamente, estirar las piernas, sentirse a gusto y hasta comer bien” [9] — «Эдуардо уже давно увлеченный коллекционер книг и предметов домашней утвари, а также меню старинных ресторанов; часть предметов из его коллекции украшает витрины просторных и светлых внутренних залов ресторанов, где любой **чревоугодник** может удобно устроиться, расслабиться и вкусно поесть».

Escribir más que el Tostado — «писать много и в разных жанрах». Алонсо Фернандес де Мадригал (1400—1453), известный под именем Эль Тостадо и Эль Абуленсе, епископ из Авилы, жил во времена Хуана II Кастильского, был профессором Саламанкского университета, епископом Авильским, советником короля.

Он опубликовал произведения на латыни в 24 томах, а также много трактатов на испанском. Эль Тостадо считался интеллектуальным гением своего времени. Видный испанский фразеолог Альберто Буитраго указывает, что считалось, что Эль Тостадо никогда не забывал то, что прочитал хотя бы один раз и мог наизусть прочитать целые отрывки из Библии или из сочинений Фомы Аквинского [3. С. 277]. В современном испанском языке ФЕ приобрела иронический смысл.

“Cualquiera **escribe más que el Tostado**. Vivimos en una época en que la cantidad de escritos que se pueden encontrar sobre cualquier tema, rebasa la capacidad lectora de cualquier ser humano” [10]. — «Сейчас любой **пишет столько** на какие угодно темы, что читатель просто не успевает читать такой объем литературы».

Más feo que Picio — «урод, страшен как смертный грех». Комментируя мотивацию данной ФЕ, Грегори Доваль указывает, что некий Писио был башмачником из Алендина и жил в Гранаде в середине XIX в. Несчастный был приговорен к смертной казни, по-видимому, несправедливо, и, хотя и получил помилование, пережил такое сильное потрясение, что у него выпали все волосы, брови и ресницы, а лицо покрылось язвами. Освободившись, Писио поселился в Ланхароне, где гулял, закрывая лицо платком, никогда не заходил в церковь, чтобы не снимать платок, а затем вернулся в Гранаду, где в скором времени скончался [11].

“El tío Lucas era **más feo que Picio**. Lo había sido toda su vida, y ya tenía cerca de cuarenta años” [12]. — «Дядя Лукас был **на редкость дурен собой** — таким он был всю свою жизнь, а ему уже было под сорок».

“Un «goya» que se iba a subastar no es un «goya». Pero más importante que no ser un auténtico cuadro del pintor aragonés es el hecho de ser **más feo que Picio** (no sé si para la pintura sirve esta comparación)” [6]. — „Гойя“, которого собирались выставить на аукционе, не был подлинником. Картина не принадлежала кисти арагонского художника и, более того, была **страшна как черт** (не знаю, подойдет ли такое сравнение для произведения живописи)».

Más rico que Creso — «очень богатый». Имя Креза (590—470 до н.э.), пятого и последнего царя Лидии, стало синонимом очень богатого человека. Этот легендарный царь, великий полководец и завоеватель, одержал много побед в военных кампаниях и слыл самым богатым человеком своего времени [3. С. 441]. Фразеологизация имени императора Креза символизирует богатство.

“El **Creso** de nuestros días es Bill Gates, el rey de los ordenadores y el dominador de la electrónica” [6]. — «**Крез** нашего времени — это Билл Гейтс, король компьютеров и электроники».

Más listo que Cardona — «ловкий, хитрый, сообразительный». В 1363 г. арагонский король Педро IV Церемонный приказал убить своего брата, инфанта дона Фернандо, потому что подозревал его в заговоре против него. Виконт Кардона, близкий друг дона Фернандо, догадался, что следующим убьют его, и сбежал из Кастельона в свой замок Кардона в Барселоне, избежав, таким образом, смерти. Быстрая реакция Кардоны стала в народе символом хитрости [3. С. 438].

“Muy buenas que son las señoritas... **Más listas que cardona**” (пример цит. по: [8. С. 251]) — «Ну и хороши же сеньориты... **Хитрющие**».

Descender de la pata del Cid — «*быть благородного происхождения*». Сид (настоящее имя — Родриго Диас де Бивар) (40-е гг. XI в. — 1099) — кастильский дворянин, военный и политический деятель, завоеватель Валенсии, национальный герой Испании.

“Doña Nati, una mujer tiesa y empaquetada, siempre elegante y displicnete (como si procediera **de la pata del Cid** en lugar de ser la cuarta hija de un abogado de segunda categoría)” (пример цит. по: [8. С. 751]) — «Донья Нати, женщина гордая и статная, всегда элегантная и чопорная, будто бы **дворянка**, на самом деле была четвертой дочерью второсортного адвоката».

Así se las ponían a Fernando séptimo — «*лучшие некуда, как по заказу; проще простого*»; используется, чтобы подчеркнуть чрезвычайную простоту задачи, стоящей перед кем-либо. Король Фердинанд VII (1784—1833) был большим любителем игры в бильярд, но играть не умел. Его придворные, желая угодить королю, пропускали свои удары и, по возможности, оставляли шары на столе таким образом, что разбить их не составляло никакого труда [3. С. 64].

“El alemán [Schuster] ya tiene su silla esperando en el Bernabéu... En teoría, algo que no debe ser complicado, vamos, que **así se las ponían a Fernando VII**. Pero jugar a futurólogo es arriesgado” [6] — «Для Шустера уже готово место на „Бернабе“... Теоретически все не так сложно, да что там, **проще простого**. Но все же загадывать рискованно».

Lo dijo Blas, punto redondo — «*кто же возразит!, не смею спорить!*» (ироническая реплика на безапелляционное утверждение). Считается, что фраза восходит к легендарной фигуре феодала по имени Блас, известного своим властным характером и желанием везде навязать свою волю и правоту. Когда его вассалы не могли что-то поделить, они обращались к своему хозяину, чтобы тот их рассудил. Тот, не в пользу которого было принято решение, возмущался, на что господин Блас приказывал увести недовольного; тот ворчал и цедил сквозь зубы: «Кто ж спорит-то?» [11. С. 37].

“No quisiera yo estar en el pellejo de Zutanito. — **Lo dijo Blas, punto redondo**” (пример цит. по: [8. С. 189]) — «Не хотел бы я сейчас оказаться в шкуре Сутанито. — **С этим не поспоришь**».

Que si quieres arroz, Catalina — «*никакого толку; что проси, что не проси*». В первой половине XV в., во времена Хуана II Кастильского (1405—1454), жила в Леонском городе Саагун некая еврейка по имени Каталина. Альберто Буитраго указывает, что Каталина питалась одним рисом, ела его практически целыми днями и использовала его как лекарство от всех бед. Когда она заболела, видя, что никакое лекарство ей не помогает, ее спросили, не хочет ли она риса. С долей иронии Буитраго пишет, что «неизвестно, по какой причине: то ли ей дали больше риса, чем она могла съесть, то ли ей не дали риса совсем, но бедняжка Каталина умерла» [3. С. 569].

Приведем текстовый пример из медийного дискурса:

“He dejado pasar unos días para ver si con el tiempo podía entenderlo, pero **¡que si quieres arroz, Catalina!** Yo...no puedo entender cómo es posible que se autorice en Madrid un homenaje a terroristas...” [6] — «Прошло несколько дней. Я думал, что со временем

смогу понять это, но **напрасно**. Я не понимаю, как можно разрешать чествование террористов в Мадриде...»

“Le azoté [al gallo] con la saña, pero **que si quieres**; no retrocedió un paso” (пример цит. по: [8. С. 855]) — «Я стегнул петуха прутиком, но **бесполезно**: он не сдвинулся с места».

Llover más (caer más agua) que cuando (el día que) enterraron a Zafra — «*лечь как из ведра*». В 1460 г. сильная засуха осушила все источники, за исключением одного в замке графа Зафра. Граф запретил брать воду из этого источника. По А. Буитраго, одна цыганка ослушалась приказа и взяла воду, за что граф, разозлившись, приказал избить ее плетью и выгнать из замка. Цыганка прокляла графа, сказав, что, не пройдет и недели, как его труп будет плавать в бурных потоках. Граф скоропостижно умер. Начался ливень, его замок затопило, и воды вышедшей из берегов реки Дарро понесли гроб с его телом [3. С. 420].

“Soportó impávido junto a mí un día de caza en el que **cayó más agua que el día que enterraron a Zafra**” [8. С. 1057] — «Он спокойно выдержал со мной целый день на охоте, хотя **лило как из ведра**».

Tener más orgullo que Don Rodrigo en la horca — «*быть гордым, вести себя достойно; быть высокомерным, заносчивым*». Дон Родриго Кальдерон (1577—1621) был фаворитом короля Фелипе III и герцога Лермы. После смерти Фелипе III дон Родриго впал в немилость, его преследовал герцог Оливарский, фаворит нового короля, Фелипе IV. В 1621 г. его поймали, обвинили более чем в 200 преступлениях, среди которых отравление королевы Маргариты Австрийской. Он был осужден, приговорен к смерти и обезглавлен 21 октября 1621 г., на Пласа Майор в Мадриде. Согласно хроникам, в тот день Дон Родриго поднялся на эшафот удивительно спокойно, достойно, чем немало удивил толпу [3. С. 717].

“— Ese Juanito—decía el coronel a don Frutos el americano — me parece un gran pedante. — Es un hambriento **con más orgullo que don Rodrigo en la horca**” [13]. — «— Этот Хуанито, — говорил полковник американцу дону Фрутосу, — кажется мне чересчур самодовольным. — У этого оборванца **больше гордыни, чем у дона Родриго на эшафоте**».

Las cuentas de El Gran Capitán — «*преувеличенные, необоснованные, раздутые, липовые счета*». Дон Гонсало Фернандес из Кордовы (1453—1515), известный военный деятель Испании времен католических королей, участвовал во взятии Гранады и изгнал французов из Неаполя, после чего был назначен наместником короля. За блестящие победы он получил прозвище «Великий Капитан». После смерти королевы Изабеллы в 1504 г. его отношения с королем Фердинандом заметно ухудшились, особенно когда монарх попросил его отчитаться о Неаполитанской кампании. Королю не понравился отчет, сделанный издевательски. По королевскому указу Великий Капитан вернулся в Испанию, где и умер [3. С. 404].

“...¿qué **cuentas** puede rendirme, que no sean de las que siempre me rindieron sus antecesores, todas **del Gran Capitán**?” [14]. — «...какие такие **счета** он может мне предъявить? Заведомо **липовые**, как и его предшественники».

“...o toda la economía que Miguel Sebastián enseñó a Zapatero en tres tardes eran **las cuentas del Gran Capitán**, o Zapatero está de nuevo engañando a todo el mundo” [6] — «...либо **счета** за три дня, представленные Мигелем Себастьяном Сапатеро, **липовые**, либо Сапатеро вновь обманывает народ».

Tanto monta, monta tanto, Isabel como Fernando — «одно и то же, все равно». Это выражение, восходящее к эпохе Александра Великого, стало популярным в народе после того, как католические короли Изабелла и Фердинанд выбрали его в качестве девиза своего правления, чем хотели показать свое равноправие и, тем самым, равноправие Арагона и Кастилии. «*Montar*» раньше использовалось в значении «*быть важным*» [3. С. 695].

“Zapatero y Rubalcaba, Rubalcaba y Zapatero (**tanto monta, monta tanto**) han dado, al fin, con esta increíble y esperpéntica transferencia de poder, desconocida en cualquier otra democracia seria, la auténtica medida de lo que les interesa de verdad: no el país, sino mandar en él” [9] — «Сапатеро и Рубалькаба, **что один, что второй**, этой нелепой и абсурдной передачей власти, невозможной в стране с настоящей демократией, показали, что их интересует не страна, а возможность править в ней».

Итак, рассмотренные испанские фразеологизмы с антропонимами образуют лингвокультурологически значимый фрагмент испанской фразеологической модели мира. Они позволяют реконструировать как рационально-логическую, так и эмоционально-образную мотивацию. Структура рассмотренных ФЕ варьирует в диапазоне от словосочетания до предложения. Структура отдельных ФЕ оказывается подвижной, так как они могут как сужать, так и расширять свой компонентный состав. Антропонимы в испанских фразеологических единицах могут нести как положительные, так и отрицательные коннотации. Иногда в современном испанском языке фразеологизмы кардинально меняют значение, оценку, приобретают иронический оттенок. Это позволяет утверждать, что многие испанские ФЕ с антропонимами претерпевают прагматическую эволюцию.

За счет аллюзий фразеологизмов с антропонимами в современном испанском дискурсе различных типов выражаются оценочные значения: эстетические, интеллектуальные, этические, что позволяет сделать вывод о значимости фразеологизмов с антропонимами для испанской фразеологической модели мира и дискурсов различных типов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высшая школа, 1981.
- [2] Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.
- [3] *Buitrago A.* Diccionario de dichos y frases hechas. — Madrid: Espasa, 2009.
- [4] URL: www.gutenberg.com
- [5] URL: www.cipecar.org
- [6] URL: www.abc.es
- [7] URL: <http://blog.mariannavarro.net/>

- [8] *Seco M.* Diccionario fraseológico documentado del español actual. — Madrid: Unigraf, 2005.
- [9] URL: www.lavozdegalicia.es
- [10] URL: www.blogdelujo.com
- [11] *Doval G.* Del hecho al dicho. — Madrid: Ediciones del Prado, 1995.
- [12] URL: www.electrolib.com
- [13] URL: www.polyglotproject.com
- [14] URL: www.images1.wikia.nocookie.net

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PERSONAL NAMES IN MODERN SPANISH

O.S. Chesnokova, E.A. Shkarban

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the structure, semantics and pragmatics of phraseological units with personal names in modern Spanish and is concerned with their role in the Spanish phraseological world model.

Key words: phraseological unit, anthroponym, semantics, pragmatics, linguoculturological analysis.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА (на материале французского языка)

Д.А. Яненко

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»
пр-т Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

В данной статье анализируется комический потенциал как самих ФЕ, так и их окказиональных актуализаций, исследуются способности ФЕ формировать ироническую тональность текста и оказывать аналогичное воздействие на адресата, а также изучается прагматический механизм достижения *комического* на основе различных типов актуализации ФЕ на материале современной пьесы J.M. Florensa «Les joyeuses et horribles farces du Père Lalande».

Ключевые слова: фразеологические единицы, комический эффект, ироническая тональность текста, прагматический механизм.

Текст комедийной пьесы, являясь драматическим произведением для театрального представления, часто сочетает в себе литературный классический стиль, и разговорный, бытовой. Действия и характеры обычно трактуются в формах *комического*. Природа ФЕ допускает возможность использования данной единицы как языкового средства достижения *комического*, и сам фразеологический корпус языка содержит единицы, которые формировались и закреплялись как фразеологизмы с прагматической заданностью на *комический эффект* (об этом свидетельствуют пометы типа *iron.*, *plaisant*, сопровождающие некоторые лексические и фразеологические единицы в толковых словарях (Nachette, Robert, Larousse)).

Основными формами изображения характеров и развития сюжета в театральной пьесе являются диалог и монолог: диалог, вид речи, характеризующийся ситуативностью, контекстуальностью, произвольностью, ориентацией на устное, сценическое воспроизведение, и монолог, вид речи, который отражает лирико-философские, публицистические или интимные излияния героев. Что касается ФЕ, они обладают способностью нести информацию об употреблении в том или ином типе контекста, способностью самовыражения говорящего и возможностью стилистического употребления с целью подчеркнуть выразительность речи [7. С. 24]. Коммуникативно-прагматический эффект высказывания зависит от степени его экспрессивно-эмоционального воздействия на адресата. Это обстоятельство обуславливает широкое использование ФЕ в текстах пьес в качестве средства реализации или формирования *комического*.

Материалом для исследования послужила пьеса J.M. Florensa «Les joyeuses et horribles farces du Père Lalande» [8].

Фразеологические единицы, являясь единицами косвенной номинации, обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отно-

шения человека к окружающей действительности и характеризуются ярко выраженной антропоцентрической направленностью. Особенно актуальным это качество фразеологизмов проявляется при исследовании их роли в формировании такой эстетической категории, как *комическое*. Основной характеристикой данной эстетической категории является антропоцентризм, поскольку *комическое* возможно только в человеческом обществе и по отношению к самому человеку. *Комическое* является оценочной категорией и свидетельствует об определенном типе мироощущения и мировосприятия человека [6. С. 105]. В связи с этим представляется актуальным исследование комического потенциала как самих ФЕ, так и их окказиональных актуализаций.

Прагматическая структура ФЕ имеет двухуровневую организацию. Основанием подобного деления является противопоставление узуального значения ФЕ и ее окказионального смысла: 1) основу верхнего уровня составляет эксплицитный контекстуальный окказиональный смысл ФЕ, который включает фоновые знания, являющиеся необходимым элементом для понимания и помогающие выразить определенное отношение к тому или иному факту жизни общества или деятельности отдельного человека; 2) нижний уровень содержит имплицитное или эксплицитное узуальное значение данной ФЕ.

Двухуровневая прагматическая структура ФЕ определяется прагматической заряженностью данных единиц: «воздействие» на адресата с целью достижения *комического эффекта*. Верхний уровень является реализацией контекстного смысла ФЕ, а нижний — реализацией значения узуальной ФЕ: «...— Et vous, madame l'Autrichienne, pourquoi avoir voulu **filer à l'anglaise**? A qui ferez-vous croire que vous étiez partie chasser les papillons et cueiller les fraises dans les sous-bois?» [8. С. 20]. Данное высказывание, обращенное к королеве Франции, супруге Людовика XVI, Марии-Антуанетте, звучит в сценке, которую разыгрывают крестьяне на площади. В этой реплике контекстуальный смысл ФЕ **filer à l'anglaise** и содержащийся в пресуппозиции факт в истории Франции составляют верхний уровень прагматической структуры ФЕ: 20 июня 1791 г., в разгар Французской революции неудачная попытка бегства сильно ухудшила положение короля и Марии-Антуанетты. Актуализации прямого значения единицы **filer à l'anglaise** «уйти по-английски» способствует контекст: «Quand on est Roi, on ne s'offre pas une excursion touristique, sans en référer au peuple français!». В современном французском языке данная ФЕ не имеет отрицательную коннотацию. Однако в XVIII в., под который стилизована анализируемая пьеса, единица **filer à l'anglaise** еще несла в себе отрицательный оттенок значения. Нижним уровнем прагматической структуры является узуальное значение ФЕ **filer à l'anglaise** «уйти незаметно, уйти не попрощавшись». *Комический эффект* строится на взаимодействии верхнего и нижнего уровней, результатом которого является двойная актуализация ФЕ. В текстах пьес ФЕ и их окказиональная актуализация играют важную роль в формировании *комического эффекта*. В этом направлении нами были выделены *два типа ФЕ* с точки зрения их прагматических свойств:

1) ФЕ, являющиеся реализацией *комического*. В подобной функции выступают узуальные ФЕ, сопровождаемые в словарных статьях маркерами *iron.*, *plaisant*:

la réputation de boit-sans-soif [8. С. 8] «человек, имеющий репутацию пьянчуги, который не может остановиться»; **le bouc émissaire** [8. С. 13] «человек, который вынужден отвечать за вину других, на которого сваливают чужую вину»;

2) ФЕ, лежащие в основе формирования *комического*. Это окказиональные актуализации ФЕ, которые являются текстообразующими и включают основную перлокутивную нагрузку. Например: **nous suons eau et sang pour la Révolution** [8. С. 12] «мы потом и кровью добиваемся Революции». Данная реплика принадлежит лицемеру, обманщику и спекулянту, папаше Лаланду, который подстрекает крестьян к революции, продавая им камни павшей Бастилии. *Комический эффект* основывается на несоответствии фразеологического и перлокутивного смыслов данной единицы. Смеховой эффект в этой реплике вызывается употреблением местоимения «мы», причисляющего говорящего к группе революционеров, которым он не является. **Gagner le gros lot** [8. С. 28] «выиграть по-крупному». Выигрышем является покупка одного из камней разрушенной Бастилии. Таким образом, папаша Лаланд обманывает крестьян, подстрекая их начать революционное движение. Узуальная ФЕ получает актуализацию через контекст, создавая *комический эффект* высказывания.

Реализация окказиональных актуализаций ФЕ представляется в виде «степени» их участия в формировании текстов диалогов и монологов в комедиях, а также жанровой специфики ФЕ. Выявлено *две степени* участия ФЕ в создании *комического эффекта*.

Первая степень развертывания актуализаций ФЕ характеризуется наличием в тексте ФЕ в кодифицированной форме и ФЕ с формально-структурными вариациями, не нарушающими тождества семантики исходной единицы. В данных случаях ФЕ, маркирующиеся в словарях пометами *iron.*, *plaisant*, являются реализацией *комического*. Эта степень актуализации характеризуется минимальным влиянием ФЕ на семантику текста и в пьесе является малопродуктивной:

«*Dartigoeyte* — ...j'ai pris publiquement parti pour les conservateurs contre les démocrates.»

Marguerite — **On va où le vent pousse**» [8. С. 8]. ФЕ **aller où le vent pousse** «идти куда ветер дует» в контексте реализуется в виде следующей актуализации формы одного из компонентов, *aller/va*. Подобная актуализация глагольного компонента не изменяет семантики узуальной единицы.

Вторая степень участия ФЕ в образовании текста основывается на структурно-семантическом типе их актуализации, который является необходимой предпосылкой для создания прагматического и *комического эффектов* при непосредственной связи с текстом. ФЕ способствуют усилению *комического эффекта*, несут на себе основную перлокутивную нагрузку при включении в текст: «Je vous connais **les dents longues!**» [8. С. 19]. Данная реплика является реакцией графини на предложение руки и сердца бедного священника. Контекстуальный смысл ФЕ (**avoir**) **les dents longues** «иметь большие претензии на что-либо» и содержащаяся в пресуппозиции ситуация плачевного положения аристократии во время Французской революции несут перлокутивную нагрузку. Ситуация высказывания, включа-

ющая ФЕ (**avoir**) **les dents longues**, способствует созданию *комического эффекта* реплики. Данный вид окказиональной актуализации ФЕ повышает эмоционально-экспрессивное и прагматическое воздействие на адресата и обусловлен как содержанием текста, так и оценочно-характеризующими свойствами ФЕ.

Таким образом, окказиональные актуализации ФЕ выполняют основную прагматическую нагрузку при создании *комизма* в текстах пьес.

Структурно-семантический тип окказиональной актуализации ФЕ основывается на природе фразеологического знака (раздельнооформленность, генетическая связь со словосочетанием) и коммуникативно-прагматических факторах конкретной коммуникативной ситуации. Основу приемов структурно-семантической группы окказиональной актуализации фразеологизмов составляет использование образности, экспрессивности и оценочности данных единиц. *Комический эффект* достигается за счет следующих приемов:

- соположение ФЕ: «je vous **connais les dents longues**»;
- плеоназм ФЕ: «tu es bien venu **gagner le gros lot d'aujourd'hui**?», «...qui **ne voit pas plus loin que le bout de son nez**» [8. С. 30] < «ne pas voir plus loin que son nez».
- субституция личных местоимений: «**quel vent te porte (à ma porte)?**» [8. С. 25] < «quel bon vent vous amène?»;
- инверсия компонентов: «nous **suons eau et sang** pour la Révolution» < «suer sang et eau»;
- эллипсис: «**quel vent te porte à ma porte?**» < «quel bon vent vous amène?», «je vous connais [avoir] **les dents longues**» < «avoir les dents longues»;
- варианты морфологические модификации ФЕ: «vous m'**écorchez les oreilles**» [8. С. 14] < «écorcher l'oreille».

Данные приемы становятся комическими при формировании черт *комического* (двуплановость восприятия, парадоксальность высказывания т.д.) или при использовании фразеологической конвергенции (совмещения нескольких приемов окказиональной актуализации ФЕ): «**quel vent te porte à ma porte?**» < «quel bon vent vous amène?» — субституция личных местоимений (*te/vous*), подбор компонентов-омонимов (*te porte à ma porte*), вариантная модификация (*porte/amène*) эллипсис (*-/bon*); «**qui ne voit pas plus loin que le bout de son nez**» < «ne pas voir plus loin que son nez» — плеоназм, фразеологическая вставка (*le bout/-*). Таким образом, структурно-семантический тип окказиональной актуализации ФЕ не является специфическим в создании *комического эффекта*.

В заключение хотелось бы привести статистические данные о продуктивности типов окказиональной актуализации на базе анализируемой статьи. Продуктивность определяется степенью участия ФЕ в формировании как самого текста, так и его комической направленности, то есть в частотности употребления того или иного приема с целью формирования *комического эффекта*. Наиболее низкая продуктивность в анализируемой комедии принадлежит таким приемам, как *вариантные модификации ФЕ, соположение ФЕ, инверсия компонентов ФЕ*. Средней степенью продуктивности отмечены приемы: *субституция, эллипсис, плеоназм*. Высокой продуктивностью в этом отношении отмечены следующие приемы: *двойная актуализация ФЕ и конвергенция*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 389—390.
- [2] *Гак Г.В.* Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 345—350.
- [3] *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. — М., 1996. — С. 34—38.
- [4] *Мартыанова Е.В.* К проблеме лингвокогнитивного описания иронии // Сб. тр. межд. конф., Москва, 18 окт. 2006. — М., 2006. — С. 47—48.
- [5] *Мартыанова Е.В.* Ирония как коммуникативно-прагматическая стратегия // Научное обозрение. — М., 2006. — № 5. — С. 137—141.
- [6] *Пронн В.Я.* Проблемы комизма и смеха. — М.: Искусство, 1976. — С. 104—105.
- [7] *Соколова Г.Г.* Курс фразеологии французского языка. — М.: Высшая школа, 2010. — С. 124—125.
- [8] *Florensa J.M.* Les joyeuses et horrifiques farces du Père Lalande // L'avant-scène: théâtre № 851. — P. 1989. — P. 3—44.
- [9] *Гак В.Г.* Новый большой французско-русский фразеологический словарь // ABBY Lingvo x3. — М.: Русский язык-Медиа, 2005.

OCCASIONAL ACTUALIZATION OF IDIOMS AS THE WAY OF CREATION OF THE COMIC EFFECT (on the basis of the french language)

D.A. Yanenko

Moscow State Pedagogic University
Vernadskogo avenue, 88, Moscow, Russia, 119571

In the given article the author analyses the comic potential of idioms and their occasional actualizations, investigates the abilities of idioms to create an ironical tonality of the text and to have the similar influence on the addressee, studies the pragmatical mechanism of achievement of the comic effect on the basis of various types of actualization of idioms on a material of modern play J.M. Florensa «Les joyeuses et horrifiques farces du Père Lalande».

Key words: phraseological units, comic effect, pragmatic mechanism, ironical tonality.

OBSERVATIONS REGARDING THE VALUES OF THE IMPERATIVE IDENTIFIED IN ROMANIAN LANGUAGE

Maria-Magdalena Jianu

Universitatea "Constantin Brancusi"
Calea Eroilor nr. 30, Targu Jiu, Gorj, Romania, 210163

The article deals with the problem of the imperative values in modern Romanian language

Key words: imperative values, Romanian language, suprasegmental marking.

Structural generalities

In modern Romanian language, the imperative is different from the rest of the personal modes. This difference is reflected through its suprasegmental marking given by intonation and the fact that it has an incomplete flexionary paradigm. Thus, this mode does not know time oppositions, as the action expressed is concomitant with the moment of speech. This is revealed by the possibility of inserting adverbs of time in its nearby vicinity: *Vino acum/imediat acasa!* (*Come now/immediately home!*)

Also, the use of personal pronouns is limited to 2 forms: second person singular and plural. These forms motivate the reduced frequency in communication, while retaining the role of center of the sentence, for example *Vino acasa!* (*Come home!*)

The imperative has borrowed from other personal modes the affirmative and negative forms. These forms have structural differences. Thus, the affirmative form of the imperative is homonymous to present time form, as follows: for 2nd person plural the homonymy is total: e.g. *Voi citiți* (*You are reading*) (present time), *Citiți!* (*Read!*) (for affirmative imperative). The differentiation takes place suprasegmentally, through intensive stress; for 2nd person singular, the form for affirmative imperative is the same as for present time, if the verb is transitive: *Fugi!* (*Run!*), *Stai!* (*Wait!*), *Dispari!* (*Go away!*), *Rămâi!* (*Stay!*), *Râzi!* (*Laugh!*). However, if the verb is intransitive, the form is homonymous with 3rd person singular form: *Alege!* (*Choose!*), *Spune!* (*Say!*), *Cere!* (*Ask!*), *Mănâncă!* (*Eat!*), *Scrie!* (*Write!*). A series of verbs like *a auzi* (*to hear*), *a vedea* (*to see*), *a crede* (*to believe*) with the forms *Auzi!* (*Hear!*), *Vezi!* (*See!*), *Crezi!* (*Believe!*) constitute an exception, and their forms for 2nd person singular imperative are identical with the forms for present time. Intransitive verbs, which can also become transitive depending on the context, have two forms for imperative. In this case, the structural rule of the imperative forms is the same noting that if the verb is contextually transitive, it has, for 2nd person, the forms of present time, 3rd person: e.g. *Adorm-mă!* (*Put me to sleep!*), *Plange-l!* (*Cry for him!*), *Crește-o!* (*Raise her!*); if the verb is intransitive, then the forms for 2nd person are homonymous with the forms for the same person present time: e.g. *Adormi!* (*Fall asleep!*), *Plângi!* (*Cry!*), *Crește!* (*Grow!*).

Regarding the verb *a fi* (*to be*), the forms for affirmative imperative for 2nd person singular and plural are identical to the forms for conjunctive present: e.g. *Fii atent!* (*Pay attention!*), *Fiți cuminți!* (*Behave!*).

Other verbs have for 2nd person affirmative imperative syncopated structures in the root: *a face* (to do), *a se face* (to pretend), *a se prefăce* (to pretend), *a reface* (to redo), *a desface* (to open), *a zice* (to say), *a se duce* (to go), *a seduce* (to seduce), *a duce* (to carry), *a aduce* (to bring): *Fă!* (Do it!), *Fă-te!* (Pretend!), *Prefă-te!* (Pretend!), *Refă!* (Redo!), *Zi!* (Say it!), *Du-te!* (Go!), *Sedu!* (Seduce!), *Du!* (Carry it!), *Adu!* (Bring it!).

If these forms are combined with pronominal clitics, in spoken language, the topic is, usually, concrete: in the form verb + pronoun — *Du-l!* (Take him!), *Fă-l!* (Do it!), *Adu-mi!* (Bring me!), *Zi-mi!* (Tell me!). The homonymy between affirmative imperative and present time is absolute, for 2nd person plural: e.g. *Citiți!* (Read!), *Alergați!* (Run!), *Vedeți!* (See!). The negative imperative maintains for 2nd person plural the same forms from affirmative imperative, to which it adds the negative morpheme *nu* (no): e.g. *nu citiți!* (Don't read!). The only difference between the forms for affirmative/negative imperative and those for present time for 2nd person plural, is suprasegmental. It regards the stress in context and the ascendant intonation: *Nu citiți!* (Don't read!), *Nu fiți!* (Don't be!), *Nu aduceți!* (Don't bring!).

For 2nd person the forms are the same with those of negative infinitive, without the preposition — morphem “a”. As such, we can't talk about it's own flexion: *Nu pleca!* (Don't go!), *Nu citi!* (Don't read!), *Nu adormi!* (Don't fall asleep!). The different realisations that appear in different variants of the standard language (regional, popular, familiar): *Nu te du!* (Don't go!), *Nu fă!* (Don't do!), *Nu adu!* (Don't bring!), are not literary. In these realisations the negative imperative is reduced to 2nd person, following the model of the affirmative.

In contemporary Romanian there are a series of verbs that do not have a form for imperative, affirmative or negative. This is commonly applicable to modal verbs: e.g. *can*, *need*, *to want*, atmospheric verbs, and also verbs of perception (*to hurt*, *to sting*).

The values of imperative in contemporary romanian

In the context of contemporary Romanian, the semantical-functional values of the imperative are equivalent to the deontic verbs *a trebui* (need), *a face* (to do). Thus, the context *Trebuie să citești!* (You need to read!) is identical, in terms of obligativity, to *Citește!* (Read!), the same way the sentence *Pentru mâine ai de făcut neapărat tema!* (For tomorrow you must do your homework!) is equivalent to *Fă tema pentru mâine!* (Do the homework for tomorrow!). The imperative can occur in combination with vocatives and interjections with a conative role, with adnouns and pronouns: e.g. *Dragul meu, vino acasă!* (My dear, come home!), *Du-te, frumosule, la mare!* (Go, handsome, to the seaside!), *Faceți dumneavoastră problema!* (You solve the problem!). In most cases, the imperative is equivalent to the hortative conjunctive: *Să mă lași în pace!*/*Lasă-mă în pace!* (You leave me alone!/Leave me alone!), *Să nu te duci la mare!*/*Nu te duce la mare!* (You shouldn't go to the seaside!/Don't go to the seaside!). Sometimes the present indicative is used with the value of imperative: *Pleci repede și mănâci ce ți-am lăsat!*/*Pleci repede și mănânci ce ți-am lăsat!* (You go quickly and eat what I've left for you!/Go quickly and eat what I've left for you!).

Sentences which express a recommendation utilise the forms of the infinitive and supine: e.g. *A nu se fuma!* (Do not smoke!), *Nu vă aplecați înapără!* (Do not lean ou-

wards!), *De citit pentru mâine textul!* (*Read the text for tomorrow!*). When dealing with the substitution of the imperative with infinitive, the latter becomes the center of the sentence. For supine, the possible occurrence of modal operators *a avea* (*to have*) or *a fi* (*to be*) invalidates it as the center of the predicative structure. For example, the context *De citit pentru mâine textul!* (*Read the text for tomorrow!*), is actually equivalent to *Ai de citit pentru mâine textul!* (*You have to read the text for tomorrow!*). The supine with imperative value comes from a deep structure, where its function is that of an indirect object.

Linguistical elements that appear to be constituents of illocutionary or interactional acts, can appear in different types of sentences, generated by different communication situations. Their presence is not correlated with the transmission of cognitive information, but with the fatical aspects of communication. Catalogued as elements of exploration in the specialized literature and called *fatemi*, these are part from the broader class of discursive signals. They perform interactional functions, sometimes of glossarie for certain units in the sentence.

Besides the overutilised *păi* (*well*), *deci* (*so*), *așa* (*so*), *ei* (*well*) (the majority having no contextual motivation), in the contemporary stage of the language, there is frequent recourse to some form of imperative, with phatic function: *Ascultă, ce-ai de gând cu examenul?* (*Listen, what are you going to do with the exam?*), *Zi mai departe!* (*Go on!*), *Stai să-ți spun că n-am terminat.* (*Let me tell you, I haven't finished.*). These forms of imperative do not carry their basic semantic information anymore, their role is to manage the message or to provide its continuity, hence the possibility of substitution with interjections: e.g. *Hei, ce-ai de gând cu examenul?* (*Hey, what are you going to do with the exam?*), *Hai mai departe!* (*Come on!*), *Hai să-ți spun!* (*Let me tell you!*). Perhaps in a later stage of the language, they will evolve in other parts of speech, either maintaining their phatic function, or as fillinf words (interjections, adverbs, even conjunctions).

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

М.М. Жиану

В статье речь идет об использовании повелительного наклонения в современном румынском языке.

Ключевые слова: повелительное наклонение, румынский язык, супraseгментное значение.

РУССКИЙ ЯЗЫК

АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ С ПОМОЩЬЮ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ СОЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ (на примере публицистической статьи)

Н.А. Бубнова

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

На материале публицистической статьи анализируется механизм речевой манипуляции сознанием с помощью ключевых слов социального словаря, входящих в четыре группы-концепта: *власть, народ, богатство, бедность*.

Ключевые слова: речевая манипуляция, ключевое слово, публицистика, семантико-лингвистический анализ, ассоциативный эксперимент.

Язык не только буквальная «картина мира», но это также и «отражение» сознания человека, условий его жизни, общественного самосознания народа, особенностей национального характера, системы ценностей, стереотипов [4].

Ключевое слово является в свою очередь «отражением» картины мира, вершиной «айсберга» — более широкого понятия *концепта* как ментальной единицы. Таким образом, ключевые слова не что иное, как **маркеры** определенной системы ценностей, отражающие в свернутом виде картину мира носителя языка. Как маркеры они располагают к коммуникативному контакту, повышают воздействующую силу текста (некоторая группа адресатов вообще в силу своего развития реагирует исключительно на маркеры).

Следует отметить и то, что ключевые слова — динамическое явление, в большей степени зависящее от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни. Выявить динамику изменений в системе ключевых слов позволяют лингвистический и семиотический анализ текстов, а также психолингвистические эксперименты. Эти методы позволяют также установить тип воздействия с помощью этих слов на лексико-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях.

Для такого семантико-лингвистического анализа нами были отобраны 11 статей различной тематики из газет различной направленности. В этих статьях были

выявлены наиболее частотные ключевые слова, относящиеся к четырем концептам: *власть, народ, богатство, деньги*:

ВЛАСТЬ: власть, правительство, государство, президент, реформы, чиновник, налог, приватизация, реформатор, Абрамович, национальный проект, Путин, политик, обман, передел, инфляция, коррупция;

НАРОД: средний класс, население, зарплата, народ, трудящийся, налог, льготы, цена, старик, голод, национальный проект, пенсионер, смертность, бабушка, пенсия, сбережения;

БОГАТСТВО: доллар, деньги, средний класс, банк, квартира, счет (в банке), богатый, нефть, Рублевка, Абрамович, благополучный, миллионер, автомобиль, вилла, достаток, яхта;

БЕДНОСТЬ: старик, голод, нищета, бедный, пенсионер, бабушка, малоимущий, пенсия, разоренный.

Дополнительные возможности для выявления ключевых слов предоставил ассоциативный эксперимент, проведенный в 2006 г. среди студентов-филологов II—IV курсов Российского университета дружбы народов. Было опрошено 66 студентов, которым предлагались 4 слова-стимула, соответствующие четырем основным концептам, на которые испытуемые должны были дать от одной до трех свободных ассоциаций в любой форме.

Данные свободного ассоциативного эксперимента и семантико-лингвистического анализа были сопоставлены с данными соответствующих статей Русского ассоциативного словаря [5]. Сопоставление показало определенные сходства и различия. И в большей степени различия касаются данных РАС и, напротив, в меньшей степени — данных ассоциативного эксперимента и семантико-лингвистического анализа. Это следствие того, что со времени составления РАС, последний том которого был выпущен в 1998 г., общественно-экономическая ситуация сильно изменилась. Сопоставление ярко показало, что произошло **качественное** изменение картины мира, что система ценностей сместилась в сторону рациональности, консуматорности, статусной экспертизы.

Для выявления механизмов речевой манипуляции с помощью ключевых слов социального словаря были выбраны публицистические тексты (газетные статьи), так как именно в публицистическом тексте явление речевой манипуляции наиболее частотно. При этом под речевой манипуляцией мы понимаем сложный, требующий особой ловкости прием (систему приемов) одностороннего коммуникативного воздействия психологического характера, искусное и завуалированное исполнение которого адресантом ведет к скрытому возбуждению у адресата намерений (убеждений), не совпадающих с его актуально существующими желаниями (убеждениями), при полной иллюзии самостоятельности принимаемых решений, и вызывает поведение, выгодное адресанту, с целью внедрения иллюзорных представлений, изменения мировоззрения, стереотипов мышления.

Поскольку мы имеем дело с публицистическим текстом, то под желательным поведением адресата будем понимать те **выводы**, которые сделает адресат после прочтения статьи. При этом одной из задач анализа становится выявление обеспечивающей данные выводы прагматической установки адресанта текста.

В данной статье представлен анализ публицистического текста «Кто такие дети „подполковника“?», опубликованного в «Новой газете» № 81/3, 2005 (1). В тексте анонимный (!) автор предпринимает попытку анализа ситуации, складывавшейся летом 2005 г. вокруг ареста акций компании «Ильюшин Финанс» (ИФК) и возбуждения уголовного дела против генерального директора ИФК А. Рубцова. Предпосылкой этого анализа становится распространенная аналитическая записка о действиях Генпрокуратуры в отношении депутата Лебедева и компании ИФК.

Фактически ситуация выглядит следующим образом.

Компания ИФК является одним из успешных частно-государственных авиализинговых предприятий. По официальным данным, 38% акций ИФК находится в государственной собственности, 16% принадлежит Внешэкономбанку, остальные контролируются «Национальной резервной корпорацией» (НРК), аффилированными с ней структурами и менеджментом (в частности, генеральным директором ИФК А. Рубцовым).

В июле 2005 г. прокуратура РФ арестовала около 60% акций ИФК, принадлежащих Внешэкономбанку и частным акционерам компании — НРК, принадлежащей депутату ГД Александру Лебедеву и управляющей активами Национального резервного банка (НРБ), и генерального директора ИФК Александра Рубцова. Следует отметить, что арест не коснулся пакета акций, принадлежащих государству и собственно НРБ.

Причиной ареста акций и возбуждения уголовного дела против А. Рубцова по ст. 201 УК («Превышение должностных полномочий») стала бухгалтерская проводка 2,5 млрд бюджетных средств с целью уменьшения налоговых выплат.

Однако бизнесмены, близкие к ИФК, посчитали претензии прокуратуры надуманными. Генеральный директор ИФК А. Рубцов заявил, что «скорее всего, все эти действия интересны и выгодны тем, кто заинтересован в ослаблении ИФК» [6]. А. Лебедев предположил, что арест инициирован конкурентами ИФК, намекая на Финансово-лизинговую компанию (ФЛК). В ответ генеральный директор ФЛК Евгений Зарицкий пригрозил возбудить против А. Лебедева дело о клевете [6]. В это же время председатель Внешэкономбанка Владимир Дмитриев отреагировал на арест акций так: «Я должен разобраться, насколько это тревожно для банка» [2]. А один из основателей ИФК Виктор Ливанов заявил, что данная ситуация может быть выгодна «врагам российского авиапрома» [7].

Формальное мнение автора статьи декларируется в первых же абзацах: авторство аналитической записки принадлежит неким политехнологам, работающим на конкурентов Лебедева и ИФК, устроившим летом «наезд» на эту организацию. Следовательно, вывод, который можно из этого мнения сделать — данное дело является конкурентной борьбой и имеет чисто экономическую основу. Формальным подтверждением этого вывода должен стать последующий текст статьи. Однако выводы, к которым приходит в результате читатель, противоречат декларируемому.

Сначала обратим внимание на заголовок, в который вынесен риторический вопрос «Кто такие „дети подполковника“?». Здесь прямая аллюзия на роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», в котором действовали **мошенники**,

«дети лейтенанта Шмидта». Читатель задумывается, кто же эти «дети» и кто такой «подполковник», и уже с определенной установкой ищет в статье ответ на поставленный вопрос.

В подзаголовке автор поясняет, что в статье речь пойдет «о действиях Генпрокуратуры против ИФК и ее **собственника** депутата ГД А. Лебедева». Таким образом, автор незаметно вводит читателя в заблуждение, называя Лебедева собственником компании, проводя ассоциативную связь между именем депутата и названием компании (ИФК = Лебедев). Фактически же Лебедев является не собственником компании, а только одним из нескольких **частных инвесторов** (контрольный пакет акций ИФК всегда принадлежал государству).

Сам текст статьи автором поделен на несколько блоков, и каждый из блоков имеет авторский подзаголовок. Во **вводном** блоке рассказывается о существовании аналитической записки и высказывается осведомленное предположение (*по нашей информации*) об авторстве этой записки и «наезда» на ИФК. Блок заканчивается риторическим вопросом и недвусмысленным намеком на Президента РФ В.В. Путина.

В блоке **«Причины, предпосылки»** автор рассуждает о причинах конкуренции; об «административном ресурсе», сопутствующем конкуренции, и о шагах, предпринятых конкурентами для устранения «административного ресурса» (*административно-политического статуса*) депутата Лебедева.

Блок **«Что делать?»** предполагает поиск выхода из сложившейся ситуации. Однако здесь автор **не дает никаких советов**, а продолжает рассуждать о действиях конкурентов, формулирует «центральную идею наезда» и, внезапно перестраиваясь, рассказывает о предстоящих выборах (2008 г.) и сепаратистских настроениях российских политиков.

Блок **«Политика против экономики»** целиком посвящен рассуждениям о планах мэра Москвы Ю.М. Лужкова провести «цветную революцию» и сепаратизме президента Татарстана М. Шаймиева.

Логически же текст также делится на 4 блока, но их границы не совпадают с границами блоков, выделенных автором. **Первый блок** (абзацы 1—2) почти совпадает с авторским «вводным» блоком. В этом блоке говорится о том, что авторы аналитической записки, которая *бродит* (!) по Москве, работают на конкурентов Лебедева.

Во **втором блоке** (абзацы 3—4) автор сообщает о том, что «депутат-миллиардер» понял, «откуда растут уши». Здесь интересна контаминация фразеологизмов «растут ноги» и «торчат уши»: так читатель подводится к идее, что А. Лебедеву было понятно, откуда «пришел» «бродячий» документ («растут ноги») и очевидность выводов («торчат уши») об авторстве этого документа.

Здесь же автор риторически задается вопросом, кто такие «дети подполковника», выстраивая ассоциативную связь между «нарушителями конвенции» и цитатой из резолюции А. Лебедева, недвусмысленно кивая на Президента В.В. Путина. Таким образом, интерес читателя, заинтригованного заголовком, находит свое удовлетворение. Риторический вопрос заголовка и «ответ», данный автором во вто-

ром блоке, ассоциативно связаны повторением риторического вопроса и аллюзией на роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Ассоциативно в этом контексте закрепляется и имя Президента В.В. Путина, который, по словам осведомленного в этом (!) автора, любит цитировать Ильфа и Петрова.

Следует отметить также, что в цитате из Ильфа и Петрова «нарушители конвенции, дети лейтенанта Шмидта» компонент *лейтенанта Шмидта* заменяется на *подполковника* совершенно не случайно. В той же «Новой газете» № 93 от 2002 г. была опубликована статья «Дети *подполковника* Путина» [1].

Таким образом, в одном небольшом абзаце **несколько раз** закрепляется ассоциативная связь имени Президента РФ В.В. Путина и организаторов «наезда» на ИФК.

Третий блок посвящен подробному разбору механизма воздействия на Лебедева. Это самый обширный блок (абзацы 5—26), составляющий центральную часть статьи. Основная его функция — неявно закрепить выводы, к которым **уже** пришел читатель.

Формально автор размышляет на тему конкуренции, ставшей причиной атаки на ИФК, и подробно разбирает шаги ее противников. В действительности же экономический характер «дела» незаметно преобразуется в **политический**. Для этого в тексте блока достаточно равномерно распределяются «маркеры». При этом сам Лебедев представлен «несчастной жертвой», оказавшейся не готовой к нападению без объявления войны (*У Лебедева на начало атаки не было даже штаба*), честным и принципиальным человеком (*Когда Лебедев зашел в кабинеты (а он не любит и не умеет туда ходить!)*, *то наткнулся на подготовленную почву*), но не стесняющимся давать «резкую отповедь» премьер-министру.

Первым таким маркером становится имя Ходорковского, скандально известного «политзаключенного»: *«...и сделают вывод о самом крупном после Ходорковского политическом заказе. Что и произошло, судя по многочисленным оценкам СМИ на Западе»*.

Вторым маркером становится «административный ресурс» А. Лебедева, т.е. его депутатский мандат и определенное политическое реноме, на которые и нацелены атакующие. Третьим маркером стала информация о том, что Лебедеву помешали создать блок **политической** поддержки. Четвертым маркером — упоминание *«типичного в этом смысле поведения правительства»*, действующего точно по команде из Кремля. Эти маркеры окружает «информационный шум», усугубленный множеством имен политиков и бизнесменов, названий фирм, партий, преследующих то ли экономические, то ли политические цели.

Постепенно в сознании читателя «действия Генпрокуратуры против ИФК» превращаются в «дело Лебедева», создается впечатление кампании, ведущейся всеми против одного. Это впечатление закрепляется выводом, сформулированным в виде «центральной идеи наезда», — *«сформировать мнение, что дело Лебедева (не ИФК!) есть политическое дело об «инакомыслии», преследовании антигосударственных целей (рвался в президенты, хотел монополизировать стратегическую отрасль, диссидентствовал в Госдуме и подсунул президенту неисправный*

самолет (!) и др.)). И несмотря на то, что вывод дан в двусмысленной форме опровержения тезиса («сформировать мнение»), он достаточно четкой ассоциацией увязывается с упоминавшимся ранее Ходорковским перечислением выдвигаемых против Лебедева абсурдных обвинений.

Четвертый блок (со слов «Анализируя политическую ситуацию...» и до конца статьи). Здесь автор внезапно, вызывая недоумение читателя, переключается на проблему смены власти и сепаратизма в Российской Федерации. В основе своей этот блок является **информационным шумом**, задача которого перегрузить сознание читателя ненужными сведениями, «загипнотизировать», отвлечь от анализа и оценки уже сообщенной автором информации и незаметно ввести «закрепляющую» информацию: «видим самым тревожным для **Кремля** участком тему выборов», «**зацепили Лебедева** как активного московского политика с претензией на федеральный уровень», «посмотрим на „дело Лебедева“ как на малую часть операции „**оппозиция** Кремлю в Москве“». Тезисом «Разделим дело на две независимые части: политическую и экономическую. Объясняется это тем, что **экономическая часть не должна восприниматься как приложение к „делу Лебедева“**. Это должно быть объективное мнение» ставится **логическая** точка данной статьи.

Очевидно, что логическая композиция текста построена так, что риторический вопрос о «нарушителях конвенции», представленный во втором блоке, является наиболее семантически нагруженным, и становится некой призмой, через которую «декодируется» текст статьи. Интересно, что именно на этом абзаце обрывается первый (вводный) авторский раздел статьи, так что вопрос и ответное «предположение» автора как бы повисают в воздухе, провоцируя двусмысленную недвусмысленность.

Если обратить внимание на стиль статьи, то можно отметить, что он сдержанный, относительно нейтральный и соответствует стилю обычных аналитических статей и поэтому не вызывает подозрений читателя или отторжения им текста.

Однако любопытно, что информация преподносится **от второго лица мн. ч.** (*нам* показалось, *по нашей* информации, *попробуем* восстановить логику конкурентов; *посмотрим* на «дело Лебедева»), но при этом в статье не поясняется, **кто именно** подразумевается под этой размытой номинацией. Автор остается обезличенным, абстрактным, предельно анонимным, но, тем не менее, убедительным, а иногда и категоричным. Некоторые предположения автора текста преподносятся как абсолютные факты: например, сначала автор приглашает читателя восстановить логику конкурентов, а затем, не отмечая, что речь идет о версии, высказывает безапелляционное мнение.

Автор часто отсылает к анонимным источникам информации: *по Москве начал бродить любопытный документ* (сам?), *по нашей информации* (откуда?), при этом незаметно подчеркивается осведомленность автора в привычках Президента, в поступках конкурентов, в поведении правительства, в деструктивных планах Лужкова и Шаймиева.

В тексте встречаются синтаксические неоднозначности («семья», «друзья Ющенко», «посоветовали» *намекнуть*), довольно яркая «болотная» метафорика (*Либералы из правительства... ушли в тину*; *Команда Лебедева оказалась в болоте*. Чем больше она будет сучить там ножками, тем быстрее *болото ее засосет*), пресуппозиции (как только *слабость власти* перейдет определенный рубеж), безосновательные утверждения (*Крупная конкуренция невозможна без соответствующего административного ресурса* и пр.), алогичная аргументация.

Интересен лексический способ подачи автором информации. Вся статья делится на три довольно четко выделяемых блока, совпадающих с блоками логической композиции: первый блок (абзацы 1—6 — 1, 2 и начало 3 логического блока) маркируется **жаргонной** лексикой (*разводка, наезд, получить «с двух рук», откат*); второй блок (3 логический блок) — **военной** лексикой (*окопная война, сокрушительный удар, стратегия, штаб, атака, группировка, противник, блицкриг, ввязаться в бой*); третий блок (4 логический блок) — подчеркнуто нейтрален. Таким образом, вводя читателя в курс «дела», автор выбирает жаргонную лексику, чтобы ассоциативно связать конкурентов Лебедева с преступными элементами. Затем, смещая акцент на военную лексику, автор формирует впечатление тотальной военной кампании, ведущейся против Лебедева. Тем самым подчеркивается дистанция между Лебедевым и «преступными» бизнесменами и «грязными» политиками.

При именовании конкурентов, инспирировавших действия прокуратуры, автор последовательно использует множественное число: *конкуренты, нарушители конвенции, «рэкетирующие группы», противники*. Встречаются именованья и в единственном числе: *штаб, атакующая группировка*, но и эти именованья подразумевают определенную «группу лиц», которой противопоставляется один Лебедев. Эта «группа лиц» представляется активно действующей: она *заказывает* и *организовывает наезды, получает «с двух рук», атакует, ведет работу, проводит классический блицкриг, порождает слухи, возбуждает дело против ключевого менеджера ИФК* (даже не Генпрокуратура!), *заносит и формирует нужное видение ситуации, перекрывает путь, «теряет» письма, не отвечает на звонки, отказывает в присутствии на визитах и вычеркивает из списков приглашенных*. На фоне этой активной деятельности А. Лебедев показан статично, что также подчеркивает его отличие от противников. Только один раз автор называет «по имени» конкурента — ФЛК, называет скромно и в скобках, но не указывая при этом, что ФЛК всего лишь **возможный** «заказчик», участие которого в инициировании расследования прокуратуры **не доказано** (мнение генерального директора ФЛК Е. Зарицкого по этому вопросу изложено выше).

Ключевых слов в статье немного, но показательно, что основная их масса из наиболее частотных слов группы «власть»: *власть* (34), *правительство* (27), *государство* (21), *президент* (21), *госчиновники* (12), *Путин* (6), *политик* (5). При этом ключевые слова делятся на четыре смысловые группы, объединенные контекстуально: 1) **чиновники** — боязливые, находящиеся в атмосфере подозрительности, но и «заинтересованные» в сотрудничестве (*кому-то денег занесли, кому-то*

сформировали нужное видение ситуации); 2) **правительство** — типично в своем поведении, выполняет все команды Кремля; 3) **власть** — слаба (*как только слабость власти перейдет определенный рубеж*); 4) **государство** — его позиция имеет решающее значение, при этом *государство* как довольно абстрактное понятие ассоциативно связывается с конкретным лицом — *президентом* (В.В. Путиным) — и его метонимическим синонимом *Кремлем*, действующими активно и не терпящими оппозиции.

Обращает на себя внимание тот факт, что президент РФ В.В. Путин именуется в статье просто «президент» (5 раз); а называется по фамилии только **один раз** — в риторическом вопросе о «нарушителях конвенции, детях подполковника»...

Итак, фактические выводы, к которым подводят читателя данной статьи, противоположны декларируемому автором: действия Генпрокуратуры против компании ИФК — это «дело Лебедева», политическое дело, развязанное «детьми подполковника Путина» (и самим В.В. Путиным) против честного предпринимателя (свое состояние депутат заработал, спекулируя долговыми облигациями) и активного московского политика Лебедева, поднимающего российский авиапром, и замаскированное под экономические претензии Генпрокуратуры, инспирированные конкурентами. Эти выводы косвенным образом поддерживаются множественными ассоциациями с Ходорковским (включая именование «*депутат-миллиардер*»); Лебедев действительно занимает 27-ю строчку ста богатейших людей России по версии русского издания журнала «Forbes»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) КТО ТАКИЕ «ДЕТИ ПОДПОЛКОВНИКА»? О действиях Генпрокуратуры против компании «Ильюшин Финанс» (ИФК) и ее собственника депутата ГД А. Лебедева. — Новая газета, № 81 (1106), 31.10 — 02.11.2005.

По Москве начал бродить любопытный документ: аналитическая записка о действиях Генпрокуратуры в отношении депутата Лебедева и компании «Ильюшин Финанс». Нам показалось, что некие политехнологи устроили «разводку по-новому». По сути дела, это коммерческое предложение известному бизнесмену и депутату Госдумы Александру Лебедеву выделить энное количество миллионов *американских рублей* на отражение пиар-кампании, которая якобы против него ведется.

Самое удивительное в том, что, по нашей информации, авторство этого текста принадлежит как раз тем людям, которые работают на конкурентов Лебедева и фирмы «Ильюшин Финанс» и которые заказали наезд на эту организацию летом с.г., из-за чего уже сломано много копий. По сути, играя на их стороне поля и организовывая «наезды» на Лебедева, они одновременно предлагают самому Лебедеву «наехать» на своих клиентов, а затем получить «с двух рук».

Депутат-*миллиардер*, видимо, понял, откуда растут уши, собственноручно наложив резолюцию: «Те же люди, устроившие наезд на „ИФК“».

Встает вопрос, кто такие «нарушители конвенции — дети подполковника...» Может быть, самого *Путина*? Говорят, он любит цитировать Ильфа и Петрова...

Причины, предпосылки

Согласно законам рынка конкуренция неизбежна, если есть конкурент. Прекращается конкуренция только с исчезновением конкурента. Именно в этом — главное объяснение атаки на ИФК. Оно банально. Расчет в конце июля 2005 г. сделан на то, что за банальным заказом и откатом и Лебедев, и политическая тусовка, расслабленная летним отдыхом

и потому не очень информированная, увидят клише «Генпрокуратура, Басманный суд, собственность» и сделают вывод о самом крупном после Ходорковского политическом заказе.

Что и произошло, судя по многочисленным оценкам СМИ на Западе. Если «дело» не рассосется, эта точка зрения перекошет в российские СМИ и мнение политбюро. От Лебедева начнут шарахаться и т.д.

Крупная конкуренция невозможна без соответствующего административного ресурса. Ресурс, в свою очередь, невозможен без политических тяжеловесов. Равные противники или договариваются и делят сферы влияния, или ведут войну. Последняя ситуация означает, что конкуренты или выжидают ситуации, удобной для удара, или сами создают такую ситуацию. В час «икс» наносится сокрушительный удар.

Окопная война предполагает постоянный мониторинг ситуации. Это значит: надо обрабатывать огромный объем информации. Чтобы переработать такой объем, составить стратегию, необходим крупный, слаженно работающий коллектив. Все участники штаба наезда сейчас известны. У Лебедева на начало атаки не было даже штаба.

Сложившаяся на сегодня ситуация означает одно: Лебедев не вел системной работы и даже не анализировал ситуацию.

Чтобы полнее представить картину, попробуем восстановить логику конкурентов. Во-первых, они вычленили краеугольный камень всей конструкции. Это был сам Лебедев, вернее, его административный ресурс. С устранением этого ресурса все остальные акты, в том числе и материальные, не представляли опасности.

Работа велась в двух направлениях: устранении административно-политического статуса Лебедева и технической организации (уголовное дело, арест акций, беседы влияния и записки наверх, покупка нужных силовиков, СМИ и пр.).

Первое направление могло быть реализовано при условии, что Финансово-лизинговая компания (конкурент) находила политических союзников-покровителей. Учитывая окрас дела, на роль союзника более всего подошли Лужков и Шаймиев. Вокруг выстроилось естественное по данному случаю окружение: игорная мафия (крайне недовольная законодательной поправкой депутатов Лебедева и Самошина), Боос, «Альфа-групп» (интересуется «Аэрофлотом», подозревает Лебедева в дружбе с Рейманом), «семья», Березовский, Невзлин (выгодна любая сваря). Другие, более мелкие «фрэкетирующие» группы, каждая из которых видит в крушении Лебедева свою, нередко коммерческую, цель.

С другого конца в Украине на Лебедева наехали «оранжевые» с попыткой отобрать собственность в Украине — и это тоже часть плана. Добавилась работа «Боинга» и американцев, которым выгоден крах российского авиапрома. Украинские «друзья Ющенко», конкуренты ИФК в Украине — владельцы игорных заведений и коммерсанты — лидеры «Нашей Украины» (Мартыненко, Порошенко, Третьяков, etc.) не остались в стороне — наехали на объекты в Крыму, гостиницу «Украина», *банк* и др. Они преследуют бизнес-интересы и подозревают, что Лебедев был внедрен к ним Кремлем, разыграв близость с «оранжевыми». Их интересует собственность Лебедева в Украине и уменьшение его влияния на политические процессы.

Параллельно решалась задача помешать Лебедеву создать блок поддержки из Сечина, Иванова, Суркова, Устинова и прочих знаковых фигур. Под каждого атакующая группировка вела работу, имевшую цель помешать возникновению блока. Постепенно у многих высоких фигур было смоделировано отрицательное мнение о Лебедеве или просто опасение. Это одно из главных условий, позволивших проводить классический блицкриг.

Типично в этом смысле поведение *правительства*. Фрадков, вероятно, сначала получил из Кремля команду не вмешиваться. Затем в сентябре ему «посоветовали» наемнуть, что Лебедев, мол, «развалил авиапром» и поставил *президенту* бракованные ИЛ-96 (!), что тот и сделал на заседании 22 сентября, вызвав резкую отповедь Лебедева.

Либералы из **правительства** сначала попытались вступить за Лебедева, затем ушли в тину.

Второе направление — техническое. При наличии бюджета в 3—5 млн. **долл.** задача решалась от трех до двенадцати месяцев, в зависимости от особенностей ситуации.

Велись переговоры с лицами, готовыми добывать Лебедева в случае его экономического и политического ослабления. В наибольшей степени в факт такого ослабления поверил Лужков, который инициировал ликвидацию лебедевской группы «Столица» в ГД, подал множество судебных исков и заказал многомесячную кампанию «черного PR» по дискредитации соперника (только на ТВЦ за сентябрь-октябрь вышло около 10 программ, новостных сюжетов и пр.).

Порождены слухи, что Лебедев не устраивает в качестве играющей фигуры некоторых влиятельных лиц. При необходимости эти слухи можно усилить.

Что делать?

Анализируя сложившуюся ситуацию, надо исходить из того, что противники не могли не понимать, что решающее значение в этом деле будет играть позиция **государства**, в первую очередь **президента** и его окружения. Чью сторону они займут, тот и выиграет.

Все государственные интересы делятся на политические и экономические. Судя по характеру и направлению удара, конкуренты выбрали экономический жанр. Они возбуждают дело против ключевого менеджера ИФК Рубцова, заранее полагая, что человек, никогда не сталкивавшийся с такого рода давлением, совершит ряд ошибок, которые можно трактовать как косвенное признание своей вины (например, убежит за границу).

Учитывался общественный резонанс, когда любое обвинение директора понимается как доказательство воровства. Этому подсознательно хотят верить особенно боязливые **госчиновники** — тем более после недавних арестов в Минфине и Минпроме и в целом в атмосфере распространившейся подозрительности.

В рамках уголовного дела Генпрокуратура арестовывала часть акций «Ильюшин Финанс», но не **государства**, а самого менеджмента, а также Лебедева. Особенно подчеркнуто, что **государство** ни при чем (вероятно, арест акций **Внешэкономбанка** — либо ошибка Генпрокуратуры, либо подтверждение слуха о том, что проверяется возможность «сговора» Лебедева и бывшего главы **Внешэкономбанка** А. Костина).

Позиция идеально продумана, и ввязываться в бой на экономической поляне значит окончательно загубить дело. Здесь можно только или молчать, или оправдываться, что одинаково плохо. Команда Лебедева оказалась в болоте. Чем больше она будет сучить там ножками, тем быстрее болото ее засосет.

Единственный выход в том, чтобы показать политическую сторону, и для этого есть все основания. Ведь «Ильюшин Финанс» — плод пяти лет труда администрации, лично **президента** и всего **правительства** совместно с частным сектором. Результатом стало оздоровление практически погибшей госотрасли. Первый успешный и масштабный опыт государственно-частного партнерства. Это надо разъяснить и доказать, тем более что и заводы, с которыми работает ИФК, и сама ИФК — госпредприятия, а акции Лебедева являются миноритарным пакетом.

Это изначально более эффективный подход. Если бы противник увидел, как самому начать дело на политическом поле, он бы начал. Но очевидной фактуры у него не было и нет. Решили идти более простым путем — экономическим. Представить дело как обычную уголовщину, «занести» и заблокировать «Ильюшин Финанс», получив затем все 200 млн **долл.** бюджетных денег.

Заинтересовать **чиновников** в сотрудничестве, выглядевшем защитой государственных интересов, не составило труда. Очевидно, кому-то денег занесли, кому-то сформировали нужное видение ситуации. Когда Лебедев зашел в кабинеты (а он не любит и не умеет туда ходить!), то наткнулся на подготовленную почву, играя тем самым на противника.

А путь к *президенту* для него предусмотрительно перекрыли, в администрации «потеряли» добрый десяток писем к ВВП, не отвечали на звонки, отказали в присутствии на визитах и даже впервые за долгие годы вычеркнули из списков приглашенных на приемы в Кремле. Это тоже заслуга авторов наезда.

Центральная идея наезда — сформировать мнение, что дело Лебедева есть политическое дело об «инакомыслии», преследовании антигосударственных целей (рвался в *президенты*, хотел монополизировать стратегическую отрасль, диссидентствовал в Госдуме и подсунил *президенту* неисправный самолет (!) и др.).

Анализируя политическую ситуацию, видим самым тревожным для Кремля участком тему выборов в Мосгордуму и тему 2008 года. На сегодня нет ни одного крупного *политика*, который не имел бы плана относительно этого переломного момента. И здесь тоже вольно или невольно зацепили Лебедева как активного московского *политика* с претензией на федеральный уровень.

Всех *политиков* можно условно поделить на желающих увеличить полномочия в рамках России и на желающих выйти из состава России. Первые неопасны, но через них можно расшатывать ситуацию. Вторые опасны, потому что имеют цель в 2008—2012 годах добиться суверенитета. Главное, что планы по расчленению России имеют естественных кандидатов-исполнителей. Одними двигают цели мирового масштаба, другими — регионального, третьими — сохранения влияния и бизнеса (Москва), но и те, и другие могут достигаться через разрушение России.

Политика против экономики

Самые опасные территории России с точки зрения дестабилизации, усиления внутривосприимчивости антикремлевского влияния — Москва, а с точки зрения угрозы суверенитету (хочет или не хочет того его руководство) — Татарстан и близлежащие к югу республики и области. Достаточно поглядеть на карту, чтобы увидеть кусок, который так и просится на отделение. Ни у кого нет иллюзий, что, как только слабость *власти* перейдет определенный рубеж, тут же начнутся разрушительные процессы. Полыхнувшую стихию будут активно поддерживать самые разные силы. В итоге у России не будет шансов сохраниться.

Только в Москве можно вывести на улицу сотни тысяч людей (мэрия это не раз продемонстрировала). Только в столицах бывают «разноцветные» революции. Только у мэрии есть громадный финансовый ресурс. Только у мэра рейтинг возможного *президента* — 15%, свои СМИ, политсоюзники и т.д.

Отдельно о Шаймиеве. Не имеет значения, каковы его осознанные планы. Достаточно того факта, что многие мировые игроки будут активно использовать Татарстан в антироссийском проекте, хочет он того или нет. Эта данность, не вызывающая сомнений.

Исходя из такого понимания вопроса, посмотрим на «дело Лебедева» (а это именно так, это не «дело Рубцова» или «Ильюшин Финанс») как малую часть операции «оппозиция Кремлю в Москве» и отделение Татарстана от России.

Разделим дело на две независимые части: политическую и экономическую. Объясняется это тем, что экономическая часть не должна восприниматься как приложение к «делу Лебедева». Это должно быть объективное мнение.

При желании найдем аналогии во всех взрывоопасных регионах. Например, Кавказ, Башкирия, Калмыкия, Якутия, Калининград. В каждом из этих регионов ведется антироссийская работа, учитывающая амбиции местных лидеров.

Как только у Кремля сложится правильное мнение, он как минимум разведет конкурентов по углам. В лучшем случае ФЛК накажут за наезд, Лебедева реабилитируют путем назначения каким-либо спецпредставителем, пригласят в *правительство* или поддержат по-иному.

При таком повороте Лужкову и Шаймиеву выгодно замаять дело, и они становятся невольными союзниками. Можно сподвигнуть их к мысли о переговорах. Возможно, нужны прямые переговоры Лебедева с Лужковым и Батуриной...

(Публикуется с незначительными сокращениями)

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Артамонов В. Дети подполковника Путина // «Новая газета». — № 93. — 19—22.12.2002.
- [2] Генпрокуратура арестовала акции крупнейшей российской лизинговой компании «Ильюшин Финанс». URL: <http://www.newsru.com/finance/27jul2005/avia.html>
- [3] Кто такие «дети подполковника»? // «Новая газета». — № 81 (1106). — 31.10—02.11.2005.
- [4] Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. — М.: Академия, 2001.
- [5] Русский ассоциативный словарь. В 6 т. — М., 1994—1998.
- [6] Рыжкин С. «Ильюшина» завели на посадку // «Коммерсантъ». — № 137 (3221). — 27.07.2005.
- [7] Яндиев М. Подсечка на взлете. — «Российская газета». — № 173. — 09.08.2005.

ANALYSIS OF MECHANICS OF VERBAL MANIPULATION WITH KEY WORDS OF SOCIAL VOCABULARY EXEMPLIFIED IN JOURNALISTIC ARTICLE

N.A. Bubnova

Department of General and Russian Linguistics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the analysis of mechanism of speech manipulation on readers' consciousness by means of socially marked key words, forming four concept groups: power, nation, wealth, poverty (on the material of journalistic article).

Key words: verbal manipulation, keyword of social vocabulary, political journalism, semantic and linguistic analysis, associative experiment.

ЯЗЫКИ ЕВРАЗИИ

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (структурно-семантические особенности)

Н.Н. Ефремов

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирское отделение РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, Россия, 677027

В статье рассматриваются основные структурно-семантические особенности сложных предложений якутского языка, которые оформляются, прежде всего, бессоюзным способом, что обусловлено постпозитивно-агглютинативным характером строя данного языка.

Ключевые слова: функциональная эквивалентность, зависимый предикат, синтетический, синтетико-аналитический, модель, структура, моносубъектность.

Сложное предложение (СП) в якутском языке, как и в других языках алтайского типа, по сравнению с индоевропейскими языками характеризуются определенными структурно-семантическими особенностями. Например, если в русском языке предикативные части СП оформляются, прежде всего, **союзами**, то в якутском языке предикативные единицы сложноподчиненных предложений (СПП) обычно сочетаются **бессоюзным способом**: посредством соположения (примыкания), а также морфологических — синтетических и аналитико-синтетических — показателей: аффиксов принадлежности, падежей, лица, числа; послелогов [1], которые являются составными элементами сказуемых/предикатов зависимых частей подобных предложений. В этих предложениях формы зависимых предикатов являются средствами выражения их структурных моделей. Рассмотрим это на следующих конкретных примерах.

- (1) (*Саас кэлэн*), [*хаар уулунна*]
саас (весна) кэл=эн (наступать = CV)
хаар (снег) уулун =н=а (растаять = PAST = 3Sg)
'Снег растаял, потому что пришла весна'.

В (1) зависимая предикативная часть — деепричастный предикат (*кэлэн*) — сочетается с глагольным сказуемым (*уулунна*) посредством примыкания, то есть при помощи твердого порядка слов «препозитивное зависимое слово + постпо-

зитивное главное слово». Зависимый предикат состоит из сочетания трех морфем «глагольная основа + деепричастный показатель *-ан* + аффикс сказуемости», что в символической записи представляется в виде формулы **T_{ap} /P/**. Последняя и является структурной моделью данного СПП.

- (2) (*Билэр*) [*киһим кэллэ*]
 бил=эр (знать=) киһи=м (человек=**POSS.1Sg**) кэл=л=э
 (придти=**PAST=3Sg**)
 ‘Пришел человек, которого я знаю’.

В (2) зависимая предикативная часть представлена причастным предикатом (*билэр*), который сочетается с субъектом (*киһи*) главной части посредством изафета — аффикса принадлежности 1 л. ед. ч. (*-м*). Последним обозначается и субъект зависимого события в виде значения 1 л. ед. ч.. Таким образом, сочетание этих двух компонентов бил=эр киһи=м в символической записи **T_{ap} N//** и являет собой формулу приведенного предложения.

- (3) (*Кэлбиккэр*) [*баарым*]
 кэл=бик=кэр (придти=**PP=2Sg.DAT**) баар=ым
 (быть=**IMPRF.1Sg**)
 ‘Я был (здесь), когда ты пришел’.

В (3) зависимый предикат выражен причастием на *-быт* в дательном падеже лично-предикативного склонения, соответственно данное СПП имеет структурную модель **T_{ap}быт // дат. п.**

- (4) (*Кини эппитэ*) [*кырдьык*]
 кини (он) эп=пит=э (сказать= **PP=3Sg**) кырдьык (правда)
 ‘То, что он сказал, правда’

Фраза (4) характеризуется зависимым предикатом в форме причастия на *-быт* в лично-предикативном склонении в основном падеже, который в составе СПП представляет зависимую часть в виде субъекта 3 л. ед. ч., то есть реализует валентность сказуемого главной части — что? Необходимо указать, что пропозиция зависимой части всегда отвечает на вопрос *туох?* что? Структурная модель подобного СПП — причастие / предикативное слово + аффикс л., ч., что в формульной записи выглядит следующим образом: **PART + //; T_{ap}быт //**.

- (5) *Кэлбитим кэннэ, барбыта*
 кэл=бит=им (приходить=**PP=1Sg**) кэннэ (**POSTP**) бар=быт=а
 (уходить=**PP=3Sg**)
 ‘Он ушел после того, как я пришел’.

Пример (5) представляет СПП с послеложным показателем, входящим в качестве аналитического компонента в состав зависимого предиката, выраженного причастием на *-быт*. Структурная модель данного СПП — **T_{ap}быт // кэннэ**.

СПП с аффиксальными средствами связи называются синтетическими, к ним относятся и СПП, части которых сочетаются способом соположения. СПП, части которых оформляются послелогам, выделяются как подтип синтетических и именуются синтетико-аналитическими [1—2].

Синтетические и аналитико-синтетические СПП

Синтетические и синтетико-аналитические СПП в формальном плане сближаются с простыми и моносубъектными полипредикативными предложениями, поскольку компоненты последних сочетаются тоже при помощи морфологических показателей и соположения. В простых предложениях компоненты, кроме сказуемого, не имеют предикативного значения, что и отличает их от полипредикативных конструкций (ППК). Если в моносубъектных ППК части соотнесены с общим субъектом, то части СПП характеризуются собственными субъектами.

Рассмотрим СПП и их моносубъектные ППК эквиваленты. Анализ начнем с ППК с сопологающимися частями. Такие предложения имеют деепричастные модели, например T_v ан+/P/ со значением причинной зависимости:

- (6) (*Уолум командировкаҗа баран*), [*соҗотоҗун хааллым*]
 уол=ум (сын=POSS.1Sg) командировка=җа (командировка=DAT)
 бар=ан (уехать=CV) соҗотоҗун (один) хаал=л=ым
 (оставаться=PAST=1Sg)
 ‘Сын уехал в командировку, и я остался дома один’.

Моносубъектная ППК аналогичной же модели описывает следование событий или характеризуется причинно-следственным значением, при котором совершение зависимого события обуславливает проявление у субъекта отрицательного или положительного эмоционального состояния:

- (7) [*Кини (оскуолаҗа баран) кэллэ*]
 кини (он) оскуола=җа (школа=DAT) бар=ан (уходить=CV) кэл=л=э
 (прийти=PAST=3Sg)
 ‘Он сходил в школу’;
- (8) *Оҗо оонньуурун алдыатан, хомойдо*
 оҗо (ребенок) оонньуур=ун (игрушка=POSS.3Sg.ACC) алдыат=ан
 (сломать=CV) хомой=д=о (печалиться=PAST=3Sg)
 ‘Ребенок сломал игрушку, и запечалился’.

Простые предложения, в которых компоненты сочетаются при помощи примыкания, представляются определениями, выраженными прилагательными, числительными, а также обстоятельствами, оформленными наречиями. Однако такие предложения не являются близкими семантическими эквивалентами ППК, ибо они монопредикативны.

При помощи аффикса притяжания образуются определительные СПП; они не имеют моносубъектных эквивалентов, и с ними в структурном плане соотносятся простые предложения с определениями, выраженными именами существительными со значением субъекта обладания:

- (9) (*Оскуолаҗа бииргэ үөрэммит*) [*табаарыһым уола куоракка олорор*]
 оскуола=җа (школа=DAT) бииргэ (вместе) үөрэм=мит (учиться=PP)
 табаарыһ=ым (товарищ=POSS.1Sg) уол=а (сын=POSS.3Sg)
 куорак=ка (город=DAT) олор=ор (жить=PFUT.3Sg)
 ‘Сын моего товарища, с которым я учился вместе в школе, живет в городе’;

- (10) *Табаарыһым уола куоракка олорор*
 ‘Сын моего товарища живет в городе’.

СПП с падежными показателями в зависимости от типа их структурно-семантической модели могут иметь определенные моносубъектные эквиваленты. Например, сложноподчиненным предложениям с предметно-событийной зависимой частью в винительном падеже (11) синонимичны моносубъектные конструкции с причастным определением, сочетающимся с определяемым в винительном падеже:

- (11) *(Остуолга кинигэ сытарын)* [ыллым]
 остуол=га (стол=DAT) кинигэ (книга) сыт=ар=ын
 (лежать=PFUT=3Sg.ACC) ыл=л=ым (взять=PAST=1Sg)
 ‘Я взял книгу, которая лежала на столе’;

- (12) *Остуолга сытар кинигэни ыллым (перевод тот же).*

СПП, части которых сочетаются при помощи согласования в лице и числе, представляют собой подлежащие СПП. Сказуемое главной части согласуется с предикативным субъектом — зависимой предикативной единицей — в значении третьего л. ед. ч. При этом зависимая предикативная единица реализует ЧТО-валентность сказуемого:

- (13) *(Манна кэлбитим)* [хас да хонно]
 манна (сюда) кэл=бит=им (приехать=PP=1Sg) хас да хон=н=о
 (несколько дней побыть=PAST=3Sg)
 ‘Несколько дней прошло, как я сюда приехал’.

С подлежащим СПП в структурном плане соотносится двусоставное простое предложение. Однако подлежащее и сказуемое такого предложения согласуются, в отличие от подлежащего СПП, во всех трех лицах ед. и мн. ч.:

- (14) *Мин манна кэлбитим*
 мин (я) манна (сюда) кэл=бит=им (приехать=PP=1Sg)
 ‘Я сюда приехал’.

СПП с послелогом обычно имеют отдаленный — монопредикативный — эквивалент, представленный местоименно-послеложной структурой:

- (15) *(Кини кэлэрин саһана), [мин дьиэбэр этим]*
 кини (он) кэл=эр=ин (приходить=PFUT=3Sg) саһана (POSTP) мин (я)
 дьиэ=бэр (дом=POSS.1Sg.DAT) эт=им (быть=IMPRF.1Sg)
 ‘К тому времени, когда он приходил, я был дома’;

- (16) *Ол саһана мин куоракка баарым*
 ол саһана (в то время) мин (я) куорак=ка (город=DAT) баар=ым
 (быть= IMPFR.1Sg)
 ‘В то время я находился в городе’.

Если СПП и монопредикативные конструкции соотносятся в аспекте неполной структурной эквивалентности, то синтетические и аналитико-синтетические ППК могут быть относительно близкими синонимичными конструкциями. По-

добные случаи имеют место обычно между некоторыми падежными и послеложными ППК. Например, СПП с зависимым предикатом, выраженным причастием на *-ар* в дательном падеже (T_v ар // дат. п.), может соотноситься с послеложным СПП (T_v ар // *саһана*) как функционально близкая конструкция:

- (17) (*Барарыгар*) [эппитим]
 бар=ар=ыгар (уходить=PFUT=3Sg.DAT) эп=пит=им
 (сказать=PP=1Sg)
 ‘Я сказал (об этом), когда он уходил’;
 (*Барарын саһана*), [эппитим] (перевод тот же).

Наряду с синтетическими и синтетико-аналитическими СПП функционируют аналитические СПП и сложносочиненные предложения (ССП) союзного и бессоюзного типа [3].

Сказуемые препозитивной (зависимой) части аналитических СПП в отличие от синтетических и аналитико-синтетических выражаются финитными формами, потому они в структурном плане в определенной степени соотносительны со сложносочиненными предложениями (ССП) (ср. примеры ниже).

Аналитические сложноподчиненные предложения

Предикативные части аналитических СПП сочетаются посредством одинарных (постпозитивных) и парных (местоименно-анафорических, двухместных) аналитических средств (скреп). Если СПП с постпозитивными скрепами являются исконно тюркскими, то СПП с парными прономинальными скрепами сформировались под влиянием русского языка. Однако в современном якутском литературном языке они воспринимаются как нормативные. Ср.:

- (18) *Ким ааһар, ол билэр*
 ким (кто) ааһ=ар (читать=PFUT.3SG) ол (тот) бил=эр (знать=PFUT.3SG)
 ‘Кто читает, тот знает’.

Аналитические СПП являются периферийными средствами выражения СП, так как они могут замещаться синтетическими или аналитико-синтетическими структурами, которые функционируют в качестве ядерных единиц в системе СП якутского языка. Например, СПП с постпозитивной скрепой могут иметь функциональные эквиваленты, представленные СПП синтетического или синтетико-аналитического типа. Для иллюстрации данного положения рассмотрим аналитическое СПП со скрепой *да*, выражающее условное отношение. Значение этого СПП осложнено оттенком близкого следования и само предложение соотносится с планом будущего. Данное СПП замещается синтетико-аналитическим СПП с зависимым предикатом, выраженным условной формой на *-тар* в сочетании с частицей *эрэ*:

- (19) *Кини кэллэ да, барыхпыт*
 кини (он) кэл=л=э (прийти=PAST=3Sg) да (CONJ) бар=ых=пыт
 (пойти=FUT=1Pl)
 ‘Как только он придет, мы пойдем (домой)’;
- (20) *Кини кэллэр эрэ, барыхпыт* (перевод тот же).

Эквивалент приведенных предложений, соотнесенный с планом прошедшего, в отличие последних характеризуется не условным значением, а семантикой близкого следования и по отношению к вышеприведенным СПП составляют своеобразную структурно-семантическую пару, передающую близкое следование только в плане прошедшего времени, поэтому такое СПП не замещается СПП со скрепами *да* и синтетико-аналитическими СПП с зависимым предикатом в форме — *тар* + аффикс сказуемости *эрэ*:

- (21) *Кини кэлээтин кытта, барбыппыт*
кини (он) кэл=ээт=ин (приходить=CV=3Sg.ACC) кытта (POSTP)
бар=бып=пыт (уходить=PP=1Pl)
'Мы ушли, как только он пришел (сюда)'.

СПП с парными проминальными скрепами также имеют функциональные синонимы, оформленные моносубъектными атрубитивными конструкциями со свернутым предикатом-определением:

- (22) *Ким үлэлиир, ол аһыыр*
ким (кто) үлэл:иир (работать:3Sg.PFUT) ол (тот) аһ:ыыр
(кушать:PFUT.3Sg)
'Кто работает, тот и ест';
- (23) *Үлэлиир киһи аһыыр*
үлэл:иир (работать:PFUT) киһи (человек) аһ:ыыр (кушать:PFUT.3Sg)
'Работающий человек ест / Тот, кто работает, ест'.

Среди ССП союзного типа выделяются ССП с **препозитивными скрепами местоименно-анафорического** типа, которые в функциональном плане соотносительны с СПП. Например, ССП со скрепой *онон* могут замещаться синтетическими СПП с орудным падежом:

- (24) *Мунньах бүттэ, онон тарҕаһабыт*
мунньах (собрание) бүт=т=э (заканчиваться=PAST=3Sg) онон
(поэтому) тарҕаһ=а:быт (расходиться=PFUT:1Pl)
'Собрание закончилось, поэтому мы расходимся (по домам)';
- (25) *Мунньах бүппүтүнэн тарҕаһабыт*
мунньах (собрание) бүп=пүт=үнэн (заканчиваться=PP=INSTR)
тарҕаһ=а:быт (расходиться=PFUT: 1Pl)
'Мы расходимся, поскольку собрание закончилось'.

Таким образом, СП в якутском языке, в котором сохранились древнейшие особенности тюркских языков, характеризуется, прежде всего, синтаксическими конструкциями синтетической и синтетико-аналитической структуры, что обуславливается принципом экономного использования грамматических средств, представляющей собой основную тенденцию развития этих языков.

Аналитические СП с постпозитивной и препозитивной скрепой представляют собой периферийные единицы системы сложного предложения, которые выступают в качестве синонимов синтетических и синтетико-аналитических СПП.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. В двух книгах. — Новосибирск: Наука, 1976.
- [2] *Ефремов Н.Н.* Полипредикативные конструкции в якутском языке. Система, структура, семантика. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- [3] Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 2: Синтаксис. — Новосибирск: Наука, 1995; *Ефремов Н.Н.* Основные проблемы исследования сложного предложения в якутском языке // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск, 2008. — № 3. — С. 160—163.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ACC — винительный падеж; CV — деепричастие; IMPRF — прошедшее незаконченное время; DAT — дательный падеж; IMPRF — прошедшее незаконченное время (имперфект); INSTR — орудный падеж; PAST — прошедшее время на -т; PFUT — причастие настоящего-будущего времени; Pl — множественное число; POSS — притяжательность; POSTP — послелог; PP — причастие прошедшего времени на -быт; FUT — будущее время; Sg — единственное число; () — линейная позиция зависимой предикативной единицы; [] — позиция главной предикативной единицы сложноподчиненного предложения.

COMPLEX SENTENCE IN YAKUT (its structural and semantic peculiarities)

N.N. Yefremov

Research Institute for Humanities and Problems
of the Indigenous Peoples of the North
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027

The article considers the main structural and semantic peculiarities of the complex sentences of the Sakha language which are formed, first of all, by a conjunctionless method that is caused by the postpositive-agglutinative type of structure of this language.

Key words: functional equivalence, dependent predicate, synthetic, synthetic-analytical, model, structure, mono-subjectness.

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В АРАБСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

А.Ю. Крылов

Кафедра восточной филологии
Отделение востоковедения факультета философии
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 101000

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем речевой деятельности — реализации категории эмотивности в речи арабофонов, а также особенностям отражения данной категории в арабских фразеологических единицах и основным способам их перевода на русский язык.

Ключевые слова: арабский язык, эмоции, категория эмотивности, экспрессия, фразеология, фразеологизмы, паремии, перевод, менталитет.

Исследование эмоциональной составляющей в речи — одна из наиболее сложных и актуальных проблем в современном языкознании и переводоведении. В настоящее время на анализ и исследование функций эмоций в деятельности человека помимо лингвистики нацелены такие науки, как психология, философия, социология, физиология, медицина, этика и др.

Одной из универсальных базовых категорий, имеющей специальные средства выражения эмоций в языке и представленной на всех его уровнях, является понятийная категория эмотивности, которая тесно связана в речи с категориями оценки, экспрессии и рассматривается как функционально-семантическая категория. Отмечается комплексный характер вербальной манифестации эмоций, в связи с чем выделяется эмотивная лексика, фонология, морфология, эмотивный синтаксис, а также паралингвистический аспект выражения категории эмотивности в речи.

Изучая природу данной категории, ученые пришли к выводу о том, что эмотивная функция свойственна всем языкам и что «любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным» [19. С. 14, 28—29]. Отмечая, что в языке все эмоционально, Ш. Балли писал: «Если... учесть, как устроен «средний» человек, — тот, кто создает и изменяет язык, мы поймем, что созданная им речь выражает в первую очередь чувства» [3. С. 23].

Языковой коллектив этноса имеет свойственные ему культурно обусловленные эмоции, т.е. «когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам» [19. С. 22]. Арабофоны, по нашим наблюдениям, в значительной степени отличаются эмоциональной формой речевого общения, в котором ярко проявляются их национально-психологические и этнокультурные особенности. Чувствительность и впечатлительность отмечает у арабов известный историк и журналист П. Мэнсфилд [См.: 20. Р. 534].

Сложность и многогранность проблемы экспликации эмоций в речи представляет особый интерес при сопоставительном изучении и известную сложность при переводе эмотивных текстов в условиях речевого контакта разноязычных монолингвов. Поэтому языковая компетенция переводчика включает сопоставительное

знание эмоционально-оценочных форм в контактирующих языках, а также специальные навыки и умения при перекодировании для обеспечения адекватности перевода с целью достижения тождественного эмоционального реагирования у представителей другого лингвосоциокультурного сообщества.

Решая переводческие задачи в рамках арабско-русской комбинации языков, переводчик сталкивается с целым рядом проблем лингвистического, психолингвистического, этносоциокультурного характера. При этом наиболее существенные трудности при расшифровке и перекодировании смысла исходного эмоционально-оценочного текста обычно связаны с различием в специфике национального мышления разноязычных коммуникантов. В связи с этим при переводе на русский язык арабского текста чрезвычайно важно понимать специфику кодирования эмоционально-оценочной информации, тесно связанную с особенностями речевого поведения арабофонов.

Осуществляя межкультурную коммуникацию разноязычных собеседников и стремясь сохранить при переводе нюансы и оттенки исходного иностранного эмотивного текста, переводчик, как отмечает Н.Д. Финкельберг, рассматривает иностранный язык как «реально существующую системность психолингвистического характера, которая отражает особенности коммуникативной мыслящей личности носителя этого языка» [16. С. 7, 36—37].

В настоящей работе мы коснемся проблемы репрезентации категории эмотивности в речи арабов на примерах рассмотрения некоторых особенностей перевода фразеологических единиц (ФЕ), которые в качестве одного из ведущих средств репрезентации эмотивности, в наибольшей степени выражающих данную категорию, составляют центральную часть функционально-семантического поля эмотивности (ФСПЭ) в арабском литературном языке (АЛЯ) и арабских разговорных языках (АРЯ).

ФЕ составляют значительный пласт вокабуляра в арабском языке, представляющем собой общее название для всех форм существования языка арабов: литературного идиома, в общих чертах единого во всем арабоязычном мире, и многочисленных региональных нелитературных идиомов, представляющих собой устные общенародные обиходно-разговорные языки, подразделяющиеся в свою очередь на местные диалекты, говоры, наречия и т.д. При этом АЛЯ и АРЯ являются типологически различными языковыми системами (синтетической и аналитической соответственно), функционально дополняющими одна другую [см. об этом: 12. С. 126—132].

Уникальность языковой ситуации, сложившейся в арабском мире и получившей название «диглоссии», создает особые трудности лингвистического и социокультурного характера при переводе на русский язык арабских фразеологизмов. Ведь «если в русском языке различие в стилях как тональностях, регистрах речи осуществляется в рамках одной языковой системы, то в арабском эти различия более многомерны» [16. С. 152].

Фразеологизмы в арабском языке ярко отражают особенности национального менталитета арабов, стиль их повседневного поведения и общения и, как правило,

выступают в качестве эмоционально-экспрессивного средства. Фразеологическая картина мира справедливо рассматривается в качестве фрагмента языковой картины мира. Структура таких словосочетаний соответствует определенным моделям, существующим в языке, при этом замена компонентов в них довольно ограничена или совсем невозможна. В речи они передают смысл понятия, выражаемого отдельной лексемой, т.е. функционируют «как эквивалент отдельного слова» [2. С. 504].

Несвободные, идиоматические словосочетания, междометные фразеологические единицы (МФЕ), пословицы, поговорки представляют интерес с точки зрения соотношения проявления категории эмотивности в рамках арабско-русской комбинации языков. Данные лексические средства репрезентации эмоций широко используются в различных функциональных стилях и представляют значительную сложность для перевода [см. об этом: 1. С. 106—116; 14. С. 153—157; 16. С. 104—112, 139—147].

Обеспечивая акт общения арабоязычного и русскоязычного монолингвов, переводчик обязательно учитывает национальное своеобразие употребления ФЕ, их связь с контекстом. Из практики переводческой деятельности известны следующие *основные способы перевода* данных единиц:

1) использование эквивалентов ФЕ, полностью совпадающих в контактирующих языках, а также устоявшихся калькированных выражений, сохраняющих адекватную выразительность: «طولا وعرضا ، بالطول والعرض» — «вдоль и поперек», «لا دخان بلا نار» — «нет дыма без огня», «ذر الغبار في العيون» — «пускать (пустить) пыль в глаза», «كعب أخيل» — «ахиллесова пята» [15. С. 57, 189, 378, 379], «أجلا أو عاجلا» — «рано или поздно» [4. С. 25], «وقف كتفا إلى كتف» — «стоять плечом к плечу» [13. С. 31], «الحب أعمى» — «любовь слепа», «لعب بالنار» — «играть с огнем», «الله يخرّب بيتك!» — «Да разрушит Аллах твой дом!» и др. Такие ФЕ отличаются интернациональным характером, их образная структура при переводе полностью сохраняется;

2) использование эквивалентов ФЕ, имеющих некоторые изменения в лексической структуре или грамматической форме: «نقطة في محيط» — «капля в море» (букв.: «капля в **океане**»), «جلد على عظم» — «(одна) кожа да кости» (букв.: «кожа **на** кости»), «اشترى سمكا في الماء» — «купить кота в мешке» (букв.: «купить **рыбу** в **воде**»), «لعب بذيله» — «вертеть хвостом» (букв.: «**играть** хвостом») [15. С. 220, 228, 244, 499], «قلبا وقالبا» — «душой и телом» (букв.: «душой и **формой**»), «الفأر في عيه» — «кошки скребут на душе» (букв.: «**мыши** скребут у него **за пазухой**») [Там же. С. 185, 246—247; 4. С. 654, 578], «بيت صغير كل الصغر» — «крайне маленький дом» (букв.: «маленький **всем малым размером** дом») [13. С. 32], «لبس الباطل بالحق» — «выдавать ложь за правду» (букв.: «**облачать** ложь в правду») [4. С. 710] и др.;

3) использование аналога ФЕ, имеющего иную образную основу и адекватно передающего смысл и экспрессию высказывания. В данном случае адекватная замена передаваемого понятия выполняется с помощью приема компенсации [см. об этом: 14. С. 105—106]: «الجوعان يلحظ بسوق العيش» — «у кого что болит, тот о том и говорит» (букв.: «голодный мечтает о хлебном базаре»), «واضح وضوح الشمس» —

«как дважды два» (букв.: «ясно ясностью солнца»), «طار فواده» — «душа ушла в пятки» (букв.: «сердце его улетело, унеслось»), «ركب ذئب الريح» — «одна нога здесь, другая там» (букв.: «хвост ветра оседлал»), «طلع من المولد بلا خُمص» — «оставаться (остаться) с носом» (букв.: «ушел с базара без гороха»), «من كثرة الملاحين غرقت السفينة» — «у семи нянек дитя без глазу» (букв.: «от избытка матросов утонул корабль») [15. С. 48, 154, 181, 309, 323, 327], «في المشمش» — «после дождичка в четверг» (букв.: «когда зацветут абрикосы») [15. С. 167; 4. С. 756], «جعل كل حبة قبة» — «делать из мухи слона» (букв.: «делать из зернышка купол»), «الطيور على أشكالها تقع» — «рыбак рыбака видит издалека» (букв.: «птицы садятся по своему подобию») [4. С. 152, 414] и др.;

4) применение описательного перевода, при котором точно передается смысл, но обычно снижается или теряется образность и выразительность исходного текста, так как не передается национальный колорит, экзотика, экспрессия языка оригинала: «وما حيلتي في هذا؟» — «Что я могу сделать?» (букв.: «что {т.е. «какой смысл?}» тут в моей хитрости?») [4. С. 204], «صدري طاهر!» — «У меня и в мыслях такого не было!» (букв.: «Грудь моя {т.е. «совесть моя». — А.К.} чиста») [16. С. 141], «عاش على الصليب» — «жить тяжелой жизнью» (букв.: «жить на кресте») [13. С. 31], «العريان في القافلة مرتاح» — «Голому в караване безопаснее всего» (букв.: «голый в караване доволен») [см.: 7. С. 11], «أهل الضاد» [ʾaħlu d-da:d] (1), (2) — «говорящие на чистом арабском языке, арабы» (букв.: «люди буквы «ضاد» [da:d]»), «يده مفتوحة» [ʾaduħu mafʼtu:ħa] — «Он щедр» (букв.: «рука его открыта», что характеризует щедрого человека) [4. С. 49, 453, 917] и др.

Для обеспечения межкультурной коммуникации в рамках такой пары контактирующих языков, как арабский и русский, точного толкования экспрессивно-семантического компонента арабских ФЕ переводчику важно понимать специфику образной системы арабского языка, отражающую и формирующую особенности менталитета арабоязычного монолинга.

Формирование арабской языковой личности, ее коммуникативной компетенции во многом опирается на изучение культурно-исторического наследия арабов, богатейших средств передачи образности и выразительности, содержащихся в священной книге мусульман — Коране, а также в трудах древних ученых. Арабские языковеды Мустафа Садик ар-Рафии, Мухаммад Рашид Рида, Мухаммад Абделла Драз, Мухаммад Тахар Бен Ашур и др., исследуя область стилистики, риторики, красноречия, большое внимание уделяют анализу текста Корана.

В основе многих фразеологизмов лежат известные словосочетания из Корана (например, «إهدنا الصراط المستقيم» — «Веди нас прямым путем» [21. С. 1], КАЯ), функционирующие в речи арабов и придающие ей патетический тон: «...وها هو يعلن بأن القابضين على زمام الحكم في دولة... قد انحرفوا عن الصراط المستقيم» [22. С. 624] — «...и вот он заявляет о том, что находящиеся у власти в государстве... отклонились от прямого пути (т.е. правильного, верного пути)» и др.

Традиции изучения фразеологии развивались многими поколениями арабских языковедов. Пословицам, поговоркам, крылатым выражениям посвятили свои труды аль-Майдани, аль-Мубаррад, Исмаил Бен Али аль-Аква, Ахмед Тимур Паша и др. Обладающие яркой образностью идиоматические обороты часто встречаются в художественной, публицистической речи: «والحكاية على الله!» — «и что будет, один

Аллах знает!»; «ولا دينار... لا درهم له في...» — «Он никакого отношения не имеет к...» [4. С. 188, 252], т.е. «у него в... (этой проблеме и пр. — А.К.) нет ни дирхема, ни динара!», «لا حول ولا قوة إلا بالله» [23. С. 35] — «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха...».

У М. Тласа находим такие идиоматические словосочетания, как «وضعت الحرب أوزارها» [22. С. 627] — «окончилась война» (букв.: «сбросила война с себя свое бремя»), «عادت المياه إلى مجاريها» — «все вернулось на круги своя» (букв.: «вернулись воды в русла свои») и др., придающие научно-историческому тексту эмоциональную окраску: «ثم تم تنظيم أمر الإدارة ... وعادت المياه إلى مجاريها...» [Там же. С. 371] — «Затем было подготовлено распоряжение администрации... и **все вернулось на круги своя...**». В разных вариантах (с использованием глагола «عاد» — «возвращаться» в разных формах, масдаров разных пород: «عودة», «إعادة» — «возвращение» и т.д.) данный оборот активно употребляется в современной публицистике: «روسيا وأوكرانيا.. عودة المياه إلى مجاريها» [25. С. 2] — «Россия и Украина... **возвращение на круги своя**» и пр.

При переводе эмотивно окрашенных клишированных выражений используются их эквиваленты в языке перевода. Клише характерно для традиционных ситуаций речевого общения арабов, формул речевого этикета, среди которых важное место принадлежит МФЕ, образующим особый класс фразеологических единиц. Такие междометные словосочетания в определенной степени утрачивают свою знаменательность и переводятся на русский язык «готовой формой языка перевода» [16. С. 107]: «ستشفيين سريعا بإذن الله» [23. С. 175] — «Ничего, **даст бог**, будешь здорова...» [11. С. 102], «الله يخرّب بيتك!» — «Да разрушит Аллах твой дом!», «السلام عليكم!» — «Здравствуйте!», а также «До свидания! (произносит уходящий)» (букв.: «Мир вам!»), «وعليكم السلام!» — «Здравствуйте!» (букв.: «И вам мир!», ответ на приветствие), «مع السلامة!» — «До свидания!» (т.е. «Счастливого (благополучного) пути!», ответ на приветствие уходящего), «الحمد لله على السلامة!» — «С прибытием!» («букв.: «С благополучием, слава Аллаху!») и др.

Отмечается семантическая полифункциональность ряда речевых формул. Так, приветствие «السلام عليكم!» может употребляться и как «здравствуйте!», и как «до свидания!». Некоторые междометные конструкции передают общее состояние возбуждения и могут использоваться для выражения разнородных эмоциональных реакций: радости, восторга, удивления, досады, испуга и пр. Так, приветствие «يا سلام!» [ya: sa 'la:m] — «Вот это да!», «Ничего себе!», «Да ну!», «Вот тебе раз!» (слово «سلام» [sa 'la:m] означает «мир, благополучие, приветствие и пр.») употребляется в речевых ситуациях, отмеченных как положительными, так и отрицательными эмоциями, и получает перевод в зависимости от контекста, например: «يا سلام! يا سيدي!! على عيني ورأسي!» [24. С. 20] — «**Ничего себе!** Господин мой!! С удовольствием!» (АЛЯ). В сужении, расширении, изменении семантики таких междометных словосочетаний велика роль интонации, жеста.

Некоторые словосочетания могут употребляться как МФЕ в рамках ограниченного языкового коллектива, и их перевод в значительной степени зависит от понимания контекста речевой ситуации. Так, эмоция удивления в условиях соответствующего контекста может выражаться словосочетанием «البحر الأبيض المتوسط!»

[9; 8. С. 14] [ʔal-ʔahru l-ʔabyadu l-mutaʔwassit] — «О, Средиземное море! (т.е. «ничего себе!»)» в АРЯ Египта, по характеру своей эмотивной семантики сопоставимым с русским экспрессивным выражением «три тысячи чертей!».

Особую сложность для перевода представляют новые, современные фразеологизмы, появляющиеся в речи арабов в результате бурного расширения и обновления этого слоя лексики, еще не зафиксированные в словарях. Такие речевые формулы часто имеют различные окрашенные дополнительными эмоциями варианты: «صباح الخير! — يا صباح الحيايب ، يا ألف حمد لله عالسلامة!» [18; 17. С. 48] [saʔba:h al-ʔheir ya: saʔba:h il-haʔba:ib ya: ʔalf hamʔdella ʔas-saʔla:ma] — «Доброе утро! — **О, утро возлюбленных, тысячу раз с благополучным тебя возвращением!**», «صباح الخير يا سي سعيد! — يا صباح الفل! يا صباح القشطة والعسل.. والزيادة!» [5] [saʔba:h il-ʔheir ya: si: saʔʔi:d saʔba:h il-ʔill ya: saʔba:h il-ʔištā wa l-ʔasāl ... wa z-zaʔba:di] — «Доброе утро, господин Саид! — **О, жасминовое утро! О, утро сливочное да с медом... и йогуртом!**» (АРЯ Египта). В такой ситуации переводчик оказывается перед необходимостью самостоятельно принимать переводческое решение, оценивать и передавать значение новой ФЕ, опираясь на знание основ теории фразеологии, понимание особенностей кодирования эмотивно-экспрессивной информации в арабском высказывании и контекста.

Модальные фразеологические средства употребляются в речи арабов, как правило, в виде уточняющих или вводных оборотов, выражая утверждение, выделение, а также эмоциональную оценку, эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому, и переводятся аналогичными по значению и выразительности русскими соответствиями: «في واقع الأمر» (в действительности), «لعمري» (клянусь жизнью), «بطبيعة الحال» (естественно), «لا شك» (несомненно), «بالتأكيد» (наверняка, несомненно), «في الحقيقة» (на самом деле), «بالضبط» (точно) и др. Модальные конструкции обычно выделяются в речи выразительной интонацией: [26] — «Ты, **естественно**, знаешь, сколько тебе лет, а знаешь ли ты, каков возраст твоего разума? — Конечно, нет...», «...1990\» «**На самом деле**, последний выстрел был сделан, когда объединился Бейрут в конце 1990 года...» (АЛЯ).

При переводческих сопоставлениях в рамках арабско-русской комбинации языков особый интерес вызывают приемы передачи экспрессивно-семантической составляющей арабских пословиц и поговорок. Арабские паремии являются средоточием культурного, нравственного и эмоционального опыта арабов. Будучи по употреблению общими для всех арабских стран, паремии, как указывает Е.В. Кухарева, отражают общность «происхождения, социального и исторического развития арабских народов» при том, что ввиду разных условий реализации аналогичных пословиц существует их некоторая семантическая и лексическая вариативность [9. С. 10—11].

Перевод арабских паремий на русский язык выполняется отмеченными выше способами: «أَنَّ الْحَدِيدَ بِالْحَدِيدِ يُفْلَحُ» — «Клин клином вышибают» (букв.: «железо рубится железом») [28. С. 8], «القرش الأبيض ينفع في اليوم الأسود» — «Белый пиастр пригодится в черный день», «في التأني السلامة وفي العجلة الندامة» — «Тише едешь — дальше будешь» (букв.: «в неторопливости безопасность, а в поспешности гибель»)

(АЛЯ), «الطَيْرُ الْمَعْيَافُ ، مَا يُرَبِّي كَتَافُ» [at-`tayr l-maε`ya:f ma y`rabbi kta:f] — «Птица, не любящая летать, не наберет силы (букв.: «брезгливая птица не разовьет плечи») [6. С. 83] (АРЯ Алжира), «الفلوس يديروا طريق في البحر» [10. С. 324] [`al fu`lu:s yi`di:ru ta`ri:g fi l-`bahr] — «Дорогу в море указывают деньги» (АРЯ Ливии), «الوسخ عمره ما ينصف» [il-`wisih `eumru ma `yundof] — «Грязный (тот, кто замарался...)» вовек не отмоеся» (АРЯ Сирии).

Метафоричные по природе, пословицы и поговорки, активно употребляющиеся в устной и письменной речи арабов стран Машрика и Магриба, при переводе их на русский язык требуют сохранения всех нюансов и оттенков семантической и эмотивной компоненты, учета особенностей менталитета арабской языковой личности.

Таким образом, можно заключить, что точный перевод эмотивно окрашенных арабских ФЕ — центрального компонента ФСПЭ в АЛЯ и АРЯ, связан с правильным решением целого комплекса переводческих задач лингвистического, психолингвистического, этносоциокультурного характера, что требует от переводчика высокой профессиональной компетенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Транскрипцией сопровождаются отдельные примеры из литературного языка, а также примеры из разговорной речи арабов.
- (2) В статье использованы следующие знаки транскрипции для согласных звуков: ء — [ʔ] (образуется в области голосовых связок), ب — [b], ت — [t], ح — [h], خ — [ħ] (как в слове «хруст»), ر — [r], ز — [z], س — [s], ش — [ʃ] (как в слове «ширма»), ض — [d], ط — [t], ع — [ε] (гортанный звук [‘айн]), ف — [f], ق — [g], ك — [k] (как в слове «кисть»), ل — [l], م — [m], ن — [n], ه — [ħ] (как звук [г] в украинском языке), و — [w], ي — [y] и гласных звуков, кратких: [a], [i], [u], [e], [o] и долгих: [a:], [i:], [u:], а также знак ударения [ˈ].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алимов В.В. Теория перевода: Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие. — Изд. 5-е. — М.: «ЛИБРОКОМ», 2009.
- [2] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
- [3] Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр.; под ред. Е.Г. Эткинда. — М.: Изд-во ин. литер., 1961.
- [4] Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов. — М.: Русский язык, 1985.
- [5] «Властелин тьмы». Худ. фильм (араб. яз.) [Видеозапись]. — Египет, 2002.
- [6] Кудрявцев Ю.Н. Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор. — М.: Вост. литер., 2006.
- [7] Кухарева Е.В. Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
- [8] Любовь и слезы (текст фонограммы кинофильма): арабский язык / Текст фонограммы сост. Н.Н. Вашкевич. — М.: ВИИЯ, 1971.
- [9] «Любовь и слезы». Худ. фильм (араб. яз.) [Видеозапись]. — Египет, 1955.
- [10] Маляров Ю.И., Мишкурлов Э.Н. Учебник арабского диалектного языка Ливии. — М.: ВКИ, 1980.
- [11] Махфуз Н. Осенние перепела / Пер. с араб. И. Рабиновича и В. Шагаля. — М.: Прогресс, 1965.

- [12] Мишуров Э.Н. О диалектном членении арабского языка // Сб. ст. — М.: ВИ, 1979. — № 15. — С. 126—132.
- [13] Мишуров Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка: курс лекций. Часть II. — М.: ВИ, 1979.
- [14] Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2009.
- [15] Фавзи А.М., Шкляр В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь: Ок. 900 фразеологизмов. — М.: Русский язык, 1989.
- [16] Финкельберг Н.Д. Арабский язык: курс теории перевода. — 2-е изд. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- [17] Черные очки (фонограмма кинофильма): арабский язык / Текст сценария сост. В.В. Наумкин, Н.Н. Вашкевич. — М., 1970.
- [18] «Черные очки». Худ. фильм (араб. яз) [Видеозапись]. — Египет, 1963.
- [19] Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. — М.: Гнозис, 2008.
- [20] Mansfield P. The Arabs. — Penguin Books. Revised edition published in Pelican Books 1978. Cox & Wyman Ltd, London.
- [21] القرآن الكريم وترجمة معانيه إلى اللغة الروسية. — مجمع الملك فهد لطباعة المصحف الشريف، المدينة المنورة، 1423 هـ.
- [22] طلاس، مصطفى. الثورة العربية الكبرى \ العماد مصطفى طلاس. — دمشق: منشورات مجلة الفكر العسكري، ج.ع.س. — ص.ب: 4259. — آب (اغسطس) 1978.
- [23] محفوظ، نجيب. السمّان والخريف \ نجيب محفوظ. — الناشر: مكتبة مصر. دار مصر للطباعة. الطبعة الرابعة، 1967.
- [24] عبد الكريم، عبد العزيز. الزوجات العشر \ عبد العزيز عبد الكريم. — مطابع رمسيس بالاسكندرية.
- [25] — حزيران \ يونيو /العرب، علي. روسيا وأوكرانيا.. عودة إلى مجاريها \ علي العرب \ أنباء موسكو. — 2010. (العدد 7). — ص 2.
- [26] URL: أنت بطبيعة الحال تعرف كم عمرك لكن هل تعرف كم عمر عقلك؟ — بالطبع لا.. <http://alquz.com/vb/t224036.html>
- [27] /الأسد، بشار. خطاب السيد الرئيس بشار الأسد أمام مجلس الشعب. 2005\3\5 \\ جيش الشعب. العدد 1944، نيسان 2005م. — ص. 6—14.
- [28] URL: http://arabinform.com/_ld/3/304_mujammagul_amsa.pdf /الميداني، أبو الفضل. مجمع الأمثال \ الإمام أبو الفضل الميداني

THE EMOTIVE CATEGORY REFLECTION IN ARABIC PHRASEOLOGICAL UNITS AND METHODS OF THEIR TRANSLATION

A.Yu. Krylov

Department of Oriental Philology
School of Asian Studies at the Faculty of Philosophy
National Research University “Higher School of Economics”
Maly Tryokhsvyaytelsky Pereulok, 8/2, Moscow, Russia, 101000

The article deals with one of the most relevant problems of speech — realization of the emotive category in Arabic speech and it also deals with the character of reflection of this category in Arabic phraseological units and the basic methods of their translation into Russian.

Key words: Arabic, emotions, emotive category, expression, phraseology, phrases, proverbs, translation, mentality.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА

ИСПАНОЯЗЫЧНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: КОНВЕРГЕНТНЫЕ И ДИВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ

И.С. Грибанов

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, Москва, Россия, 117198

А.С. Мамонтов

Кафедра методики, педагогики и психологии
Факультет повышения квалификации
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье рассматриваются лингвопрагматические параметры новостного медиадискурса, анализируются конвергентные и дивергентные признаки на материале пиренейского и латиноамериканских национальных вариантов современного испанского языка.

Ключевые слова: испаноязычный медиадискурс, лингвопрагматические параметры, конвергентные и дивергентные признаки.

В условиях современного глобализирующегося мира, когда границы между континентами, народами и культурами становятся все менее определенными, а контакты между их представителями носят повседневный характер, особую актуальность для лингвистических исследований приобретают конвергентные и дивергентные процессы в рамках полинационального испанского языка. В этой связи особый интерес представляет анализ испаноязычного медиадискурса, а именно его *телевизионной* составляющей: именно телевидение, благодаря развитию технологий, укрепило свои позиции по отношению к другим СМИ и является, пожалуй, наиболее доступным источником информации, не ограниченным географическими пределами.

Новостной дискурс, в свою очередь, выступает как наиболее устойчивый и универсальный тип телевизионного медиадискурса, в полной мере выполняющий основную задачу массмедиа — информационную. Думается, именно он наиболее рельефно отражает процессы, происходящие в языке, а также оказывает на них значительное влияние.

В ходе рассмотрения новостных текстов испанского телеканала TVE и латиноамериканского TeleSUR обнаруживается определенная шаблонность дискурса.

Прежде всего речь идет о стандартной структуре сообщений, так называемой «перевернутой пирамиде» (*pirámide invertida*). В соответствии с ней в самом начале излагаются наиболее важные данные, а затем, «в порядке убывания ценности» — остальные детали события. При этом основная прагматическая нагрузка приходится на первую фразу сообщения (“lead”). Содержание новостей, например связанных с природными бедствиями, как правило, представляет собой сухую информацию о силе и размахе катастрофы, жертвах, разрушениях, пострадавших территориях и о мерах по ликвидации последствий.

Сравним начальные фразы нескольких стандартных сообщений такого типа:

Un terremoto de 6,3 grados en la escala de Richter ha sacudido la costa este de Nueva Zelanda (TVE);

Este miércoles un terremoto de magnitud 7.1 en la escala de Richter sacudió el noroeste de China (TeleSUR).

Дискурс новостных сообщений представляет довольно простую конструкцию с короткими, чаще простыми предложениями с односложными элементами. Предпочтение отдается формулировкам и лексике, приближенным к разговорно-обиходной, спонтанной речи, ср.: *morir* вместо *perder la vida* или *dejar de existir*; *casarse* вместо *contraer matrimonio*; *ocurrir* вместо *tener lugar*; *mejorar* вместо *experimentar una mejora*; *cadáver* вместо *cuerpo sin vida*. Например:

Los **cadáveres** se amontonan en las calles; Ejército busca supervivientes y **cadáveres**; Según el gobierno, **han muerto** tres personas. (TVE); doce personas **murieron**; entre 50 y 100 **cadáveres** permanecen atrapados en los edificios colapsados. (TeleSUR).

Благодаря коротким предложениям и четким формулировкам обеспечивается одномоментная доступность и понятность новостного дискурса для телезрителей. Более того, диктор без особых усилий может читать текст с телесуфлера, поддерживая нужную интонацию и темп речи.

Обычно новостной дискурс лишен фразеологических выражений, слов, заимствованных из других языков, а также локализмов, т.е. слов или выражений, употребление которых ограничено определенной территорией, местностью, поскольку они могут быть непонятны аудитории или неверно ею истолкованы. Исключение составляют слова и выражения, прочно вошедшие в употребление или полностью ассимилировавшиеся в языке:

Crecidas de agua de hasta 3 metros hacían el tejado el último refugio para los que se alojaban en este **camping**. Partidarios y detractores del presidente se han enfrentado con palos, piedras y **cócteles Molotov**, dejando centenares de heridos. (TVE);

En centros de acopio la comunidad prepara **kits** para las familias damnificadas (TeleSUR).

Другим примером заимствования может считаться популярный среди латиноамериканских СМИ глагол *reportar* в значениях «сообщать», «информировать», не используемый в дискурсе испанских массмедиа и являющийся калькой с английского *report*. Ср.:

Tras el sismo **fueron reportados** varios incendios en algunos edificios de Tokio; Hasta la fecha **se han reportado** 75 muertos y más de 300 desaparecidos; En algunas áreas **se ha reportado** la caída de hasta 50 milímetros de precipitaciones. (TeleSUR).

Также незначительными лексическими различиями между новостными телевизионными дискурсами, представляющими пиренейский национальный вариант и «усредненный» латиноамериканский вариант испанского языка, который, по нашему мнению, лежит в основе языка канала TeleSUR, можно считать следующие: *seísmo* (TVE) — *sismo* (TeleSUR); *después* (TVE) — *luego* (TeleSUR); *socorristas* (TVE) — *rescatistas* (TeleSUR); *deslizamiento / desprendimiento de tierras* (TVE) — *alud / deslave / corrimiento de tierra* (TeleSUR) и некоторые другие.

Клишированность — еще одна характерная особенность новостного медиадискурса. «Сама срочность, с которой создаются тексты СМИ, а также поиски более лаконичной формы повествования приводят к определенной тенденции к клише, использованию штампов, привычных метафор и избитых фраз. Руководство по стилю определяют данное явление как явный недостаток» [3] (Перевод наш — И.Г.).

Несмотря на то, что и корреспонденты, и редакторы делают все возможное, чтобы избежать клишированности и однотипности новостных сообщений, зритель нередко слышит с экрана телевизора самые общие оценки по отношению к случившемуся:

El peor terremoto de su historia, la mayor catástrofe de su historia (TVE); Esta tragedia es considerada **una de las peores de la historia** de Brasil (TeleSUR).

Сообщая, например, о землетрясениях, испаноязычные СМИ обычно употребляют глаголы *producirse* (происходить), *registrarse* (регистрироваться, наблюдаться). Однако наиболее частотным на каналах TVE и TeleSUR, по нашим собственным наблюдениям, оказывается глагол *sacudir* (трясти):

Un terremoto de 7 grados en la escala Richter **ha sacudido** las islas Ryukyu; el terremoto que **ha sacudido** las cercanías de la isla; un terremoto **ha sacudido** la ciudad de Christchurch (TVE);

Un terremoto de magnitud 7.1 en la escala de Richter **sacudió** el noroeste de China; el terremoto que **sacudió** varios edificios (TeleSUR).

Думается, что этот выбор обусловлен невозвратной формой глагола, отражающей направленное действие самой природы, и ассоциацией непосредственно с явлением землетрясения.

Отметим, что новостной дискурс телеканалов TVE и TeleSUR не обнаруживает большого количества явных клише. Тем не менее, хотя речь идет скорее об единичных случаях, а не о тенденции, обращают на себя внимание некоторые типичные примеры. Так, *lluvias* обычно бывают **torrenciales**; *paisaje* или *panorama* обязательно **desolador**; *desastres se llevan / se cobran vidas*.

То же самое можно сказать об устойчивом идиоматическом использовании причастия *sepultado* (погребенный, похороненный) в текстах новостей TVE: *han quedado sepultados*; *estar sepultados con vida*; *se han quedado sepultados bajo un mar de lodo*. При этом на латиноамериканском канале TeleSUR подобная конструкция встречается редко, предпочтение же отдается более нейтральной *quedar atrapado* (оказаться захваченным, в западне): **quedaron atrapados en la tierra fracturada, quedó atrapada en medio del sismo**.

В целом, релевантность сообщений о природных бедствиях и конфликтах обуславливается прежде всего их эмоциональной составляющей. Принято считать, что зрители гораздо лучше запоминают сообщения, в которых так или иначе отражаются человеческие эмоции (радость, злость, обеспокоенность, грусть), поскольку таким образом они могут действительно «прочувствовать» информацию.

Выражению эмоциональных состояний традиционно служат качественные прилагательные, присутствие которых далеко не всегда приветствуется в новостном дискурсе по причинам его риторики. «Во-первых, изображение и звук уже демонстрируют многие из тех признаков, которые бы выразили прилагательные. Поэтому при словесном описании журналист буквально дублирует информацию. Текст с повторениями теряет выразительность и простоту для восприятия. Есть и другие причины, по которым на телевидении принято отказываться от прилагательных. Одна из них состоит в обязанности журналиста передавать информацию, а не мнение. Он должен ограничиваться доступными ресурсами для представления событий, тогда как уже телезритель сделает соответствующие выводы» [2] (Перевод наш. — И.Г.).

В отличие газеты и тем более радио, сообщения которых нуждаются в прилагательных, чтобы детально описать ситуацию, помочь читателю или слушателю представить происходящее, у телевидения есть неоспоримое преимущество: зрителю не нужно ничего представлять, он все наблюдает на экране. Именно поэтому прилагательные в телевизионном дискурсе должны доносить ту информацию, которую не может отразить изображение, ср:

No es la **primera** vez que esta zona de Nueva Zelanda sufre un terremoto; Mientras se teme que la subida del agua afecte también a Brisbane, la capital del estado y la tercera ciudad **más importante** del país. (TVE);

Fue el terremoto **más fuerte** que ha golpeado el país en 50 años y uno de los **más fuertes** ocurridos en cualquier lugar (TeleSUR).

Это же правило распространяется и на наречия в текстах аудиовизуальных СМИ. Так, в подобных случаях они считаются излишними, поскольку не несут никакой информационной нагрузки, или же недопустимыми, поскольку выражают мнение автора:

La bomba ha destruido **completamente** el edificio; Aunque **afortunadamente** no se han producido víctimas; Corren el riesgo de ser **literalmente** tumbados, como les ha ocurrido a estos camiones. [2. С. 39].

Тем не менее, новостные дискурсы анализируемых испанской и латиноамериканской телекомпаний демонстрируют единичные случаи нежелательных, согласно теории журналистики, выражений:

Desgraciadamente estas realidades locales no serán atendidas de inmediato; Esta imagen trajo esperanza a una región **literalmente** devastada por inundaciones y deslizamientos de lodo (TeleSUR);

Afortunadamente para los habitantes de la tercera ciudad de Australia las previsiones no se han cumplido; **Lamentablemente** llegará tarde; han mantenido la misma línea ambigua que ayer pero **claramente** apoyando al presidente por ahora (TVE).

В отличие от автора текста, персонажи способны выражать свое мнение, показывать эмоции. «Человеческая история» обогащается необходимыми экспрессивными элементами именно за счет высказываний очевидцев или непосредственных участников событий. Отсюда закономерно следует активность лексики эмоций. Например:

“Es como de **pesadilla**. Tengo que pellizcarme para comprobar que no **estoy soñando** o viendo una **película de terror**”, relata Hichiro; “Un **auténtico desastre**. Todo ha quedado en ruinas. **Es triste, doloroso, terrible**”, se lamentan (TVE);

Su abuelo dice que es un verdadero milagro, “Esto fue un **milagro**, gracias a Dios por salvarlo”; “Son los **desafíos** de la naturaleza. Pero es **horrible**. De verdad no tengo palabras para describirlo.” (TeleSUR).

Независимо от национального варианта испанского языка, «человеческие истории» неизменно сопровождаются в медиадискурсе специально отобранной лексикой. Приводимые на первый взгляд нейтральные существительные в контексте сообщения придают дискурсу сильную экспрессивную окраску:

tragedia,	víctima,
desastre,	sufrimiento,
catástrofe,	furia,
Apocalipsis,	castigo,
dolor,	temor,
muerte,	esperanza и др.

Выразительность новостного дискурса иногда достигается с помощью идиоматики, сравнений и тропов.

Приведем примеры из новостного дискурса Televisión Española (TVE):

Es el salvaje oeste. Así describen lo que está ocurriendo en Egipto; El presidente Mubarak **cada vez más contra la pared** para que abandone el poder; Los manifestantes piden ahora con más fuerza que nunca que Mubarak salga del país para evitar **un baño de sangre**; la operación internacional se acerca cada vez más al **corazón del régimen**; Cruzar las calles de la tercera ciudad más importante de Libia es **jugársela a cara o cruz** porque los disparos llegan desde cualquier esquina.

В свою очередь, дискурс журналистов латиноамериканского канала TeleSUR в основном не отличается лингвокреативным подходом.

Вместе с тщательным отбором лексических единиц основой телевизионного медиадискурса выступают глаголы, обеспечивающие динамизм повествования. Так, делая ставку на формы настоящего и даже настоящего продолженного времени, журналисты обеспечивают эффект одновременности происходящего и присутствия:

millones de hogares **están sufriendo** apagones; Las estanterías de los supermercados **se están quedando vacías** y el agua potable **empieza a escasear** (TVE); daños materiales que **están causando** las inundaciones; las comunicaciones poco a poco **se están restableciendo** (TeleSUR).

Однако не обо всех событиях можно рассказать, употребляя настоящее время. О большинстве из них сообщается, когда они уже произошли. Следующие сообщения позволяют проследить употребление глагольных времен, характерное для испанских и латиноамериканских массмедиа.

Употребление глагольных времен в испанских и латиноамериканских СМИ

Un terremoto de 7,2 grados en la escala Richter **ha sacudido** esta madrugada el suroeste de México. Una persona **ha muerto** en el estado fronterizo de Baja California, donde **se ha situado** el epicentro. También **ha habido** más de un centenar de heridos en Mexicali, la ciudad más afectada donde las autoridades **han decretado** el estado de emergencia. Los daños materiales son considerables. **Ha habido** cortes de luz, escapes de gas, incendios y desprendimientos en algunas carreteras. El sismo y sus réplicas **se han notado** también en algunos estados del sur de Estados Unidos. (TVE)

El estado de emergencia **fue decretado** en el estado de Baja California en México luego de una serie de sismos registrados en la zona que **comenzaron** con un movimiento de magnitud de 7.2 en la escala de Richter. Dos personas muertas **fue** el saldo que **dejó** este suceso. El nerviosismo **reinó** en Mexicali, Tijuana y otras ciudades luego del terremoto que **dejó** varias viviendas colapsadas. Las autoridades locales **reportaron** dos muertos y un centenar de heridos. El movimiento **se sintió** con fuerza en ciudades de Estados Unidos próximas a la frontera con México, como el caso de San Diego y también Los Ángeles. (TeleSUR)

Разница в употреблении форм прошедшего времени очевидна. Следуя правилам грамматики пиренейского национального варианта испанского языка, редакторы TVE склоняются к употреблению *Preterito perfecto* — перфектного претерита, или сложного прошедшего времени, отличительными характеристиками которого выступают предшествование моменту речи, пресеченность и контактность с моментом речи. Однако латиноамериканский канал TeleSUR предпочитает использовать в своих текстах *Preterito indefinido*, или простое прошедшее время, очевидно, руководствуясь теми же самыми целями, ведь приведенные тексты были написаны и озвучены примерно в одно и то же время.

В работе «Грамматическая стилистика современного испанского языка» Н.М. Фирсова поясняет кажущееся противоречие: «Иногда, в зависимости от различных причин, противопоставление между формами снимается, и они вступают в синонимические отношения. В случае, когда у претерита подавляется признак „дистантность с моментом речи“, претерит выступает в своем частном значении, обозначенном нами как перфектный претерит... В современном испанском языке употребительны обе формы; в то же время наблюдается прогрессирующая тенденция к синонимическому использованию и постепенному стиранию разграничительных признаков между ними» [1. С. 179—180]. Наблюдения над испаноязычным медиадискурсом подтверждают эти наблюдения. Более того, как отмечают многочисленные информанты, в странах Латинской Америки наблюдается четкая тенденция к отказу от формы перфекта. Многие из них считают данную конструкцию устаревшей, а некоторые даже ошибочно называют *voz pasiva* / страдательный залог.

Глаголы отражают динамичность, постоянную смену событий. Данное их качество совпадает и с задачей телевизионных новостей — сообщать самые последние данные, поддерживать информацию свежей. Тем не менее, ситуация не всегда меняется ежеминутно, а значит, теленовостной дискурс должен был приспособиться и к этому обстоятельству. В текстах TeleSUR и TVE регулярно встреча-

ются глаголы *continuar, seguir* (продолжать) и конструкции типа “*continuar / seguir + gerundio*” (продолжать делать что-либо):

Continúa el éxodo de los que huyen de las inundaciones; 21 personas han perdido la vida y **continúan desaparecidas** un número indeterminado; Mubarak **sigue diciendo** que no se va; todavía **siguen llegando** más cadáveres (TVE);

Río de Janeiro sigue en emergencia; Las personas que siguen debajo de los escombros **continúan** pidiendo ayuda; unas 9.500 personas **continúan** sin ser localizadas; **Continúan** generándose protestas en países árabes; miles de personas **siguen** en el centro de la capital (TeleSUR).

Данные глаголы создают видимость действия, хотя по своей сути не отражают каких-либо изменений в положении дел.

Обратим также внимание на то обстоятельство, что теленовостной дискурс отдает предпочтение не только прямому порядку слов, но и действительному залогу. Следующее рассуждение призвано объяснить данную тенденцию: «На самом деле подобно тому как конструкция «подлежащее—сказуемое—дополнение» выделяет подлежащее, глаголы в действительном залоге усиливают эффект описываемого действия. При удачном выборе глаголов, наиболее подходящих для описания той или иной ситуации, действительный залог придает им еще большую силу и выразительность. Глаголы в действительном залоге являются основой четкого и понятного текста» [2. С. 44] (Перевод наш. — И.Г.).

Нельзя, однако, сказать, что новостные тексты телеканалов TVE и TeleSUR полностью лишены форм страдательного залога, однако эти немногочисленные случаи обусловлены конкретными задачами. Так, одна из особенностей страдательного залога — это способность особенно выделить объект, совершающий действие, как в данных примерах происходит с персонифицируемыми силами природы, которые в подобных лексико-грамматических конструкциях становятся «полноценными участниками событий». Например:

Él y su padre **fueron arrastrados** por la **fuerza del agua**; La mayoría de las casas **fueron arrasadas** por la **furia de la naturaleza**. (TeleSUR); Diez pueblos **han sido barridos** por el **terremoto** (TVE).

С другой стороны, пассив также дает возможность избежать постоянных ссылок на действующие лицо:

Más de 1.400 personas **fueron evacuadas** y se ordenó el cierre de las escuelas de la zona. (TeleSUR); El aeropuerto **ha sido cerrado** y los hospitales, evacuados; Esta vecina **ha sido localizada** después de 12 horas. (TVE).

Думается, в данной ситуации пояснения типа *las autoridades locales, los equipos de rescate* были бы лишними и перегружали фразу, поскольку зритель может безошибочно предположить, кто или что совершает упомянутые действия.

Подчеркнем, что даже в случаях, когда употребление страдательного залога обосновано, приоритетом пользуются возвратные формы глаголов или конструкции типа «*resultar / verse / quedar + participio*», например:

Cinco mil soldados, trabajadores médicos y de rescate **se movilizaron** a la zona; La localidad de Mosquera a las afueras de Bogotá **se vio fuertemente afectada** por las lluvias. (TeleSUR);

Por todo el país **se han declarado** decenas de incendios; Algunos como éste **quedaron muy afectados** por el terremoto; viviendas **se vieron anegadas** por el agua (TVE).

Итак, новостные дискурсы компаний TVE и TeleSUR демонстрируют небольшие различия на лексическом и грамматическом уровнях, соответствующие нормам пиренейского и латиноамериканских национальных вариантов испанского языка в их конвергентной составляющей, соответственно. Более того, данные расхождения не представляют собой преграду для понимания и усвоения новостной информации аудиторией, представители которой имеют различное происхождение, уровень образования, культуры и т.д. Следовательно, можно сделать вывод, что приоритетные задачи дискурса в целом (информативность, общедоступность, понятность и т.д.) являются основополагающими для формирования параметров новостного медиадискурса и ориентируются скорее на конвергентные, чем на дивергентные формы существования современного испанского языка и их лингвистические параметры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фирсова Н.М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол.: Учеб. пособие. — М.: Изд-во РУДН, 2002.
- [2] *Oliva L., Sitjà X.* Las noticias en radio y televisión. Periodismo audiovisual en el siglo XXI, 5ª edición. — Barcelona: Ediciones Omega, S.A., 2007.
- [3] *Sancho Rodríguez A.* Lenguaje periodístico. URL: <http://personal.telefonica.terra.es/web/apuntesasr/LenguajePeriod.htm>

SPANISH MEDIA DISCOURSE: CONVERGENT AND DIVERGENT PROCESSES

I.S. Gribanov

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

A.S. Mamontov

Chair of methods, pedagogy, psychology
Faculty of Professional Skills Upgrading
The Poushkin State Russian Language Institute
Ac. Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117486

The article deals with linguo-pragmatic parameters of news media discourse, reviews it's convergent and divergent characteristics in Peninsular and Latin American variants of the modern Spanish language.

Key words: Spanish media discourse, linguo-pragmatic parameters, convergent and divergent characteristics.

ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБАЯ СФЕРА КОММУНИКАЦИИ

Ж. Багана, Э.А. Бочарова

Кафедра французского языка
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье рассматриваются характерные особенности политического дискурса, и основания выделения в его рамках предвыборного дискурса как относительно самостоятельного жанра политической коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, политическая коммуникация, политический дискурс, предвыборный дискурс, функции политического дискурса, политическая лингвистика.

Прежде чем переходить к рассмотрению понятий «политический дискурс» и «предвыборный дискурс», необходимо определить соотношение таких основополагающих понятий, как «текст» и «дискурс».

Существует множество вариантов определения понятия «текст».

Например, И.Р. Гальперин определяет его как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа» и имеющее «определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1. С. 18], а М.Н. Кожина — как результат «функционирования языка в процессе коммуникации» [2. С. 12]. С точкой зрения последней согласны многие исследователи, отмечающие коммуникативную направленность текста, такие, как К.А. Филиппов [3], Klaus Brinker [4]. А мнение И.Р. Гальперина поддерживают лингвисты, придающие особую значимость авторскому началу в тексте и его завершенности и целостности, например, Г.В. Колшанский [5], О.В. Александрова [6] и другие.

Однако само понятие целостности текста полностью реализуется только через неразрывную связь текста с внетекстовым, в том числе и экстралингвистическим фоном. Одних данных языка недостаточно для раскрытия сути и специфики целого текста, которая может быть объяснена только с учетом социокультурного, коммуникативного, когнитивного и других аспектов. Именно такое осмысление лежит в основе разделения понятий «текст» и «дискурс» [7. С. 69].

По определению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, погруженная в жизнь», «текст в событийном аспекте» [8. С. 137]. О соотношении дискурса и коммуникативного события также писал Т. ван Дейк [9. С. 122], а на зависимость дискурса от лингвистических и экстралингвистических факторов указывают Е.С. Кубрякова [10. С. 525] и Е.И. Шейгал [11. С. 11].

Научные работы, посвященные исследованию дискурса, условно можно разделить на две группы: исследующие построение дискурса (например, рассмотрение лексико-стилистических средств политических текстов), исследующие понимание дискурса адресатом (например, проблему нейролингвистического програм-

мирования) и рассматривающие процесс языковой коммуникации с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, политическая коммуникация).

На сегодняшний день политическая коммуникация и политический дискурс являются объектами пристального внимания широкого круга исследователей в России и за рубежом. По мнению А.Н. Баранова, возрастающий интерес к исследованиям политических текстов можно объяснить следующими факторами: 1) внутренние потребности лингвистической теории, которая в разное время обращалась к разным сферам функционирования языковой системы, 2) политологические аспекты изучения политического мышления, его связи с политическим поведением, необходимость разработки методов анализа политических текстов, 3) социальный заказ, стремление освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [12. С. 245].

Политическая коммуникация — это совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей значение [13. С. 18]. Это речевая деятельность, содержание которой определяется борьбой за власть как стратегической целью.

По словам А.П. Чудинова, основной задачей политической лингвистики является исследование многообразных взаимоотношений между языком, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества [14. С. 69].

Е.И. Шейгал определяет политический дискурс как совокупность всех речевых актов, совершаемых в процессе политических дискуссий [11. С. 16]. Также это понятие описывают как совокупность текстов, возникающих в процессе политической деятельности, и так или иначе коррелирующих друг с другом. При этом дискурс зачастую продуцируется не индивидуальным, а коллективным субъектом, например, партией, движением, политическим или социальным институтом [7. С. 76].

Политический дискурс выполняет ряд вполне конкретных функций, среди основных из них можно назвать такие, как:

— персуазивная функция — обозначает воздействие адресанта на адресата через устное или письменное сообщение с целью убеждения в чем-либо, призыва к совершению или не совершению определенных действий [7. С. 26];

— суггестивная функция — скрытое воздействие, в первую очередь, словесное, в результате которого «кто-то усвоил некие намерения, установки, цели, находясь в атмосфере осознаваемой свободы выбора» [15. С. 27], то есть внушение, наведение на определенные мысли при ослабленном контроле со стороны сознания в процессе получения и обработки информации [16. С. 3];

— информативная функция — сообщение адресату о тех или иных политических событиях является, скорее, вспомогательной функцией политического дискурса, так как выступления политиков крайне редко бывают эмоционально нейтральными и свободными от реализации функций, указанных выше;

— экспрессивная функция — это отражение индивидуальности адресанта, которое непосредственно влияет на продуцируемые им сообщения, конечной целью

которых является оказание эмоционального или интеллектуального воздействия на адресата [17. С. 72];

— магическая функция — реализуется, в основном, в ритуальном политическом дискурсе. К политическим событиям, носящим полностью ритуальный характер, исследователи относят инаугурацию президента, новогоднее обращение президента, ежегодное послание президента конгрессу (Совету Федерации), тронную речь королевы и т.д. Е.И. Шейгал отмечает, что обращения главы государства в рамках мероприятия такого типа «не содержит полемических высказываний... ничего, что стимулировало бы мысль или бросало вызов... Все это свидетельствует о высокой степени ритуальности... жанра, о преобладании в нем фатичности над информативностью» [11. С. 206];

— коммуникативная функция — облегчает общение адресанта с адресатами, ориентирует адресатов и позволяет говорящему рассматривать ситуацию с их точки зрения, что сводит к минимуму возможность не- или недопонимания.

Реализация таких критериев, как набор выполняемых функций, наличие цели и событийности, то есть коммуникативной ситуации, позволяет определять предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации. Жанр предвыборного дискурса изучается не только политической лингвистикой, но также находится в сфере интересов таких наук, как лингвистика текста, прагматическая лингвистика, социолингвистика, политология, социология, теория аргументации, риторика и ряда смежных наук. В зарубежной политической лингвистике предвыборный дискурс изучается политической риторикой.

Предвыборный политический дискурс — это речевой жанр, который является сложным коммуникативным событием и одновременно — вербальным оформлением этого коммуникативного события, и имеет определенный ролевой и состав участников, отличается публичностью и официальностью, например, публичное выступление кандидата на пост президента по случаю его выдвижения одной из партий. Такая речь содержит в себе побуждения и призывы к действиям, отражает убедительную позицию адресанта и отличается особым эмоциональным настроением.

Для предвыборного дискурса, как и для политического, основополагающими концептами являются «власть» и «политик», но при этом центр тяжести концепта «власть» смещается на такой его составляющий, как «борьба за власть» [11. С. 43].

Однако это далеко не единственный аспект, отличающий предвыборный дискурс от политического. Известно, что политический дискурс существует в письменной и устной формах, а в рамках последней выделяют такие разновидности, как диалог и монолог.

Монологическим выступлениям предвыборного дискурса присуща диалогичность, так как в своем обращении политик не только объясняет свою политическую позицию, обосновывает и отстаивает свое право на власть, но также ведет заочную полемику с оппонентами, пытается убедить в своей правоте сторонников других кандидатов и сохранить доверие своих сторонников, чтобы получить большую поддержку на выборах.

Предвыборный дискурс обладает всеми признаками политического дискурса и выполняет все характерные для него функции, однако существует значительная особенность, позволяющая выделять его как самостоятельный дискурс в рамках (более широкого) политического — это тот факт, что предвыборный дискурс относится к строго определенной коммуникативной ситуации и имеет четкие временные ограничения, называемые агитационным периодом и регламентированные законом. Именно это определяет специфику предвыборного дискурса и лишает его смысла вне установленных временных рамок.

Исследователи политического дискурса выделяют еще одну его важную особенность — тематическую детерминированность. Если в других жанрах политического дискурса количество и содержание практически ничем не ограничено, то в рамках предвыборного дискурса они неизбежно концентрируются на деятельности тех или иных кандидатов или политических объединений — участников предвыборной кампании.

Основной задачей предвыборного политического дискурса является внушение адресатам (избирателям, гражданам общества) необходимости совершения «политически правильных» действий и/или оценок. Воздействие на воспринимающее сознание (адресата) может оказываться различными методами и нацелено на изменение изначально имеющейся у индивида картины политического мира, путем внедрения в сознание адресата определенных мнений, отношений и/или установок. Чаще всего это происходит не прямо (например, особым речевым формулированием) и необязательно связано с ложью и искажением фактов [7. С. 15].

Таким образом, учитывая характерные особенности предвыборной агитации, можно определить предвыборный дискурс как жанр политического дискурса, объективированный в виде совокупности текстов, содержащих материалы агитационного характера, имеющих отношение к конкретной предвыборной кампании и распространяемых в строго определенные временные промежутки. Основной функцией этих текстов (устных и письменных) является воздействие на сознание адресата коммуникации (потенциального избирателя) с целью побуждения в нем намерений к действиям, которые могут не совпадать с его собственными интересами, но будут выгодны адресанту.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
- [2] Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. — 1987. — № 2.
- [3] Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. — СПбГУ, 2003.
- [4] Brinker Klaus. Textlinguistik. — Heidelberg: Groos, 1992.
- [5] Колишанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М., 1984.
- [6] Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. — М., 1984.
- [7] Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006.
- [8] Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990.
- [9] Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- [10] Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М., 2004.

- [11] *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.
- [12] *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. — М., 2001.
- [13] *Киуру К.В.* Публичная коммуникация: дискурсивные практики и коды. — СПб., 2005.
- [14] *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале // *Русская речь*. — 2002. — № 1, 2, 3.
- [15] *Nickl M.M.* Einige Entwürfe und Einträge in der neueren kommunikationswissenschaftlichen Persuasionsforschung // *Beiträge zur Persuasionsforschung*. — M. Hoffman, Hrsg. Ch. Keßler. — Peter Lang Frankfurt, 1998.
- [16] *Авдеенко И.А.* Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2001.
- [17] *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации.* — М., 1990.

ELECTION CAMPAIGN DISCOURSE AS A PARTICULAR COMMUNICATION FIELD

J. Baghana, E.A. Bocharova

Department of French language
Belgorod State University
Pobedy str., 85, Belgorod, Russia, 308015

The article outlines the general properties and characteristics of election campaign discourse that allow it to be distinguished as a relatively independent genre of political communication within the framework of the political discourse.

Key words: discourse, political communication, political discourse, the discourse of an election campaign, the functions of political discourse, Political Linguistics.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И КАРТОТЕЧНЫЕ СОБРАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛАВЯНИЗМОВ

Ж.К. Кыинова

Кафедра русского языка
КазНУ им. аль-Фараби

пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан, 050040

В статье представлено лексикографическое описание славянизмов. На примерах, эсцерпированных из этих исторических словарей и Картотеки древнерусского словаря, автор раскрывают историко-культурную информацию, заключенную в семантике славянизмов.

Ключевые слова: лексикографическое описание, славянизмы, семантика, исторические словари и картотеки.

Славянизмы (слова, заимствованные из старославянского и церковнославянского языков) — ментально значимые единицы языка, в которых сконцентрированы многовековой опыт, культурные и религиозно-православные ценности русского народа. В современном языковом сознании славянизмы соотносятся с архаизмами и несут следы иного мировоззрения и иной картины мира. Происшедшие в картине мира носителей языка преобразования и их языковая концептуализация происходило в свете духовной рефлексии — осознанием и усвоением духовных ценностей. Именно в семантике этих слов сохранились существенные с точки зрения новых языковых отношений, значения, что позволяет говорить об их ценностной маркированности в оппозиции «духовное»/«светское».

В памятниках письменности представлена история слов и их семантическая эволюция, поэтому исторические словари и картотечные собрания служат важным источником трансляции историко-культурной информации. Так, уникальный материал по истории слов и их значений, заключенной в их семантике, представляют собой картотеки выписок из памятников письменности исторических словарей, например Картотека древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, являющаяся базой Словаря русского языка XI—XVII (далее — КДРС). При этом для иллюстрации значений слов в словаре используется лишь 25% документирующего материала картотеки. Интересным представляется история слов, претерпевших в своем развитии различные семантико-стилистические трансформации. Так, многие славянизмы в прошлом имели нейтральные значения, и потому обозначали вполне обыденные, физически-конкретные понятия,

прилагаясь к любому субъекту в любой предметной ситуации. Некогда слово *перси*, которое в современном языке встречается лишь в «высоких» контекстах в качестве поэтизма, описывающем эстетически привлекательный объект, обозначало обычное «анатомическое» понятие: ... и снисдеся бес числа людей, и влезоша в воду, и стояху инъ до шии, а друзии по *перси*, младенци же по перси от берега, друзии же младенци держащее, свершении же бродяху, попове стояще молитвы творяху («Повесть временных лет» Радзивиловская или Кенигсберская летопись. — СПб., 1902 список к XV в). В древнерусском языке было и прилагательное персистый, т.е. широкогрудый: Менеалость: низокъ, пръсисъ, крепокъ, румянь [1. II. С. 325].

Исконно многие слова обладали более широкой предметной сферой, что объясняется принадлежностью исконного славянизма (церковнославянизма) культурному языковому слою, в то время как современное, секуляризованное сознание осмысляет эту «духовность» в терминах религиозности, отводя ей тем самым узкоспециальную предметную область. «В изменениях значений славянизмов отражаются многие идеи и образы, свойственные христианской философской литературе. Так, представление о ничтожности, смертности материального и величии, бессмертии духовного отразилось в истории слова прахъ, заимствованного из старославянского языка. Первоначально старославянское прахъ, как и русское порошок, означало любое сыпучее вещество (пыль, пепел и т.п.). Однако для церковно-книжных памятников было типично употребление слова прахъ по отношению к останкам человека, например: «приникахомъ бо и къ гробу всегда... что убо тамо видехомъ бра(т)е... не попелъ [т.е. пепел] ли и прахъ» («Огласительные поучения Феодора Студита»). Иные употребления слова (в значениях «пыль», «порошок») постепенно уступают место этому наиболее типичному употреблению. Русское порошок употреблялось в иных жанрах (его фиксации в церковно-книжных памятниках единичны), называя чаще всего пыль, а также порошок (обычно лекарственный). С XVII в. в деловой письменности это слово стало употребляться преимущественно для называния сыпучей взрывчатой смеси, передавая свои первичные значения другим словам (пыль, порошок)» [2. С. 172].

Обращение к истории слов помогает интерпретировать исконную культовую принадлежность. Интересна в этом смысле судьба слова *очищение*, которое в современном языке материализовалось, стало преимущественно использоваться по отношению к физически-конкретным предметным ситуациям, ср.: очищение организма, в то время как для древнерусского сознания было более актуальным духовное очищение, очищение и избавление от грехов: — Бъ· дальъ кѣсть намъ м· дн· ии сию на · чищенью дш· и («Повесть временных лет» 6582 г.) [1. II. С. 847]. О сложной семантической структуре слова «очищение» свидетельствует словарная статья в «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского, в которой приводятся различные значения: «духовное очищение», «прощение», «чистота духовная», «обряд очищения после некоторых болезней», «месячное очищение у женщин», «освобождение от долгов и недоимок» [Там же].

Добродетель в языковом сознании средневекового человека не только его добрые и благие деяния, но и его вера и набожность, чистота души и помыслов. *Добродетель* в старославянском (церковнославянском) языке — это не абстракт-

ное понятие, а своеобразная философия жизни человека, смысл которой в его движении к Богу. Среди добродетелей нравственно-религиозного характера, т.е. добродетелей «собственно духовных», выделяются такие ее составляющие, как набожность, благочестие, кротость, покорность, смирение, надежда, доброта, милосердие, старательность, усердие, забота, справедливость, долготерпение, любовь к людям и др. Впоследствии произошла утрата церковной семы, и слово стало означать нравственно-этическое понятие, не связанное с религией.

Основное направление семантико-стилистической эволюции славянизмов заключалось в их «обмирщении» — утрате церковной коннотации, в результате чего появляются слова с полной или частичной амнезией — потерей памяти о своем «прошлом». В таких случаях слово реализует два значения: «духовное» религиозное и «светское», «мирское», при этом «духовное» воспринимается современным носителем языка как узкоспециальное — «церковное». Так, связь страсти со «страхом» и всем комплексом «страдания», «испытания», «подвига» и «очищения» обыденным языковым сознанием не ощущается. Понимание страстного как «страшного» можно проследить на следующем примере: ...Сыне Божий, ущедри мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа... Избави же мене от страстного оноу и жесточайшего гласа, еже речеши грешным, сущим ошуюю тебе: «Отидите от мене...» (предсмертный плач мученицы Иустины из «Житии боярыни Морозовой»).

Примером полного забвения словом своего «прошлого» может быть исконная семантика слова «неприянь», которое для носителя современного языка никак не соотносится с самим источником зла (непр· · знь в древнерусском и церковнославянском — это одно из названий дьявола), ср.: Игры неприяньны и всякая злоба (Кирилл Туровский «О премудрых»).

Редукция сакрального в названиях эмоций, зачастую ведущая к затемнению внутренней формы слова (ср. восхищение — «похищение», пленительный — «берущий в плен») явилась следствием общей интенции этой семантической реформы — обмирщения, секуляризации чувств: высокие проявления и эмоции в новых условиях получают двойную интерпретацию — «духовное»/«светское», что мыслилось уже не только в свете религиозного источника.

Многие слова обладали потенциалом двойного осмысления и истолковывались исходя из контекста, например, зрѣти — это и «видеть» и «иметь в мыслях»: зрѣти на Володимерь — думать о Владимире [3. С. 207]. Развитие переносных значений свойственно многим славянизмам. Например, у славянизма «зреть» в процессе эволюции языка развивается переносное значение, которое в современных словарях выступает как основное: 1. Становиться зрелым (в 1 и 2 знач.). *Яблоки зреют. В юноше зреет ученый. Наступать, приближаться. Зреет решение. Зреет обида. сов. созреть.* В то время как исконное его значение «видеть, смотреть» маркируется как устаревшее. *Он зрит печальную картину. сов. узреть* [4. С. 237]. Такой семантический процесс в истории слов, который служил одним из основных приемов формирования отвлеченных понятий, относящихся к различным сферам духовной, социальной и культурной жизни общества, Е.С. Копорская называет метафорическим переносом. «Характерной чертой процесса метафоризации в новое время является развитие у славянизмов образных, метафорических употреб-

лений, восходящих к старославянскому языку. У многих слов, имевших в старославянском языке как прямое, так и переносное значение, происходит постепенное «затухание» прямого значения, актуализация и дальнейшая эволюция метафорического значения. Расширяется и в ряде случаев полностью сменяются словосочетательные связи слова в переносном значении, приводящие часто к вычленению из старого переносного — нового» [5. С. 237].

В Картотеке древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН находим интересный пример употребления глагола «узреть» в значении «поспеть, поспеет, спелый». Ср.: *Да тутъ же радитца пшеница и ячмень, да иные симена сиють, и растеть что пырей и как **узрееть** изъ того заврътъ въ котль гораздо и радитца от того сахаръ* (Спафарий Китай. Статейный список посольства Н. Спафария в Китае (1675—1678). Однако выборка примеров по материалам Картотеки позволяет говорить о том, что преимущественно «узреть» используется в основном, исконном прямом значении «увидеть»: *«Мы же аще и един час главою поболим, или прыць на теле нашем **узрим**, то в борзе всем знаемым нашим возвещаем»* (Послание Ив. Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, XVI—XVII вв.); *«Мы мужи Полочяне даемъ въдати, кто на сію грамоту **узритъ** или услышитъ чтучи»* (ААЭІ, — СПб., 1836). В «Материалах для древнерусского словаря И.И. Срезневского» не выделяется такое значение глагола «узреть», как «поспеть», но приводятся другие его значения. Ср.: «узнать, уразуметь»: Извързи кладуу прѣжде от очесе своего, тѣгда оузьриши извърѣшти с· чыць отъ очесе брата твоего; Боли Оцъ ъ, больство же его оузьримъ въ Сн· оу [1. 1175]. Кроме того, глагол «узреть» был синонимом слова «взирать», а значит, употреблялся и в значении «посмотреть, взглянуть»: Се · панъ Бенко, староста Галицький и Сн· тиньский, свѣдѣю то своимъ листомъ каждому доброму, кто на сесь листь оузритъ [1. II. С. 847]. В современных словарях «узреть» маркируется как устаревшее, а «узьришь» в значении «увидеть, усмотреть» — как шутовое, ироническое [4. С. 237].

Переносные употребления были наиболее типичны и для глагола *презреть*. Исконным прямым значением этого глагола было «смотреть (посмотреть) мимо чего-либо, например: «идеть... презря и не видя лежащихъ... больных» («16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского», по списку XIV в.). Оно складывалось из значений составляющих это слово частей: глагола *зрети* — «смотреть» и приставки *пре-*, имевшей в данном глаголе значение «через, мимо». Однако применения глагола в этом значении были единичными. Абсолютно преобладали его употребления в значении «не обращать (обратить) внимания на что-либо». При этом глагол мог означать, во-первых, оставление без внимания порока, греха, прощение их, например, «милует же все(х)... *презри(т)* грехи чл· векъ каюущи(х)ся» (Житие Варлаама и Иоасафа» по списку XIV—XV вв.); во-вторых, невнимательное, недружелюбное отношение к кому- или чему-либо: «и житѣ се лестное (т.е. обманчивое, лживое) *презреша* и вечное възлюбиша» («Поучение о посте», Троицкий сборник, конец XIV в.). Современное значение восходит к употреблению второго типа; аналогично развивалось значение слова *ненавидеть* от *видеть*, как *презреть* от *зреть*.

Изменения в семантике славянизмов приводили к утрате некоторых их значений, т.е. в процессе динамики языка в силу различных причин, выходили из употребления одни значения и развивались другие, новые. Так, исходным значением славянизма *челнок* (*челнь*) всегда было и остается его русский синоним *лодка*, но в прошлом это слово имело и другое значение, которое было обнаружено нами в Картотеке древнерусского словаря в результате выборки: **челнокъ** — *длинный, узкий, начиненный крупю пирог* (А. Подвысоцкий. «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении». — СПб., 1885). Судя по источнику, можно предположить, что *челнокъ* в значении *пирог* было известно только в определенной местности, а значит, оно было диалектным, тем более что такое значение этого слова не зафиксировано в исторических словарях. Между тем в Словаре русского языка С.И. Ожегова приводится новое, приобретенное со временем, значение, которое, на наш взгляд, называет предмет, похожий по форме на лодку. Ср.: **челнок**, — 1. То же, что челн (выдолбленная из дерева лодка). 2. В ткацком станке, швейной машине: овальная, продолговатая или иной формы колодка с накрученной или укрепленной внутри нитью [4. С. 237]. В процессе номинации предмета развилось его мотивированное значение, поэтому здесь речь идет о метафоризированном термине. Когда-то слово *челнок* обозначало предмет, который по форме тоже был похож на ладью (лодку). Ср.: **челнь** — кубокъ, братина въ виде челна: — Да семьнатцать кубковъ..., да вольт, да чолнь, да курь, а весу въ кубкехъ и въ воле и въ куре и въ чолну восьмьдесятъ гривенокъ и шесть гривенокъ [1. III. С. 847]. С исчезновением предмета из языка ушло и его название, тем более что для современного языкового сознания архаичным является исконное значение, которое нуждается в социокультурной интерпретации.

На основе переноса значения, столь характерного для номинации какого-либо предмета, объекта, явления в современном языке, появилось новое значение славянизма «челнок»: *челнок* (*челноки*) — торговцы, закупающие товары широкого потребления мелким оптом и реализующие их в розницу с наценкой. Думается, что подобное значение появилось в языке в результате метафоризации, переноса по сходству — совершение частых движений туда и обратно между двумя пунктами, подобно челну на переправе. Современное языковое сознание не ассоциирует это новообразование с челном-лодкой (для современно языкового социума необходимо семантизация этого архаизма), но связь с исконным значением можно установить с помощью толкования прилагательного *челночный*. Ср.: **челночный** — 1. см. челнок. 2. *перен.* Связанный с регулярным движением между двумя пунктами на короткой дистанции. *Челночный маршрут. Челночные перевозки.* В обиходе современного языка встречаются сочетания *челночный бизнес, челночный бег, челночный стезжок*. Разваленная экономика породила феномен челночного бизнеса — социального явления, характерного для постсоветского периода и перехода страны в рыночную экономику. Из этого следует, что появление и актуализация того или иного значения слов связано прежде всего с экстралингвистическими факторами.

Изменения значений слов весьма разнообразны и индивидуальны, но в языковедении достаточно четко обозначены основные тенденции и закономерности, свойственные славянизмам. «Одна из важных закономерностей изменений в языке состоит в том, что наиболее частое, типичное использование постепенно становится

единственно возможным. Таким путем изменяют свои значения очень многие славянизмы. Количественные изменения в их употреблении способствуют серьезным качественным изменениям. При этом на основе конкретных значений слов очень часто развиваются абстрактные» [2. С. 164]. В результате распада двуязычия, «в условиях современной языковой ситуации за славянизмами закрепляются особые функции — выражение абстрактного, возвышенного и поэтического содержания» [6. С. 118].

Сейчас, как и много веков назад, славянизмы служат для выражения возвышенного, торжественного значения, что делает их употребительными в «высоких» контекстах и способствует их активному функционированию в культурно значимых для носителей языка текстах — философских, поэтических, религиозных. Ценностная отмеченность этих слов — следствие отстоящей во времени духовной рефлексии носителей языка. В таких случаях раскрываются не стилистические возможности слова, а актуализируется культурно-историческая мотивация семантики языковых единиц в синхронии. Языковое сознание современного социума нуждается в осмыслении кирилло-мефодиевской традиции, благодаря которой современная культура продлевает свою жизнь в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. I—III. — СПб., 1893—1913.
- [2] Улукханов И.С. О языке Древней Руси. — М.: Азбуковник, 2002.
- [3] Дьяченко Гр. Полный церковно-славянский словарь (репринт 1890 г.) — М., 1993.
- [4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1991.
- [5] Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в РЛЯ нового времени. — М.: Наука, 1988.
- [6] Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). — М.: Гнозис, 1994.

HISTORICAL DICTIONARIES AND CARD ASSEMBLY AS THE SOURCES OF SEMANTICISMS OF SLAVONICISMS

Zh.K. Kiynova

Kazakhstan National University — al-Farabi
*Prospect al-Farabi, 71, City of Almata,
Republic of Kazakhstan, 050040*

In this article, we present the lexicographical description of Slavonicisms. In the examples are excerpts from these historical dictionaries and cards of the ancient/old Russian dictionary, author that reveal historical-cultural information which are enclosed in the semantics of Slavonicisms.

Key words: lexicographical description, Slavonicisms, semantics, historical dictionaries and cards.

ПОЭТИКА ТЕКСТА

ЛОГИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИМВОЛА И МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

И.В. Якушевич

Кафедра русского языка и методики
Московский гуманитарный педагогический институт
Ходынский бул., 21А, Москва, Россия, 125252

В статье символ и метафора противопоставлены как механизмы ассоциативного мышления с разной референцией, которая и обуславливает выбор синтаксических средств их выражения в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэтический текст, символ, метафора, логический и синтаксический аспекты.

Поэтический язык немыслим без символа и метафоры, и в современной лингвокультурологии научный интерес к этим механизмам образного мышления лишь усиливается. Если о метафоре сказано, как нам кажется, чересчур много, то о символе — чересчур мало, неопределенно, как о чем-то не имеющим к сфере лингвистики никакого отношения. В частности, остаются непроясненными принципы разграничения символа и метафоры в поэтическом тексте, ведь их неразличение в художественном пространстве стихотворения иногда фатально для его интерпретации. В этой статье мы попытаемся доказать, что выбор синтаксической единицы, выражающей символ или метафору, обуславливает их точную квалификацию в поэтическом тексте, что позволит верно оценить и воссоздать художественный мир лирического стихотворения.

Оба термина — и «символ», и «метафора» — можно рассматривать гносеологически, как тип образного мышления, и эстетически, как прием в художественной речи. Рассмотрим символ и метафору в одной «плоскости» — как выраженные языковыми средствами механизмы образного мышления.

Как знак, символ состоит из означающего — чувственного образа, воспринимаемого перцептивно, и означаемого — нескольких отвлеченных, даже метафизических, понятий типа «бог», «мироздание», «душа», «чувство», «жизнь», «смерть» и пр. К примеру, символ «снег» состоит из чувственного образа СНЕГ и следующих отвлеченных значений: 1) смерть или болезнь; 2) беда; 3) негативные переживания; 4) сон; 5) брак (1).

Между чувственным образом и его символическим значением устанавливается подобие. П. Флоренский определил его как растворение чувственной, и поэтому понятной энергии, в энергии другой, непознанной, но более ценной сущности так, что первая несет эту непознанную энергию в себе [10. С. 26]. А.Ф. Лосев более конструктивно объяснил загадочную природу символического подобия: понятие-означающее является орудием познания, тем, что не только обозначает нечто отличное от себя, но является «методом ориентации в ней, методом ее распознавания, принципом превращения ее для человека из плохо сознаваемого или даже совсем не тронутого никаким познанием хаоса в расчлененный и познаваемый космос» [7. С. 168]. Например, ДОМ, символизируя человека, является принципом образно-пространственного осмысления того, что древнему человеку недоступно вне образов: физиология тела, мир чувств и мыслей. Так окна символизируют глаза, а крыша — голову и разум, рассудок.

Метафора — «способ мышления и познания действительности, заключающийся в уподоблении познаваемого объекта А объекту В, уже в достаточной мере нами познанному и поэтому допускающему некоторую экстраполяцию своих признаков на объект А» [8. С. 67]. Как знак метафора также состоит из означаемого (логический субъект) и означающего (логический предикат). При метафоризации определенные признаки логического предиката экстраполируются на логический субъект. К примеру, в метафоре *золото волос* логический субъект — *волосы*, логический предикат — *золото*. Метафора — это «ассоциативная предикация» (термин П. Рикера).

На первый взгляд, символ и метафору различить трудно: и тот и другой механизмы вырастают из подобия двух предметов, явлений, ситуаций, что и является причиной их неразличения в художественном тексте. Однако символ и метафора — принципиально разные типы ассоциативного мышления и задают разную художественную реальность поэтического текста. Корень отличия символического мышления от метафорического скрыт в их разной референции.

Акт сравнения, или подобия, «создается признаками субстанции и устанавливается между разными объектами, обладающими большим или меньшим количеством общих черт» [1. С. 276]. Причем, при образном сравнении сходство устанавливается между предметами, принадлежащими разным классам: например, льдинами и лебедями из стихотворения А. Фета «Опять незримые усилья...»: *И речка к ней на середине За льдиной выпускает льдину, Как будто стаю лебедей*. Референцию подобия в этом стихотворении можно трактовать двояко: 1) стая плывущих белых лебедей столь же реальна, как поток белых льдин на вскрывшейся весенней реке; 2) стая лебедей — умозрительная ситуация, возникшая в сознании автора как ассоциация по цвету и множественности предметов на плывущие по реке льдины. В первом случае мы имеем два референта (лебеди и льдины), а во втором — только один (льдины).

Референт сравниваемого понятия (то, что сравниваем) достоверен всегда, поскольку выполняет роль субъекта ассоциации. А вот утверждать реальность референта сравнивающего понятия можно лишь в контексте. Так, в строке М. Цветаевой *То не белый плат вьется — Душа с телом расстаётся* сравнивающая ситуа-

ция (*плат вьется*) иллюзорна благодаря отрицающему ее контексту: *то не белый плат вьется*. Такое сравнение монореферентно: достоверна только реальность смерти. Итак, подобие, лежащее в основе как символа, так и метафоры, может быть как моно-, так и полиреферентно в зависимости от контекста.

У метафоры референция иная, поскольку метафора, по мнению Н.Д. Арутюновой, является и тождеством и подобием одновременно. Вообще, с точки зрения логики тождество — это «равенство предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов», если все свойства одного предмета характеризуют и другой, отождествляемый предмет [9. С. 457] Тождество возможно, если, во-первых, оно возникает между разными именами одного и того же референта или сравниваемые предметы принадлежат к одному и тому же классу [1. С. 279—280].

Основываясь на подобии, метафора идет дальше и устанавливает тождество между предметами, относящимися к разным классам, поэтому полученное тождество с точки зрения рациональной логики ложно. Ведь тогда, к примеру, в метафоре *золото осени* металл и время года — одно и то же. Это, безусловно, не так, поскольку отождествляются только признаки сопоставляемых предметов, а референт остается один — осень как субъект ассоциации.

Продemonстрируем механизм метафоризации на примере метафоры М. Цветаевой *сновидца, всевидца Пустое стекло*. На первом этапе устанавливается факт подобия между предметами: «глаза спящего человека подобны пустым стеклам». Это утверждение истинно, так как не противоречит рациональной логике. На втором этапе сравнение редуцируется до тождества. Но утверждение *сновидца пустое стекло* ложно, ибо нарушает рациональную логику: у человека не могут быть окна вместо глаз. Именно этот последний этап качественно преобразует исходное подобие в метафору. Ложное высказывание порождено нарушением семантического согласования в синтагме и свидетельствует о том, что одно из слов употреблено в переносном значении (в нашем примере это слово «стекло»). Нарушение семантического согласования слов в синтагме — несомненный лексико-семантический маркер метафоры [4. С. 490]. Важно, что актуальным является только один референт (глаза), второй же редуцирован и мыслится условно как предмет сравнения. Итак, метафора монореферентна.

Попытаемся описать метафорическое мышление с точки зрения референции. Источником референции, заполняющей художественное пространство стихотворения, является лирический субъект — это своеобразный «двойник» автора, создающий вокруг себя художественный мир как «созвучие внешнего и души, возбужденное им настроение, сердце, как оно чувствует себя в таком окружении» [6. С. 514—515]. Мир вещей — материализация его сознания. В метафорическом сознании лирический герой доминирует и обуславливает единство и целостность художественного мира, он — «режиссер», выбирающий и объект метафорического сравнения, и «тело» образного потока.

Направленность метафорической мысли обнажает уникальность авторского «я», которое может проявляться как в выборе объекта скрытого сравнения, так и в выборе образа-предиката. Поэтому метафора не тотально «заражает» весь художественный мир, но «точечно» выбирает один (или несколько) из его параметров.

Обратимся к метафоре осени как лесного терема из стихотворения И. Бунина «Листопад»:

Но Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем

<...>

Лес, точно терем, без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвою усыпал...

Автор сопоставляет реальность осеннего леса, охваченного листопадом, с реальностью терема, в котором живет женщина. Но лес реален, а терем гипотетичен. Он мыслится условно, как объект скрытого сравнения, и в художественную действительность стихотворения не включается: мы видим именно осенний лес, а не терем, который мыслим условно как иллюзорный мир, наслаивающийся на реальный. Лирическое «я» направляет ход метафорической мысли и выхватывает из гипотетической реальности детали, «примеривая» их к образу леса. Так, снятая с дома крыша — облетевшая листва, которая ложится на землю, словно бы у входа в терем. Первые зазимки поэт описывает в образе одетой в белую горностаевую душегрейку женщины, а наступившую зиму — как пустой открытый терем: *Давно уж птицы улетели; Туда и Осень поутру Свой одинокий путь направит И навсегда в пустом бору Раскрытый терем свой оставит.*

Итак, при метафорическом мироощущении лирический субъект един и является «режиссером» ассоциации. Он моделирует: 1) один художественный мир в одном пространственно-временном континууме; 2) при этом метафоризация затрагивает лишь избранные реалии художественного мира.

Подобие в символе полиреферентно: каждый из компонентов символа — и чувственный образ и абстракция — формируют вокруг себя свою реальность со своим пространством и временем. Они сосуществуют как два параллельных мира или измерения. Поэтому лирический герой в символическом мышлении раздвоен: в реальности означаемого его присутствие естественно, так как обычно это описание эмоций, переживаний. В реальности означающего лирический герой почти незаметен, растворен в объективности образов, создаваемых за пределами мира души, но мы почему-то уверены, что он живет как второе «я» этой материи, как ее новая душа и как ее вторая жизнь. Секрет этого ощущения в подобии сосуществующих реальностей символа: они как два параллельных, взаимозаменяемых и неотделимых измерения, как две взаимопроникающие энергии [10. С. 26] — мир плоти (означающее) и мир души (означаемое).

Так, в стихотворении З. Гиппиус «Тишь» реальность безмолвного зимнего города сосуществует параллельно с реальностью печали в сердце лирической героини: *На улицах белая тишь // Сердце, отчего ты молчишь?* Обе реальности

сосуществуют, но в разных фрагментах действительности, наполняя символическим смыслом друг друга: зимний город подобен печальной душе и, наоборот, душа лирической героини напоминает *белую тишь* города. В городе *тихий снег, тих как мертвый*, и в сердце тихий плач; над городом *окровавленный щит* луны, и в душе смута. Лирическое «я» полноправно царит в реальности души и только угадывается в эпитетах городского пространства (*тихий снег, окровавленный щит луны*), в гиперболизации повтора *такая тихая, такая тишь*.

Похожий образ в стихотворении «Памяти Цветаевой»: здесь реалии зимы, обозначенные словами *снег, сугроб* и формируют реальность, символизирующую смерть: *Пред домом яблоня в сугробе И город в снежной пелене. Твое огромное надгробье, Как целый год казалось мне.*

Таким образом, при символическом мироощущении формируются два подобных художественных мира, каждый со своим пространственно-временным континуумом, что является причиной раздвоения лирического субъекта: он в равной степени присутствует и в материальном мире означающего и в идеальном мире означаемого, тем самым утверждая их неразрывность и тождество. Опишем синтаксические конструкции, маркирующие метафорическое и символическое мироощущение.

Учитывая, что монореферентность метафоры и полиреферентность символа — главный параметр их разграничения, определим, как особенности онтологической природы символа и метафоры могут быть отражены в семантической и синтаксической структуре предложения. Для этого необходимо перейдем от референции имен, которая по своей природе предметна, статична, к динамической референции высказывания, простейшей единицей которой является событие.

Целое направление знаменитых логиков языка (Л. Витгенштейн, З. Вендлер, С.Д. Канцельсон) приняли за элементарную единицу онтологии мира событие: «Мир определен фактами и тем, что все факты» [3. С. 5]. При этом понятие «факт» и «событие» нередко отождествлялись. Событие — явление онтологическое: оно происходит, во-первых, в сфере людей, во-вторых, в определенное время и, в-третьих, в определенном месте. Понятие «ситуация» традиционно обозначает референцию высказывания [5]. Но принято говорить все же о событии, так как, по определению З. Вендлера, это «родовой термин, охватывающий такие понятия, как процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положения дел» [11. Р. 141]. Таким образом, событие реально является референтной единицей высказывания. Следовательно, чтобы «перекодировать» символ и метафору из умозрительной ассоциативной модели в высказывание, необходимо воспринимать их моно- и полиреферентность как моно- и полисобытийность.

Пропозиция изоморфна событию тем, что состоит из логического субъекта и его предикативного признака. В предложении предикативный признак приписывается предмету, названному подлежащим, то есть соотносится с такими грамматическими категориями, как модальность, время и лицо. Следовательно, пропозиция репрезентирует структуру события в предложении через категорию предикативности, и, таким образом, моно- и полисобытийность символа и метафоры непосредственно связана с моно- или полипредикативностью синтаксических конструкций.

Метафора порождает один пространственно-временной план, одно событие, которое может быть выражено в пределах одного предложения в виде предикативного или непредикативного сочетания слов или осложняющей конструкции. Приведем примеры метафор, оформленных разными синтаксическими конструкциями. Многие из них описаны Ю.П. Солодубом в статье «Структурная типология метафоры» [8].

Непредикативные (среди которых классические генетивные метафоры и эпитеты) и предикативные словосочетания:

а) *кровь уборов, золотиственных уборов, осень ищет взоров* (А.А. Фет: *Но есть и дни, когда в крови Золотиственных уборов Горящих осень ищет взоров*);

б) *горят розы, пылающие розы* (П. Вяземский): *По зыбким белым облакам Горят пылающие розы*);

в) *море грядущего, святилище небес* (Ф. Тютчев: *Грядущего волнуемое море, живая колесница мирозданья Открыто катится в святилище небес*).

2. Осложняющие конструкции:

а) причастный оборот: *два черных солнца, бьющих из-под век* (Б. Пастернак: *Что дремлет человек, Которому сквозь сон палят ресницы Два черных солнца, бьющих из-под век*);

б) приложение: *сон., замороженный лес* (И. Мандельштам: *Мой тихий сон, мой сон ежеминутный, Невидимый замороженный лес*).

Полисобытийность символа воплощается в большинстве полипредикативных синтаксических конструкций: сложносочиненных предложениях, сложноподчиненных предложениях расчлененной структуры, бессоюзных предложениях либо просто в разных предложениях одного сложного синтаксического целого или всего текста. Приведем несколько примеров.

1. Существование достоверных и самостоятельных референтов символа в высказывании лучше всего оформляется параллелизмом синтаксических конструкций, о котором много писал А.Н. Веселовский [2. С. 406]: *Целому морю — нужно небо, Целому сердцу — нужен весь Бог* (М. Цветаева) // *Запевает вьюга в полях моих, Запевает тоска на сердце* (С. Парнок) // *Слушай, ветер звезды гонит, Слушай, пасмурные кони Топчут звездные пределы И кусают удила* (А. Блок) // *Душа за душой, волна за волной — Два проявленья стихии одной. В сердце ли тесном, в безбрежном ли море, Здесь в заключении, там — на просторе* (Ф. Тютчев) // *Желтый лист о стебель бьется Перед бурей; Сердце трепетно трепещет Пред несчастьем* (М. Лермонтов). В большинстве примеров семантический параллелизм усиливается синтаксическим параллелизмом с анафорами.

2. *Сад весь в цвету, Вечер в огне, Так освежительно-радостно мне!* (А. Фет). Каждая часть бессоюзного предложения оформляет один из компонентов символов: САД — ДУША и СОЛНЦЕ — ДУША. Означающее первого символа — *сад в цвету*, второго — *вечер в огне* (то есть закат). Означаемое общее — *так освежительно-радостно мне* — как состояние души (метонимия: «душа — радость»).

3. В стихотворении И. Бродского «Витезслав не звал» лирический герой видит на другом конце пражского Карлова моста свою возлюбленную: *На Карловом мосту ты улыбнешься, Переезжая к жизни еженощно Вагончиками праж-*

ского трамвая. Это предложение — реализация означающего. Бытовая, на первый взгляд, ситуация имеет символический подтекст: для лирического героя Карлов мост с вагончиками трамвая — переправа в царство мертвых, потому что его подруга, умерев, еще не успела проститься с этим миром — *еженощно* она возвращается на землю. И лирический герой видит ее: *Я говорю, а ты меня не слышишь. Не крикнешь, нет, слова не напишешь. Ты мертвых глаз теперь не поднимаешь. И мой, живой, язык не понимаешь.* Этот поток простых и сложных предложений является означаемым древнего символа МОСТ — ПЕРЕХОД В МИР ДУШ, СМЕРТЬ. В компоненты символа оформлены разными предложениями, где особую смысловую нагрузку несет имя собственное *Карлов мост* и словосочетание *мертвые глаза*.

Итак, символическое и метафорическое мышление в поэтическом тексте трудно отличить друг от друга, поскольку они основаны на ассоциативном подобии двух предметов, явлений или ситуаций. Но если в символе подобие полиреферентно и воспринимается как поэтическое двоемирие, то в метафоре логико-ассоциативная предикация монореферентна. Полиреферентный, а точнее полиситуативный, символ выражен полипредикативными конструкциями, а монореферентная метафора — словосочетаниями или осложняющими конструкциями.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее значение символа формируется на основании повторяющихся данных следующих словарей символов: *Бауэр В., Домоц И., Головин С.* Энциклопедия символов. — М., 2000; *Копалинский В.* Словарь символов. — Калининград, 2002; *Мифы народов мира.* Энциклопедия. В 2 т. — М., 1992; *Керлот Х.Э.* Словарь символов. — М., 1994; *Надя Жульен.* Словарь символов. — М., 1999; *Тресиддер Д.* Словарь символов. — М., 2001; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. — М., 1999; Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. — Мн.: Харвест, 2004; *Грушко Е.М., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. — Нижний Новгород, 1996; *Славянская мифология.* Энциклопедический словарь. — М., 1995.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Тождество или подобие // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 276.
- [2] *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989.
- [3] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. — М.: Гнозис, 1994. — С. 1—74.
- [4] *Гак В.Г.* Лексико-семантические преобразования // Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 480—497.
- [5] *Гак В.Г.* О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Язык как знаковая система особого рода. — М.: Наука, 1967.
- [6] *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 1, 3. — М., 1968—1971.
- [7] *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. — 2-е изд., испр. — М.: Искусство, 1995.
- [8] *Солодуб Ю.П.* Структурная типология метафоры // Филологические науки. — 1999. — № 4. — С. 67—76.

- [9] Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. — М., 1963. — С. 457.
[10] *Флоренский П.А.* Иконостас. — СПб., 1993.
[11] *Vendler Z.* Say what you think. Studies in thought and languages. The Univ. of Arizona Press, 1970. — С. 141.

LOGIC AND SYNTACTIC ASPECTS OF DIFFERENTIATION OF THE SYMBOL AND METAPHOR IN THE POETIC TEXT

I.V. Yakushevich

Chair of Russian and a technique
Moscow humanitarian teacher training college
Hodynky str., 21A, Moscow, Russia, 125252

The short summary: In article the symbol and a metaphor are opposed as different mechanisms of associative thinking with different референцией which causes a choice of syntactic means of their expression in the poetic text.

Key words: poetic text, symbol, metaphor, logic and syntactic aspects.

НАШИ АВТОРЫ

Алонцева Наталья Владимировна — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Багана Жером — д.ф.н., профессор кафедры французского языка БелГУ (e-mail: baghana@yandex.ru)

Боброва Екатерина Давидовна — аспирантка кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru)

Бочарова Эмилия Александровна — аспирантка кафедры французского языка Белгородского государственного университета (e-mail: baghana@yandex.ru)

Бубнова Наталья Александровна — аспирантка кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru)

Гарсия-Каселес Кончита Карловна — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Грибанов Иван Сергеевич — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Дмитриева Елена Григорьевна — к.ф.н., ассистент кафедры иностранных языков № 1 филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Ефремов Николай Николаевич — д.ф.н., доцент сектора грамматики и диалектологии якутского языка, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (e-mail: nik. efrem50@mail.ru)

Жиану Мария-Магдалена — д.ф.н., преподаватель Университета «Константин Брынкуши» (e-mail: alexandra20alexe@yahoo.com)

Каскова Маргарита Евгеньевна — старший преподаватель кафедры теории и практики иностранного языка ИИЯ РУДН (e-mail: rudn-lingvo@mail.ru)

Киынова Жанар Кабдыляшымовна — к.ф.н., доцент кафедры русского языка КазНУ им. аль-Фараби (e-mail: www.kaznu.kz)

Кононова Полина Николаевна — аспирант кафедры лексики и фонетики французского языка Московского Педагогического государственного университета (e-mail: polina@kononov.name)

Крылов Александр Юрьевич — доцент кафедры восточной филологии отделения востоковедения факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: www.hse.ru)

Кургузенкова Жанна Вячеславовна — к.ф.н., заведующая кафедрой романно-германских языков и культур Московского государственного открытого университета (e-mail: www.msou.ru)

Мамонтов Александр Степанович — д.ф.н., академик РАЕН, профессор кафедры методики, педагогики и психологии факультета повышения квалификации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (e-mail: inbox@pushkin.edu.ru)

Мигولاتьева Ирина Владимировна — доцент кафедры иностранных языков № 1 филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Нелюбова Наталья Юрьевна — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Несова Наталья Михайловна — к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Радзиховская Вера Казимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. ФГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» (e-mail: vaguine@mail.ru)

Томашевич Стелла Бернардовна — доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Усманова Зульфия Ахатовна — ассистент кафедры иностранных языков № 1 филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Чернышов Михаил Юрьевич — к.ф.н., зав. методической частью Иркутского научного центра (ИНЦ) СО РАН, почетный профессор Кембриджского университета, иностранный член Royal Society (e-mail: cell@sifibr.irk.ru)

Чеснокова Ольга Станиславовна — д.ф.н., доцент, профессор, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Шкарбань Елена Андреевна — ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru)

Якушевич Ирина Викторовна — доцент кафедры русского языка и методики Московского гуманитарного педагогического института (e-mail: sa1107@yandex.ru)

Яненко Дарья Александровна — ассистент кафедры лексики и фонетики французского языка Московского педагогического государственного университета (e-mail: dariaved@yandex.ru)

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ЛИНГВИСТИКА

2012, № 1

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Подписано в печать 22.02.2012. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New RomanPS».
Усл. печ. л. 17,21. Тираж 500 экз. Заказ № 250

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
LINGUISTICS

2012, N 1

Managing editor *T.O. Sergeeva*

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Linguistics»:

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Количество
комплектов:

на 2012 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Стои- мость	подписки	руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ____ коп.	

на 2012 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН

Серия

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2012 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия

Стои- мость	подписки	руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ____ коп.	

на 2012 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
